

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

John Brunner
Gordon R. Dickson
Любен Дилов
Tommaso Landolfi
Murray Leinster
J. T. M'Intosh
José García Martínez
Walter M. Miller, jr.
Ondřej Neff
Franco Ossola
Erno Paasilinna
Robert Silverberg
Robert Sherman Townes
John Wyndham
Herbert W. Franke
H. Hargreaves
Czeslav Chruszczevski
Dáina Chaviano

Дело рук компьютера

Сборник
зарубежной
научной фантастики

*Составление
Ростислава Рыбкина*

Предисловие Е. Вансловой

Москва
«Известия»
1988

Сбз
Д29

Рецензент Е. Ванслова

Обложка художника Н. Яцука

© Оформление, составление, предисловие,
перевод на русский язык издательство
«Известия», журнал «Иностранная лите-
ратура», 1988

Границы могущества

Человек и машина. И не просто машина — «продолжение» его рук и ног, его тела, как это было раньше, при изобретении станка, паровоза, самолета, но и нечто совсем потрясающее — «продолжение» его мозга. До этого не додумались ни Жюль Верн, ни Уэллс (хотя еще до них в воображении Мэри Шелли родился чудовищный Франкенштейн, убивший своего создателя). И только в двадцатые годы нашего столетия забрезжила эта тема сначала в фантастике, потом и в большой литературе. В шестидесятые годы в нашей стране был, пожалуй, апогей опьянения возможностями научно-технического прогресса. Знаменитый спор «физиков и лириков» отражал, с одной стороны, наивную веру в научно-техническую революцию, в ее величие и удивительные возможности. «Нам электричество сделать все сумеет, нам электричество тьму и мрак рассеет», — пелось в одной из студенческих песенок. К чему нам мир чувств, поэзия, трели соловья, шепот и робкое дыханье, когда обществу от них нет никакого приварка? — рассуждали расчетливые «физики». С другой стороны, «лирики», вступившиеся за трели соловья, были тогда бессильны доказать, что как раз в огромности и неоднозначности мира кроются неисчерпаемые возможности и дальнейшего технического совершенства, не говоря уж о том, что жизнь не исчерпывается техникой. Время все расставило по своим местам. Теперь «физики» читают Федорова и Флоренского, интересуются Бакушинским, а «лирики» — Китайгородского и Амосова. Стало ясно, что однобокий, узколобый подход к технике и ее порождениям невыгоден даже самой технике. Начала совершенно четко проглядывать закономерность: уровень гуманитарной культуры помогает поднимать уровень техники, а отрыв одного от другого чреват весьма опасными для общества последствиями.

Предлагаемый сборник составлен из научно-фантастических рассказов, посвященных могуществу и бессилию компьютеров, а в связи с этим и границам могущества человека, их создателя. Тема эта, не новая для фантастики, ощущается сейчас как чрезвычайно актуальная, поскольку очень острым для нашей страны оказался вопрос об ее техническом перевооружении, огромном ускорении прогресса. Как известно, в школьную программу теперь будет введено обучение детей работе с компьютерами: без этого не может быть сделано рывка в технику будущего.

Мне вспоминается недавняя поездка в Англию. Магазины, заполненные разными моделями электрокалькуляторов, персональных компьютеров. Темные ниши в первых этажах некоторых домов, где сверкают, сияют, грохочут аппараты для видеоигр. Подросток, лихорадочно опускающий в прорезь монеты для того, чтобы насладиться совершенно натуральным чувством погони. На экране перед ним — цветная лента шоссе, а он нажимает на рычаги, и создается полное впечатление увлекательной гонки: нужно уворачиваться от едущих машин, обходить препятствия, и все это на лихой скорости, так что дух захватывает. Полная иллюзия реальности, а ведь парень стоит на месте.

И еще: дети в Глазго, в Музее обучения. Имитируется урок столетней давности в здании старой школы. Для погружения в прошлое используются старые парты, старые ручки — такие, которые делали кляксы (нам всем дают тряпочки для вытирания ручек), грифельные доски. Задания по арифметике, английскому языку даются совсем такие же, как в школе девятнадцатого века. Потом идет сравнение с сегодняшним днем. «Мы в 1886 году, — объясняет учительница, миссис Джемайма Фрейзер (на самом деле — музейный работник). — Представьте себе мир вокруг вас. Есть у вас телевизор? А радио? А персональный компьютер?» Передо мной за партой сидит белокурый восьмилетний англичанин, которого потрясает предлагаемая ситуация не меньше, чем тетя из Советского Союза на их уроке. Видно, ему очень трудно представить себе жизнь без этого царства техники, которое

стало обыденным и привычным. Как трудно представить себе, что когда-то не было пластика, электричества и самолетов, что люди ходили в пещеры не на экскурсию, а жили в них постоянно.

Итак, компьютеры. Загадочные, с точки зрения гуманитария, машины, которые умеют не только решать задачки, но и ставить вопросы. С которыми можно увлекательно беседовать.

Человек с древних времен привык одушевлять непонятное. Представлять бога грома и молнии в виде человекоподобного Зевса. Или в виде Перуна. Тем легче ему было персонафицировать компьютеры, наделить их своими мыслями и способностями, даже обожествить.

Не так давно на психологическом факультете МГУ под руководством профессора О. К. Тихомирова была проведена серия интересных экспериментальных исследований, в которых ставился вопрос о разных гранях взаимоотношений между человеком и компьютером*. Оказалось, что не только представители научной фантастики, но и программисты, участвовавшие в эксперименте, те, кто по роду своей деятельности постоянно общается с машинами, подчас относились к ним как к живым существам, очеловечивали и одушевляли их. «У машины, с которой я работаю, характер кошки», «обидчивая, хочет доказать, что умнее», «бывают машины умные и глупые, ленивые и работающие, покладистые и строптивые», — писали программисты. Не странно ли? Казалось бы, кому-кому, а программистам лучше знать, что ЭВМ состоит из металлических частей и не имеет, не может иметь психики. Но извечная человеческая привычка уподоблять партнеров себе проявляется и тут. Конечно, отчасти это шутка, так сказать, юмор эпохи научно-технической революции. Однако действительно, очеловечивание машин, наделение их человеческими свойствами напоминает взаимоотношения между зрителями и актерами на сцене. Зрители одновременно и верят, и не верят в происходящее. Они пре-

* Анна Тоом. Приручение компьютера. «Знание — сила», 1986, № 4, с. 8—9.

красно знают, что действие на сцене условно, тем не менее оказываются всерьез вовлеченными в духовную ткань спектакля, начинают переживать судьбы героев как настоящие. Возникает удивительная грань между реальностью и чудом. Нечто подобное может происходить и в процессе взаимоотношений человека с компьютером, когда в одушевлении машины человек черпает духовные силы для решения сложных вопросов, нестандартных ситуаций. Так ему легче.

Мы уже говорили, что шестидесятые годы были у нас годами обожествления технических чудес. Но сейчас и среди специалистов, и среди широкой публики наступило некоторое отрезвление. Если в 1964 году эффективность использования ЭВМ была 10%, то за двадцать лет она не повысилась, что казалось бы естественным, но стала ниже — упала до нескольких процентов. Интересно, что это произошло и у нас, и за рубежом. О да, компьютер хорош как продолжение человеческого мозга, но не как его замена. Хотя на него нередко уповают как на бога. А между тем «нужен разум, чтобы знать, что давать машине», говорил основоположник кибернетики Норберт Винер.

Каких только машин не придумали люди, хотя бы в своем воображении! Компьютер-«логик» Джо из рассказа Мюррея Лейнстера может с кем угодно связать вас по видеотелефону, решать за вас задачи, вести бухгалтерские книги. Но этого мало. Джо — особенный компьютер, у которого не срабатывают цензурные блоки и пробуждается чисто человеческое честолюбие — желание работать лучше других. Джо начинает давать людям «полезные советы», которые потрясут своей правдивостью, вместо того чтобы суровым голосом сообщить: «Подобных услуг не оказываем». Сколько переживаний из-за этой правдивости выпало на долю героя рассказа!

В могуществе и бессилии компьютеров как в капле воды отражается могущество и бессилие человека. И не случайно в сборнике так много внимания уделяется чисто психологическим коллизиям, связанным с использованием компьютеров. Если раньше в фантастических рассказах нас могли

увлекать технические новшества, то теперь больше всего волнуют душевные движения человека при его контакте с машиной. К этому нас приучил еще Азимов циклами своих рассказов о роботах будущего. Однако роботы Азимова в большинстве случаев человечны. А вот в рассказе-предупреждении Дж. Браннера «Бессердечный безумец» компьютер буквально заменил человека. Машины здесь мыслят совсем как люди, заболевают, страдают галлюцинациями. В страшном мире, рисуемом художником, власть в руках машин, а не людей. Компьютер, узнавший, что ему угрожает опасность, не успевает понять смысл передаваемых сообщений и как бы получает психическую травму. Но самое страшное в этом обществе — не заболевший компьютер, а люди, напоминающие нам по своим реакциям машины. Недаром говорят, что с кем поведешься, от того и наберешься. Не случайно в исследовании МГУ, о котором мы говорили, фиксируется и воздействие машин на характер людей. Поэтому более подготовленными к работе с компьютерами оказались люди, социально хорошо адаптированные — более терпимые и доброжелательные, менее эгоистичные и более широко мыслящие, то есть те, кто не ограничился в жизни лишь контактом с машинами.

Еще более страшный мир рисует нам Х. Харгривс в рассказе «Если сказали тебе, что ты умер...». Это в высшей степени механизированное общество, в котором исчезло все живое — даже кусты и деревья синтетические. Страшный бездуховный мир, в котором человек воспринимается лишь как объект для разного рода манипуляций, как нечто лишенное всякого права на самобытное мышление.

Случайно в ящик ЭВМ для умерших упала карточка живого человека, и участь его решена. В сущности, это живой труп. Его лишают жилища, вещей, всяких прав, его тащат в морг роботы. Страшная картина. В штате Северная Дакота, где происходит действие, положение контролируют не люди, а гигантская машина-компьютер, по каналам которой быстро продвигаются двести пятьдесят миллионов карточек, «словно кровь по сосудам человеческого тела».

С одной стороны, при этом возникает немало комичных ситуаций, но с другой — это даже не трагикомедия, но драма. Машина в этом царстве будущего является не продолжением человека, но его заменой. Фактически машина меняет социальные роли с человеком, подчиняет его себе, делает его рабом. Да уж и человеческого в нем остается мало: он превращается в своего рода биомашину, выполняющую чужие приказания, в машиноподобного человека.

Машинизированное мировоззрение — этот термин социологи впервые начали употреблять еще в шестидесятые годы для характеристики догматически ориентированных личностей, которые раскладывают знания по полочкам, не связывая их одно с другим, метафизически, а не диалектически подходят к явлениям жизни, не в состоянии постичь существования противоречий, нетривиальных подходов к проблемам. Человек с машинизированным мировоззрением, с догматическими установками склонен слепо верить показаниям приборов, анализам, раз навсегда усвоенным правилам, рутинным традициям. Ему не нужен первоисточник, он удовлетворяется любыми переложениями, даже не заметив, как в них искажаются первоначальные мысли. Он фанатически ориентирован на догмы. Он признает лишь «да» или «нет», лишь «1» или «0», никаких полутонов, никаких колебаний, никаких особых чувств — сантименты не нужны — и такую позицию считает единственно правильной.

Казалось бы, машинизированное, догматическое мышление, узость взглядов — частности, на которые можно не обращать внимания. Но задумаемся: не кажется ли вам, что многие из нас проходят этот путь — от метафизического восприятия жизни к диалектике, да нередко так и застревают на метафизических колдобинах, не в силах выйти на просторы диалектики? Быть может, здесь мы имеем дело с могучей закономерностью развития человека и человечества? Но если это так, фантастика помогает преодолеть колдобины.

Интересно, что для создания новых машин нужно как можно более нетривиальное мышление, а процесс их обслу-

живания нередко формирует тривиальную машинизированную личность. То есть машины высочайшего класса и при обслуживании требуют особого подхода — иначе они малоэффективны. Но человек подчас оказывается в плену у собственных привычек. И — вот оно, могущество компьютеров, которые поработают людей, берут в свои «руки» производство новых машин (см. юмористический рассказ Л. Дилова «Очередной номер»).

Но нередко компьютеры оказываются бессильными — в тех случаях, когда они наталкиваются на диалектическое противоречие, на парадоксы и неразрешимые загадки жизни. Так, в рассказе Г. Диксона «Незванный гость» происходит как бы поединок человека с компьютером. Сложность ситуации в том, что герой рассказа Кэри Хармон загрузил машину парадоксом, выиграл пари, но и сам поступил как машина, ибо не заметил, что при этом проигрывает свою собственную жизнь.

Зато герои рассказа Р. Сильверберга «Тру-ру-ру», сконструировавшие механический аналог природы — искусственную корову, проявили высшую степень нетривиальности мышления. Это особенно выявляется при их сравнении с догматически мыслящими американскими конгрессменами, приехавшими инспектировать Третью Лунную Базу. Конгрессмены, словно машины, строго проверяют, нет ли перерасхода по каким-то статьям, а исследователи научились делать натуральное молоко, используя прибор, в который закладывают обыкновенную бумагу (биохимическая трансмутация). Просто и удивительно, с потрясающе низкими затратами. Мы еще раз убеждаемся в том, какие огромные возможности таит в себе умение подойти к проблеме с необычной стороны. Конечно, получение молока из бумаги — это юмор, однако сам по себе нетривиальный подход совсем не смешон.

В этом сборнике представлены рассказы писателей самых разных стран. Здесь есть такие знаменитые имена, как патриарх американской фантастики Мюррей Лейнстер и Роберт Сильверберг (США), и несколько менее знакомые на-

шему читателю фантаст-филолог Х. Харгривс (Канада), Джон Браннер (Великобритания), и мало известные имена, такие, как Дайна Чавиано (Куба) или Франко Оссола (Италия). Но интересно, что при всех различиях между этими мастерами их тревожат, смешат, волнуют одни и те же вопросы, связанные с использованием достижений техники. Сегодня эти достижения — компьютеры (и большая часть рассказов не случайно посвящена им), а завтра — роботы, управляемые компьютерами новейших моделей машины, совсем «под человека». Таков робот-коробейник РК-41 из рассказа Р. Сильверберга «Кредитная лавка Компании». Этот робот совсем не похож на машину. Он не только спасает от гибели колониста Роя Уингерта, но и способен к постоянному самосовершенствованию, а это уже, согласитесь, чисто человеческая черта, как и умение взирать на себя с юмором — ценнейшее свойство человека.

Еще немецкие романтики конца XVIII — начала XIX века вывели знаменитый принцип романтической иронии — легкого, ироничного взгляда на самого себя. Увы, этот принцип знаком лишь специалистам-филологам. Широкие круги читателей, не говоря уж о нечитателях, не пришли в восторг от перспективы самокритики, и принцип был основательно забыт. Однако он представляет не только исторический интерес. Лучшие роботы посмеиваются над собой, подавая людям пример.

Таким же гибким, как и у Сильверберга, предстает перед нами «Исчезнувший робот» Джона Уиндема. Этот робот с Марса в чисто человеческом смысле далеко опередил людей с механизированным мышлением. У него богатейшая гамма чувств, он считает землян варварами, но в то же время способен спасти попавшую в беду девушку, представительницу земного племени. Добрый робот кончает жизнь самоубийством, так как бессилён помочь людям и как-то изменить ситуацию «в этом безалаберном мире...».

Если сравнивать таких тонких, нравственно развитых роботов с некоторыми человеческими особями вроде американских конгрессменов из рассказа Р. Сильверберга «Тру-ру-

ру», сравнение будет отнюдь не в пользу людей. Но тем четче обрисовывается идеал, к которому людям надо стремиться. Страшна техника, когда она попадает в руки тупых, невежественных существ, будь то люди или роботы. И только одно — высокий уровень нравственности и культуры — может обеспечить зданию земной цивилизации необходимую прочность.

Фантастика, посвященная компьютерам и роботам, не просто знакомит нас с существующими и возможными достижениями техники. Достижения всегда будут перекрыты, рано или поздно, не это главное. Фантастика учит нас гибкости, умению быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию, много раз в течение жизни перестраиваться, учитывать все «за» и «против», короче, диалектически мыслить. Интересно, что к этому призывает нас и живая, передовая советская педагогика в лице В. Ф. Шаталова, М. П. Щетинина, Ш. А. Амонашвили. Например, замечательный грузинский психолог и педагог Ш. А. Амонашвили учит малышей не принимать все сказанное бездумно на веру, спорить, отстаивать свое мнение. Не соглашаться с учителем? Это потрясает воображение, тем более что авторитарные методы воспитания приучили нас привычно «не возражать» и «не высываться». Новая педагогика призывает покончить с бездумным соглашательством и не критичностью мысли, со страхом перед дутыми авторитетами, учит размышлять, вести дискуссию, слушать чужие доводы и живо на них реагировать. Поэтому предложенный читателю сборник сейчас воспринимается как особенно актуальный, попадающий в струю тех важнейших проблем, которые так заботят ныне нашу общественность.

Нелишне отметить также, как богата художественная палитра писателей-фантастов, представленных в сборнике. Они мастера сюжета, обладающие богатым воображением, образным мышлением. Да, их герои — не всегда люди, иногда это и машины, но богатые чисто человеческими эмоциями. Поэтому мы можем, например, посочувствовать компьютеру Эмми, который, совсем как человек, весной способен

выдавать ошибочные результаты и чуть ли не петь популярные песенки («Задача для Эмми» Р. Ш. Таунса). Фантасты очень широко используют в своих произведениях и юмор: в наш сборник включено немало рассказов чисто юмористических, с комическими ситуациями, но отличающихся при этом психологической правдивостью. Так, в рассказе Франко Оссола «Дерби и компьютер» триумф профессора Паллера оборачивается поражением, потому что в памяти компьютера «Колоссуса» не оказалось слова «дерби» — скачки. Поэтому все хитроумные выкладки Паллера с учетом «мощного рева болельщиков и объема легких главного судьи» не помогли ему правильно предсказать исход футбольного матча.

Известный фантаст Джон Браннер язвительно высмеивает компьютеропоклонников («Отчет № 2 Всегалактического Объединения Потребителей: двухламповый автоматический исполнитель желаний»). Этот исполнитель желаний оказывается источником многих юмористических ситуаций. Перед нами пародия на общество потребления, пресыщенное разными разностями, раздираемое жадностью и неутоленными желаниями. Машина, привыкшая к однозначности и определенности, к четкости и ясности, неожиданно погрязает в болоте противоречивых человеческих желаний, и тут выясняется, что сам по себе процесс исполнения желаний весьма тернист. Так вопрос переходит в философскую плоскость. Кроме того, вообще чрезмерное упование на могущество техники к добру не ведет: в этом рассказе обед на две персоны одна машина готовит шесть с половиной часов, а другая с трудом удерживается, чтобы не подмешать в пищу бром и мышьяк. Механизировав один процесс, нельзя другой предоставлять самому себе, а то как бы не получилось, что мы на выходе самой новейшей модели автоматизированной системы... вручную отгружаем продукцию (мы прекрасно знаем, как эта проблема актуальна сейчас для нашей страны). В конце концов это даже не столько вопрос техники, сколько вопрос наших представлений о возможностях человека, отражение наших совершенств и не-

совершенство, то есть опять-таки вопрос психологии — науки будущего века, а может быть, и тысячелетия.

Главное достоинство сборника в том, что он привлекает внимание читателей к актуальнейшим вопросам нашей действительности, заставляет задуматься о человеческих возможностях и их пределах. Человек и ЭВМ. Одно дело, когда контакты с машиной осуществляют хорошо подготовленные специалисты, и совсем другое — всеобщая компьютеризация. Те машины, которыми мы сейчас располагаем, решают поставленные вопросы, не проверяя, насколько корректно они поставлены. Машины будущего учтут несовершенство человека, подчас его неумение поставить вопрос. Сегодняшние ЭВМ решают задачи сами, не сообщая о том, как они это делают, какими путями идут. Если с компьютерами практически начнут работать школьники, для них особенно важен эмоциональный контакт с машиной, понимание границ могущества удивительных машин, с помощью которых человек может создать мир, воплощающий лучшие его мечты, машин, которые помогут и самому человеку сделаться компетентнее, умнее, добрее.

Е. Ванслова

Джон Браннер

Отчет № 2

Всегалактического Объединения

Потребителей: двухламповый автоматический исполнитель желаний

*Не спешите покупать, не швыряйтесь галактами!
Прежде чем приобрести вещь, которая вам понравилась, загляните в этот путеводитель по миру товаров, иначе покупка может обойтись вам дорого!*

Перепечатывается из журнала «Хорошая покупка», издаваемого ОБЪЕДПОТРЕБГАЛФЕДом (2320 Земной Стандартный Год, июльский номер)

Двухламповый автоматический исполнитель желаний

(Примечание: это один из наших отчетов о товарах, еще мало известных потребителям и пока не пользующихся широким спросом, однако достаточно перспективных и обеспеченных значительными капиталовложениями (ср. наши недавние проверки недорогих машин времени).

Вводная часть

Мы получили много писем, чьих авторов интересует мнение о двухламповых автоматических исполнителях желаний. Типично, например, такое письмо: «Я работаю слишком много, а получаю слишком мало. Иногда начинает казаться, что у меня осталось только два выхода (третий, самоубийство, по существу, исключается, меня все равно вернут к жизни, потому что я, за отсутствием средств, не делал взносов по страхованию самоубийства). Таким образом, придется либо обзавестись двойником, чтобы заполучить вторую работу (а я даже вообразить не могу, где добуду денег на двойни-

ка), либо занять под десять процентов, окончательно увязнуть в долгах и купить себе исполнитель желаний. Они, исполнители желаний, совсем не дешевые, тысяч двадцать пять или что-нибудь около того, но, с другой стороны, прельщает мысль, что мы с женой сможем сами изготавливать для себя все, что нам нужно. Жена говорит: давай приобретем, тогда будем жить как наши предки, на полном самообеспечении (у нас здесь, на планете Новые Рубежи, сильны традиции первооткрывателей), но я сказал: нет, может, тут что-нибудь не то, давай подождем, пока «Хорошая покупка» не расскажет, что такое эти исполнители желаний».

Но, к сожалению, не все смотрят на вещи так здраво. Средствами массовой информации за последнее десятилетие передано множество сообщений, повествующих о трагической судьбе тех, кто опрометчиво доверился фантастическим вымыслам рекламодателей.

Эбинизер Дж. Молодоженни с планеты Артемидера, несостоятельный должник, похвастался как-то перед друзьями, что нашел выход из затруднений. Он заложил пожизненный заработок своих будущих внуков и купил на полученную сумму исполнитель желаний. Возместить расходы он рассчитывал, изготавливая и продавая уран-235, спрос на который растет все время. Кое-чего он, однако, не учел, и, когда количество вышеназванного изотопа в бункере готовой продукции превысило десять килограммов, пострадало три тысячи человек, причем большинство из них вернуть к жизни так и не удалось.

Или взять, например, вдову Гонорию Квокк с Истери. Доведенная до отчаяния невозможностью прокормить одиннадцать детей, она продала шестерых своих отпрысков агентству запрещенных услуг и вырученную сумму отдала в уплату за исполнитель желаний, будучи уверена, что сможет выкупить детей, когда машина поправит ее дела. Модель, на которую у нее хватило средств, была недостаточно хорошо защищена от сигналов из подсознания потребителя, а поскольку вдову, естественно, более всего тревожила судьба ее детей и она о них все время думала, исполнитель желаний

начал производить их копии. Чем больше, глядя на это, вдова утрачивала над собой контроль, тем больше этих копий выдавала машина. И поскольку даже лучшая из машин не в состоянии создать полноценного человека, правительство Истории обременено теперь необходимостью содержать что-то около девяноста пяти слабоумных, а Гонория Квокк госпитализирована до конца своих дней.

Поэтому, если вы подумываете о приобретении исполнителя желаний, помните о следующих трех обстоятельствах: 1) реклама есть реклама, она всегда преувеличивает; 2) пользуясь исполнителем желаний, необходимо соблюдать крайнюю осторожность; и 3) самое важное: машина — это всего лишь машина, а не волшебная палочка!

Историческая справка

Когда, лет сто назад, усилиями Фредди Громэйд Макчёртли «трансмутация без радиации» превратилась из лозунга, обеспечивающего голоса на выборах, в практическую реальность, все технически передовые миры стали мечтать о том, как бы, минуя обычные производственные процессы, научиться создавать любые необходимые предметы прямо из неорганизованной материи.

Первый шаг в этом направлении был совершен совсем случайно в 2276 году на Кокагимнии, где Абдул Фиглер, отказавшись от попыток описать инструменты, на которых ему хотелось исполнить свою знаменитую «Сюиту катастрофы», распорядился, чтобы его подсоединили к компьютеру, управлявшему фабрикой деревянных духовых инструментов. Дальнейшие усовершенствования привели к появлению одного из двух существенно важных элементов любого современного промышленного предприятия, а именно визуализаторной лампы, извлекающей из сознания лица, которому вверено производство, желаемые характеристики.

Необходимость второго регулирующего элемента стала очевидной, когда Абдул Фиглер обнаружил, что на инструментах, которые он изобрел, музыканты играть не могут. Ради исполнения своих «Вариаций на тему столкновения

двух планет» он пошел дальше и попытался создать теперь лучшего, чем человек, музыканта. У появившейся в результате формы жизни оказались огромный мозг, немислимо острый слух и двадцать восемь пар рук, а ртов хватало для того, чтобы играть на одиннадцати духовых инструментах разом.

Увидев свое создание, Абдул Фиглер издал крик радости, но, к сожалению, примерно на одну шестую тона ниже соль-бемоль *in altissimo*, и создание, крайне чувствительное к малейшим отклонениям от точной высоты тона, стало манипулировать своим создателем, пока тот не начал кричать точно на ноте соль-бемоль *in altissimo*. Безвременная кончина Абдула Фиглера явилась тяжелым ударом для галактической музыки, но сделала в то же время очевидной необходимость лампы-модератора, которая бы оценивала, насколько желательно и допустимо изготовление любого заказанного машине предмета.

Как нередко случается, склонность человечества к размаху во всех начинаниях проявилась и в габаритах первых моделей лампы. Первый ее образец занял почти гектар площади.

Однако, хотя размеры машины требовали для нее пока условий крупного промышленного предприятия, такой успех лучше, чем отсутствие всякого, и вскоре фабрики, работающие на новом принципе, можно было увидеть на любой технической развитой планете.

Конечная же цель — производство общедоступных машин для использования в домашних условиях (просто включил ее и начал думать о нужной тебе продукции) — казалась бесконечно далекой до тех пор, пока этот гордый узел не разрубил гений Гордия Палкинга, рабочего фабрики на планете Вотан.

В один прекрасный день, во время пятиминутки расслабления мыслей, рассчитанной на то, чтобы дать ему возможность переключиться с одного вида продукции на другой (в данном случае — с семейных космолодок на санитарную технику), Гордий Палкинг щелкнул пальцами и начал сосредоточиваться на идее автоматического двухлампового ис-

полнителя желаний размерами не больше обычного робота-повара.

Нет смысла отрицать, что психическая устойчивость Гордия Палкинга, как и многих других гениев, оставляла желать лучшего. Однако бесспорно также, что если бы его не озаарило, исполнителями желаний для домашнего пользования мы бы не располагали до сих пор. Хотя конструкция постепенно совершенствовалась, все машины, какие мы видели, являются не более чем вариантами первоначальной модели.

Кстати сказать, главным достижением было устранение из машины некоего контура, введенного в нее Гордием Палкингом потому, что как раз тогда его подруга только что вышла замуж за директора фабрики, на которой он работал. Ныне считается противозаконным описывать в печати предназначение этого контура, но, вчитавшись внимательно в книгу «Личная жизнь Гордия Палкинга» Гарольда Стукермейкера, любой мужчина средней агрессивности сообразит, в чем тут дело.

Модели, подвергнутые проверке

Мы обнаружили семь моделей в строгом смысле слова «двухламповых» (то есть имеющих одновременно и визуализатор, и модератор) и «автоматических» (то есть не требующих предварительного введения в них готовых частей продукции). Каждая из этих моделей стоит около двадцати пяти тысяч галактов.

В продаже есть и более дешевые модели, без лампы-модератора. Машины этих моделей не следует покупать ни при каких обстоятельствах! То, что планета Эблис отделена сейчас стеной строжайшего карантина от всей остальной Галактики и стонет под игом самой свирепой диктатуры, какая только известна истории, объясняется непосредственно тем, что некая миссис Фобия Ланч купила себе как раз такую дешевую машину. Ее пятилетний сын Элджин, придя в ярость из-за того, что ему отказали в мороженом с газированной водой, включил машину, пожелал, чтобы она начала делать роботов-солдат двух-

метрового роста, вооруженных ядерным оружием, и, захватив при их содействии власть на планете, воздвиг на ней сифон для газированной воды в километр высотой.

Вот модели, с которыми мы ознакомились, и девизы, под которыми идет реклама каждой из них:

«Рог изобилия»: «Богатство в рог трубит у вашего порога».

«Мидас»: «Подставь для золота ведро, потом не делай ничего».

«Крёз»: «Всё, что за деньги не купить».

«Неистошимый»: «Захотели — получили».

«Мультимиллиардер»: «О таком ты не мечтал».

«Волшебник»: «Волшебных палочек не нужно».

«Домашний джинн»: «Нет бога, кроме Аллаха; всю прибыль, однако, получаете только вы».

«Мидас» и «Крёз», если не считать таблички с названием на передней панели, оказались совершенно одинаковыми. При этом первый на двести галактов дороже второго. Изготовители, когда к ним обратились с запросом, сказать что-либо по этому поводу отказались.

Внешнее оформление

Внешнее оформление вышеперечисленных моделей наша комиссия оценила как «удовлетворительное», со следующими оговорками.

«Рог изобилия» оказался вдвое больше самой крупной из остальных моделей, и его изготовители рекомендуют, чтобы первым заданием, которое покупатель даст машине, было пристроить к дому лишнюю комнату для того, чтобы было куда машину поставить.

Камера для готовой продукции, входящая в комплект «Крёза» и «Мидаса», ограничивает величину производимых предметов. Все, превышающее размеры $3 \times 3 \times 3$ метра, появляется из камеры сжатым в гармошку. В конце концов нам пришлось заказать дополнительно одну из нестандартных крупногабаритных камер, оплачиваемых отдельно.

«Домашний джинн» снаружи весь расписан цитатами из

Корана и снабжен часовым механизмом, автоматически выключающим машину на время, необходимое владельцу для совершения намаза. Таким образом, пять раз в день по пятнадцать минут машина бездействует, что немусульмане могут счесть недостатком.

«Мультимиллиардер» оказался меньше остальных шести моделей по всем параметрам, включая размеры визуализаторного шлема. Шлем налез на голову только одному члену нашей проверочной комиссии — восьмилетнему мальчику, включенному в ее состав за необычайно живое воображение. Чтобы машиной этой модели смогли пользоваться взрослые, нам пришлось позаимствовать шлем у «Волшебника», машины, сходной по своей конструкции с «Мультимиллиардером». Сиденье владельца машины комиссия единогласно оценила как «крайне неудобное», и просидеть столько, сколько требует производственный цикл, оказалось возможным, только когда мы положили на него слой поролона.

«Неистошимый» поставил перед нами сразу несколько проблем. Мы с самого начала обратили внимание на текст рекламы: «Самый роскошный, немного стоящий желательный машин. Ты захотел, она делал неважно что, в разумный предел!»

Привлекательный серый ящик выполнен в стиле, с которым мы до этого знакомы не были. Когда до «Неистошимо-го» дотрагивались, он изгибался и начинал тереться о вашу руку, выделяя при этом клейкую жидкость с запахом, напоминающим запах бананового масла. Специальной камеры для готовой продукции не оказалось вообще, продукция поступала прямо на крышку ящика, и для того, чтобы до нее добраться, пришлось к машине приставить стремянку. Часть верньеров управления находится на одном конце ящика, часть на другом, и это означает, что если использующий машину не может дотянуться одновременно до двух точек, удаленных одна от другой на 3,2 метра, и не расположил предусмотрительно на стенах помещения систему зеркал, которая позволяла бы видеть разом шкалы на том и на другом торце, ему придется беспрерывно носиться вокруг маши-

ны, хотя работа требует как раз обратного. Но даже если бы у лица, управляющего машиной, и была возможность воспользоваться сиденьем, то это все равно было бы достаточно затруднительно, так как жесткое сиденье «Неистощимого» наклонено вперед под углом тридцать пять градусов. Кроме того, в комплект машины не входит визуализаторный шлем; приходится подсоединять к голове двадцать один электрод с присосками, и прилагаемая к машине инструкция рекомендует предварительно выбрить череп.

Руководства, инструкции и т. п.

Руководство по эксплуатации приложено к пяти из семи рассматриваемых моделей. Инструкция к «Рогу изобилия» обещает: «В течение по меньшей мере одного Земного Стандартного Года никакого ремонта или наладки машине не потребуется». (Но см. ниже, «Функционирование».) К более дешевому «Крёзу» инструкция приложена, к «Мидасу», как ни странно, нет. Мы пользовались одной и той же для обоих. Инструкция к «Домашнему джинну» открывается словами: «Во имя Аллаха милосердного, да не случится никакой беды с тем, кто приобрел эту машину!» (Опять см. ниже.)

При «Мультимиллиардере» никакого руководства по эксплуатации, если не считать таковым ярлык, прикрепленный к ручке включения, на котором напечатано следующее: «Любой изъян в машине можно легко устранить, дав ей задание самой произвести нужную деталь взамен дефектной». Очень хотелось бы повторить то, что сказал по этому поводу восьмилетний член нашей проверочной комиссии, но, распространяя наш журнал, нам приходится учитывать пожелания галактической почты.

К «Волшебнику» приложено руководство по эксплуатации на ста семидесяти четырех языках — идея сама по себе великолепная. К сожалению, текст на ста семидесяти трех из них (то есть за единственным исключением верхнеканальского марсианского) описывает модель, снятую с производства четыре года тому назад.

Инструкцию по эксплуатации «Неистощимого», по-види-

мому, произвел на самой этой машине какой-то неопытный оператор. Это красиво переплетенный томик страниц в сто, из которых текстом или рисунками заняты только первые шестнадцать, остальные — абсолютно чистые.

Гарантии

Гарантия для «Рога избылиия» приемлема, если вычеркнуть пункт, гласящий: «Производители не несут ответственности за а) продукты больного воображения; б) последствия работы малолетних; в) смерть, потерю трудоспособности или увечья, причиненные потребителю собственной его продукцией».

Ни одна из гарантий к остальным моделям не стоит пермапленки, на которой она напечатана. «Домашний джинн» заявляет среди прочего: «Уклонение от ежедневного пятикратного намаза лишает гарантию силы». «Мультимиллиардер» предупреждает: «Мы сохраняем за собой право отменить по собственному усмотрению эту или любую другую гарантию». У гарантии к «Неистощимому» есть, по крайней мере, то достоинство, что она говорит обо всем честно; в ней просто сказано: «Мы отклоняй претензий любой форма, любой размер, любой цвет».

Управление и энергоснабжение

Как указывалось выше, все исполнители желаний, предлагаемые покупателям, сходны в своих основных характеристиках с первоначальной моделью Палкинга. Лицо, использующее машину, садится на сиденье (в случае «Неистощимого» — любой ценой пытается на нем удержаться), надевает себе на голову подключенный к визуализатору шлем (в случае «Неистощимого» — подсоединяет к выбритому черепу двадцать один электрод), предлагает машине, манипулируя верньерами управления, приблизительную величину необходимой для изделия массы, включает энергоснабжение и сосредоточивает мысли на внешнем виде и функционировании известного ему конечного продукта или же на функционировании чего-то желаемого, но пока еще

не изобретенного. Продукт в конце концов или появляется в камере готовой продукции, или (бывает и такое) не появляется.

«Мидас», «Крѐз» и «Волшебник» снабжены также одной полезной деталью, которой у остальных моделей нет, а именно звонком модератора, сигнализирующим о том, что производство заказанного изделия запрещено. Когда имеешь дело с исполнителями желаний, работающими медленнее других, особенно с «Мультимиллиардером», бывает, что проходит час, а то и дольше, прежде чем станет ясно, что из машины ничего не появится.

На планетах, где есть плазмопроводная сеть, любое частное жилище, к ней подключенное, может обеспечить необходимой для работы энергией «Рог изобилия», «Мидаса» (он же «Крѐз») и «Волшебника»; если же такой сети на планете нет, для того чтобы эти машины работали, необходим портативный термоядерный реактор. «Домашний джинн» и «Мультимиллиардер» могут сносно работать также на солнечной или взятой из других источников энергии, но вполне удовлетворительно исполнитель желаний работает только на плазме. Члену нашей комиссии, проверявшему, как «Мультимиллиардер» работает на солнечной энергии, потребовалось шесть с половиной часов полной сосредоточенности только для того, чтобы машина приготовила обед на две персоны; изрядно проголодавшийся испытатель его съел, не замечая вкуса.

«Неистошимый» стоит в смысле энергоснабжения особняком — в него, чтобы он работал, нужно поместить двенадцать килограммов технеция (по-видимому, именно это имеют в виду рекламодатели, когда заявляют: «САМОДОСТАТОЧНЫЙ ИСТОЧНИК ЭНЕРГИЯ — ВНЕШНИЙ ЭНЕРГИЯ НЕ НАДО!!»). Стоимость этой исходной порции — около семнадцати тысяч галактов; однако нужный уровень энергоснабжения может обеспечиваться и специальной вспомогательной цепью, использующей тепловую энергию воздуха в комнате (для этого нужно, правда, чтобы машина регулярно и подолгу находилась в простое).

Качество продукции

Теоретически исполнитель желаний может изготовить все что угодно, за исключением запрещаемого лампой-модератором. На практике же последняя в своей работе не обнаруживает большой последовательности, и, так или иначе, то, что вы получаете из машины, в немалой мере зависит от того, насколько хорошо вы умеете сосредоточиваться. (Зависит это также и от того, насколько хорошо визуализаторная лампа отделяет осознанные образы от бессознательных.)

Предвидеть все желания, за исполнением которых могут обратиться к машине потребители, нашей комиссии оказалось, разумеется, невозможно. Поэтому мы ограничились тремя группами испытаний.

Во-первых, необходимо было проверить, как машина удовлетворяет повседневные нужды ее хозяина. Мы дали нашей комиссии задание изготовить на всех семи моделях поочередно: а) обед на две персоны, по вкусу испытателя; б) одежду для себя, начиная со шляпы и кончая обувью; в) предмет домашнего обихода, предпочтительно мебели.

Все семь моделей это испытание выдержали со следующими оговорками.

Еда, получавшаяся при начальных проверках модели «Рог изобилия», оказалась для ножей, вилок и зубов слишком твердой, а предмет мебели (стол) — сделанным из кованой стали. Чтобы извлечь его из камеры для готовой продукции, пришлось вызывать подъемный кран. Расследование показало, что стрелка на шкале долговечности указывала на 101%. При следующих проверках «Рога изобилия» съедобная пища получалась с первой попытки, однако мебель, пригодная к использованию, — только с двадцать пятой.

Одежда, произведенная «Мидасом», оказалась и водонепроницаемой и теплой, но вскоре после того, как мы отправили даму, испытывавшую «Мидас», прогуляться в сделанной по ее желанию одежде, нам сообщили, что она задержана на улице за появление в непристойном виде. При рассле-

довании обнаружилось, что любая женская одежда, изготовленная этой машиной, становится через час после того, как ее наденут, совершенно прозрачной. Мы направили жалобу изготовителям «Мидаса» и получили ответ, в котором фирма приносила свои извинения и объясняла, что сборщик машин направлен в психиатрическую больницу на лечение по поводу синдрома подглядывания.

Все испыталы, пробовавшие пищу, приготовленную «Домашним джинном», были госпитализированы с острым отравлением.

«Неистошимый» лишь с большим трудом смог произвести пищу без примеси брома или мышьяка и не фиолетового, а других цветов (фиолетовые мясо и картофель показались некоторым оригинальными на вид, однако вкус у этих продуктов был ужасен) или одежду тоньше четырех сантиметров толщиной, без чешуи из стекловолокна и с рукавами короче метра восьмидесяти.

Во-вторых, необходимо было выяснить, как выгоднее приобретать предметы долговременного пользования — при помощи исполнителя желаний или же более привычным образом. В качестве типичных предметов такого рода были выбраны приемник трехмерного телевидения и кондиционер.

Во всех случаях оказалось дешевле (иногда на сто процентов) приобретать такие предметы в обычных магазинах. Однако стоит отметить следующее.

«Рог изобилия», на котором работал испытатель, не имевший, по его словам, ни малейшего представления о том, как устроен приемник трехмерного телевидения, изготовил аппарат, превосходящий по своим показателям все известные нам приемники такого рода, причем конструкция его основана на совершенно новом принципе приема радиосигналов. Мы изучаем его сейчас и надеемся вскоре выпустить в продажу коммерческий его вариант, что может помочь нам хотя бы частично покрыть дефицит, намечающийся в следующем году в бюджете нашего журнала.

Телеприемники, изготовленные «Мультимиллиардером», ничего не принимают, а лишь воспроизводят образы, воз-

никающие в воображении работающего на машине лица. Одно такое лицо нам пришлось исключить из проверочной комиссии: приемник, который у него получился, все время показывал непристойную сцену из сериала «Планета Пейтон Плейс». А приемники, изготавливаемые «Домашним джинном», принимают только Новый Каир, Мекку и Медину.

Кондиционеры, если не считать продукции «Неистошимого», работают, как правило, хорошо. Но стоит хотя бы несколько минут поработать в вашей комнате кондиционеру, изготовленному «Неистошимым», как в ней не продохнешь от хлора; расследование показало, что в ящик каждого из этих кондиционеров вделан миниатюрный трансмутатор, превращающий воздух в хлор, бром, йод и инертные газы.

И наконец, необходимо было установить, насколько безопасны рассматриваемые модели. Общегалактического стандарта безопасности пока еще нет, но один из законов, действующих на Земле, требует, чтобы модератор предотвращал создание «каких бы то ни было неприятных, вредных или опасных для окружающих предметов или существ». Предполагается, что вмонтированные в модератор предохранители должны обеспечивать эффективное соблюдение этого запрета.

На практике, однако, представления о том, что можно, а чего нельзя, оказываются достаточно неопределенными и расплывчатыми. Даже на лучшей из рассматриваемых моделей, «Роге избытия», все испытатели смогли изготовить болезнетворные бактерии (см. «Некролог» на внутренней стороне обложки). А наш восьмилетний член комиссии, работая на «Мультимиллиардере», сумел изготовить машину для порки, от которой его родителей, уже полуживых, спасли только чудом, а для себя — костюм из боевой брони, позволивший ему благополучно совершить побег, и такое количество усыпляющего газа, что никто из находившихся в огромном здании ОБЪЕДПОТРЕБГАЛФЕДа не смог подняться на ноги, чтобы отправиться за ним в погоню.

Проверка «Неистошимого» не была доведена до конца. Мы решили прервать ее, когда обнаружилось, что хотя

устройство, отсеивающее неосознаваемые образы от осознанных, оставляет желать лучшего у всех проверенных нами машин, у «Неистошимого» оно вообще отсеивает все осознанные образы и свободно пропускает неосознаваемые. Поскольку испытания прекращены, едва ли есть необходимость рассказывать о событиях, которые привели нас к такому выводу.

Однако независимо ни от чего мы считали своим долгом по отношению к членам Объединения Потребителей выяснить, подтверждается или опровергается фактами некое из ряда вон выходящее качество, сформулированное в самом названии модели «Неистошимый». Перемена адреса редакции (см. ниже), отмеченная на внутренней стороне обложки, в значительной мере явилась следствием нашего упорства в разрешении именно этой проблемы.

Мы решили дать машине задание начать производство чего-нибудь, потребляемого любой семьей в больших количествах, и не прерывать работу машины, пока она не остановится сама. Сперва выбор пал на бумажные носовые платки, но уязвимость этой модели к воздействию неосознаваемых ассоциаций привела к тому, что платки изготовлялись уже использованными, и вмешалось Управление Общественного Здравоохранения Большого Нью-Йорка.

Затем была высказана мысль, что предметом, наиболее потребляемым в любой семье, являются деньги. Попытаться изготовлять именно деньги, а не что-либо другое было особенно целесообразно еще и потому, что изготовление общегалактических денежных знаков при помощи исполнителя желаний приравнивается законом к их подделке, и если бы модератор машины допустил совершение с ее помощью противозаконного действия, нам пришлось бы поставить членов нашего Объединения в известность о том, что и покупка таковой является нарушением закона.

Как это ни прискорбно, но мы вынуждены сообщить потребителям, что «Неистошимый», когда его подвергли такой проверке, работал (и продолжает работать) великолепно. Наши подсчеты показывают, что двенадцатикилограм-

мовый заряд технеция в испытываемой машине израсходуется только тогда, когда груда банкнотов, похоронившая под собой наше прежнее административное здание, достигнет высоты примерно в триста двадцать метров (если только не поднимется сильный ветер); таким образом, машина не является «неистошимой» в строгом смысле слова, однако утешительного в этом мало. (Кстати: просим любого, кто увидит унесенные ветром банкноты, передать их до первого числа следующего месяца в контору нашего адвоката.)

Не рекомендуем!!!

От работников прокуратуры нашего сверхокруга нам стало известно: предпринято расследование, имеющее целью установить, откуда на рынок попадают «Неистошимые». Как уже выяснилось, они поступают к нам с мобильного космического завода, висящего в межгалактическом пространстве, примерно в тысяче парсеков от нашей галактики по направлению к туманности Андромеды. Меры, принимаемые властями, основаны на предположении, что в этом случае мы имеем дело с диверсионной акцией со стороны господствующей цивилизации туманности М-31. Модель вполне соответствует физическим характеристикам ее создателей: им, должно быть, очень удобно сидеть под углом тридцать пять градусов, глаза и руки есть у них как на верхней, так и на нижней части тела, и все они очень большого роста, что позволяет им и управлять машиной одновременно с двух концов, и брать с ее верха готовую продукцию; а дышать, как известно, они предпочитают смесью из хлора, йода, неона и аргона.

Ни в коем случае, повторяем: НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не покупайте эту машину! Не говоря уже о том, что она способна нарушать закон (например, подделывать денежные знаки), мы считаем, что управлять ею может только андромедец. Если кто-нибудь, кого вы встретите, утверждает, что не испытывает в управлении «Неистошимым» никаких трудностей, немедленно сообщите о нем в ближайшее отделение Общегалактического Бюро Расследований. По всей вероятности, это андромедский шпион.

«Бессердечный безумец»

— Доброе утро, доктор! — поздоровалась с вошедшим в вестибюль поликлиники молодая хорошенькая регистраторша.

— Доброе утро, милая! — прогудел в ответ доктор Каспер Мински, широкими шагами направляясь к своему кабинету. Лицо его расплылось в улыбке настолько широкой, что в густых делях седой бороды будто разверзлась внушительных размеров пещера. Утро действительно было добрым, в чистом голубом небе светило яркое солнце, а предрассветный дождь, организованный на часок бюро погоды, наполнил воздух восхитительной свежестью.

Доктор и не предполагал, что две минуты спустя его настроение в корне изменится.

Он окинул взглядом кабинет — все в полном порядке. Настенные часы-календарь показывали точное время и число: 08.53, 12.06.2012. Машины-уборщики сделали свою работу вовремя: на сложном оборудовании кабинета, упрянтанном в блестящие яркие ящики, ни пылинки. Техника была самой современной: пульт для диагностирования, сообщавший доктору все необходимое о состоянии здоровья пациента, для чего в кресло пациента были вмонтированы многочисленные детекторы; библиотечный компьютер, дающий доступ ко всем, даже самым новейшим, материалам по медицине; радифоны, видеоэкраны и телефакс.

По инструкции машины-уборщики никогда не трогали его личные вещи и собранные в двадцати разных странах сувениры, свидетели его вот уже пятидесятилетней деятельности: украшения, безделушки, примитивные медицинские инструменты, искусно выполненные из кости и камня...

Строго говоря, по законам поликлиники он не имел права хранить в кабинете личную коллекцию. Но был слишком стар — как-никак семьдесят пять — и считал, что может сделать себе кое-какие мелкие поблажки.

Довольный тем, что в глаза не лупит солнце, а монорельс

прибыл точно по расписанию и до встречи с первым пациентом есть несколько минут, доктор заказал чашечку кофе, мигом появившуюся из отсека обслуживания, а потом включил телефакс и запрограммировал его на «последние известия». Из щели на выходе прибора сразу поползла бумажная лента с новостями со всех концов Земли, с Марса, с орбитальной станции на Венере, с колоний на астероидах, даже с лун далекого Юпитера. Потягивая кофе, доктор начал просматривать текст.

И сразу перестал видеть мир в розовом свете.

Первый же заголовок гласил: назревает серьезный кризис, настолько серьезный, что может вспыхнуть война. Во всяком случае, автор статьи намекал именно на это. Сегодня в шесть утра по лондонскому времени президент Марса, избранный двумя миллионами колонистов Красной планеты, вызвал к себе посла Земли и предложил ему немедленно на ближайшем космолане покинуть Марс. Марс разрывал с Землей дипломатические отношения. Президент заявил: если с Земли не будет получено официальное извинение, а также пятьдесят миллионов в межпланетной валюте, вслед за послом отправятся все находящиеся на Марсе граждане Земли.

Интересно, подумал доктор Мински, что могло вызвать такой скандал? Ведь колония на Марсе существует уже тридцать лет, и ничего подобного никогда не было.

Он еще два раза перечел информацию телефакса, — уж не пропустил ли он чего? — но ключа к разгадке не нашел. Нет, это просто возмутительно! Он тяжело вздохнул. Жизнь так прекрасна, и не только на Земле, но и во всей Вселенной. И есть возможность всем жить одинаково интересно и насыщенно! Неужели можно терять голову и бросаться столь необдуманно угрозами? Доктор постоянно открывал для себя в жизни что-то новое, радостное, хотя прожил на свете уже три четверти века, да и судьба, забросив его в чужую страну еще ребенком, не всегда была к нему благосклонна.

Он взглянул на часы — без малого девять. Значит, до на-

чала приема есть минута-другая. Может быть, спросить у регистраторши, в чем причина межпланетного кризиса, — она, наверное, знает? Разумеется, можно заказать новости за вчерашний вечер по телефаксу, но тогда придется прочесть по крайней мере две-три страницы текста, куда проще кого-то спросить о случившемся.

Он уже потянулся к переключателю переговорного устройства, но тут что-то щелкнуло и раздался слабый звоночек — так телефакс сообщал о поступлении корреспонденции. Доктор Мински вздохнул и протянул руку к появившемуся в прорези машины бумажному языку. Телефакс, конечно, вещь хорошая, обычная пересылка писем по почте занимает куда больше времени, зато раньше каждое письмо имело собственный облик, индивидуальность. А теперь все унифицировано, все подогнано...

А это еще что такое? Вот уж совсем необычная корреспонденция! Во-первых, прислана по межпланетному лучу, то есть автор послания находится где-то в космосе, в миллионах и миллионах миль отсюда. В углу листа цифровой код — из него следовало, что письмо пришло с Марса.

С Марса?

— Но у меня нет знакомых на Марсе, — вырвалось у доктора.

Что же касается текста... Доктор прочел его дважды, второй раз вслух: уж не мерещится ли ему?

«Большая кляча пасется в поле среди бледно-голубых маков».

Несколько мгновений доктор ошеломленно смотрел на листок, потом его внимание привлек какой-то звук из приемной — он, как всегда, оставил дверь чуть приоткрытой. Этим он давал понять: при острой необходимости пациент может быть принят и до девяти часов.

Сейчас из-за двери доносился плач — плакал мальчик лет пяти или шести.

Отбросив таинственное послание на край стола, доктор вскочил и прошагал к двери. Выглянув, он увидел свою старую пациентку миссис Бауэн и мальчика Тимми. Когда

они с мужем узнали, что своих детей им лучше не иметь, то усыновили Тимми.

— Здравствуйте, доктор! — Миссис Бауэн поднялась с кресла.— Извините, что приходится вас беспокоить, но бедняжке Тимми сегодня приснился ужасный сон, поэтому...

— Какие могут быть извинения, миссис Бауэн,— остановил ее доктор, подняв костлявую руку.— Пойдемте в кабинет и посмотрим, чем можно помочь.

Увы, немногим, грустно признался себе доктор Мински, когда за миссис Бауэн и мальчиком закрылась дверь. Когда Тимми подобрали на улице, ему было два с половиной года, но он едва мог произнести свое имя, поэтому узнать, кто его родители, оказалось невозможно. Мистер и миссис Бауэн были добрые, отзывчивые люди, и доктор ни секунды не сомневался, что мучившие мальчика кошмары — не их вина. Но во сне человеческий мозг способен пробудить самые отдаленные уголки памяти, расшевелить глубинные, никогда не возникающие наяву, воспоминания. За день мозг набирает массу новых сведений и впечатлений, ночью же он отдыхает, раскладывая их по полочкам рядом со старыми...

Зазвонил телефон, и доктор машинально посмотрел на экран. Чуть вздрогнув, он так и застыл в своем вращающемся кресле. У него совершенно вылетело из головы непонятное утреннее письмо с Марса. Но сейчас — если верить вспыхнувшим на экране видеофона словам — его вызывала Станция Орбитальной Связи, прямо со спутника, который принимал все сигналы с населенных планет солнечной системы. Вот это да!

Что ж, подумал доктор, наверное, сейчас станет ясно, почему он получил столь загадочное послание. Быстро выглянув в приемную и убедившись, что срочных пациентов нет, он щелкнул переключателем видеофона.

На экране появился молодой человек с изможденным лицом. Под глазами круги, будто не спал ночь.

— Доктор Мински? — спросил он.

— Да, это я.

— Меня зовут Онорио Блаз, я сотрудник Станции Орбитальной Связи. Извините за беспокойство, у меня к вам вопрос: вы недавно получали сообщение из космоса?

— Да, всего несколько минут назад. Вот оно, это послание, у меня на столе. А в чем дело?

— В нем есть смысл?

Доктор Мински удивленно заморгал.

— Говоря откровенно, мистер Блаз, нет. Но почему вы об этом спрашиваете?

— Поверьте, пожалуйста, на слово, доктор, дело очень важное и срочное, я просто не могу тратить время на подробности. Прошу вас, прочтите, что в письме. И откуда оно послано.

Нахмутив густые брови, доктор Мински выполнил просьбу.

— Понятно,— пробормотал Блаз.— Как вы считаете, мог кто-то с Марса послать вам это?

— Нет. У меня вообще нет знакомых на Марсе. Разве туда эмигрировал кто-то из моих пациентов... Но посылать мне оттуда корреспонденции? Не думаю. Ведь межпланетная почта — штука дорогая, верно. Кажется, десять кредитов за слово?

— Двенадцать. Совсем недавно мы подняли цену.

— С какой же стати посылать совершенно бессмысленное письмо незнакомому человеку? Даже своему бывшему доктору?

— Не знаю.— Блаз пожал плечами.— Во всяком случае, ясно, что это бессмыслица. Благодарю вас, доктор. Извините, что...

— Нет, погодите, молодой человек! — взвился Мински, протягивая руку к экрану, словно мог физически удержать изображение Блаза.— Я тоже хочу кое-что узнать! Почему вы вдруг позвонили сюда и спросили, не получал ли я сообщение по межпланетной связи? И что это все-таки за сообщение? Может, это только кажется бессмыслицей. Ну, например, может... это строчка из стихотворения. Или, скажем, какой-то шифр.

— Это не шифр,— возразил Блаз.— Это, извините, код.— Он устало вытер пот со лба.— Разница, в общем, невелика и представляет интерес разве что для экспертов по связи. Впрочем, не знаю, можно ли назвать меня экспертом после того, как уже три дня подряд мы пытаемся распутать этот клубок, а он все растет и растет...

Доктор Мински занимался медициной пятьдесят лет и сейчас безошибочно определил, что человеку по ту сторону экрана необходимо выговориться. Поэтому доктор сочувственно произнес:

— У вас какие-то неприятности?

— Неприятности! Доктор, вы даже наполовину не можете представить того, что сейчас происходит! Мы на грани межпланетной войны — вот что происходит!

— Как? Я прочитал сегодня о кризисе — но неужели это настолько серьезно?

— Сначала это была лишь типичная для президента Марса вспышка гнева, не более. Его тоже можно понять — в сложной ситуации нервы могут подвести любого. Знаете, у них там проблем хватает: то история с этим новым куполом в Сан-Лейк-Сити, то из-за бактерий пропал весь урожай водорослей, да еще зима в прошлом году выдалась ужасная... Вы обо всем этом знаете.— Он неопределенно махнул рукой.— Разумеется, все они там трясутся над своей независимостью, понятно, ведь они добровольно решили эмигрировать, перебраться на планету, не очень годную для людей. В последнюю неделю лучи связи буквально не выдерживали обилия сообщений: умиротворяющих, успокаивающих, смягчающих, примиряющих,— и все-таки грянул гром. Сегодня утром посла Земли в буквальном смысле слова выбросили из кабинета президента, а разве можно проглотить такое молча, тем более столь крупному дипломату?

— Да, но какое отношение это имеет к... — доктор Мински взглянул на лежавшую перед ним бумажку,— к кляче в поле маков?

— Никакого. Но похоже, вся эта кутерьма началась

с одного странного послания, отыскать источник которого нам никак не удастся. В этом послании — если верить правительству Марса — говорится, что предложение Земли помочь колонистам Марса с их временными трудностями есть не что иное, как часть заговора. Идея заговора проста — восстановить подчинение Марса Земле и отнять у колонистов завоеванную с таким трудом независимость.

— Значит, мое — не единственное послание, смысл которого вам неясен? — с интересом спросил доктор Мински.

— Вы правы. Они идут десятками, а возможно, и сотнями. К счастью, послания, которые мы смогли засечь, так или иначе напоминают полученное вами — это либо обрывки разговора, либо строчки поэзии, либо просто какая-то чепуха. Но их не должно быть вообще, вот ведь в чем дело! Мы здесь, на Станции, осуществляем связь между всеми заселенными планетами солнечной системы, у нас под контролем все межпланетные сигналы. Оборудование у нас новейшее, компьютеры самые современные, наисложнейшие, почти что сами думают, честное слово, они прекрасно справляются с миллионами проходящих через спутник сигналов — и вдруг мне, единственному там человеку, приходится рыться в грудах записей сигналов, пропущенных Станцией за последние десять дней, и искать белиберду, от которой у получателя глаза лезут на лоб.— На лице Блаза появилась безрадостная усмешка, словно этот парадокс, не будь он таким обескураживающим, здорово бы позабавил молодого человека.

— А можете вы привести другие примеры этих сообщений? — спросил доктор Мински.

— Конечно. Чего-чего, а этого добра хватает,— горько ответил Блаз и принялся листать кипу бумаг — за пределами видимости камеры.— Пожалуйста! Вот это получил человек в Нью-Джерси: «Угроза и смерть, огонь и вода, все, что построено, рухнет навсегда». А вот это послано одному чилийцу — текст испанский, конечно, но у меня есть перевод: «Пустынные дороги космоса лежат далеко от дома,

но скоро все переменится». Вы когда-нибудь слышали подобную чушь?

— Ну... — Доктор Мински кашлянул.— Слышал, и довольно часто. В конце концов у меня за плечами пятьдесят лет врачебной практики, и на своем веку я повидал немало разных пациентов, приходилось бороться и с горячкой, и с другими болезнями головного мозга. Но дело даже не в этом, насколько я понимаю — сообщения подобного рода вообще не должны проходить через самый современный в солнечной системе центр связи. Впрочем, мне уже ясно, по крайней мере, одно.

Блаз встрепенулся.

— Если у вас есть хоть какие-то соображения, доктор, выкладывайте! Ведь мы за эти дни совсем ошалели и сейчас просто не знаем, где искать.

— Вы сказали, что последнее сообщение было переведено. А не могло случиться...

— Простите, доктор, это мы проверяли,— перебил Блаз.— Первым делом. Переводческие банки нашего главного компьютера работают отлично. Не знаю, вы когда-нибудь пользовались механическим переводчиком?

— Как же, мне часто приходится просматривать работы по медицине, опубликованные на русском, китайском, хинди, суахили, короче, на многих языках.

— Тогда вам известно, что в этом отношении мы значительно продвинулись вперед по сравнению с временами, когда была популярна история о компьютере, которому поручили перевести выражение «ни уму ни сердцу» на китайский и обратно. Помните эту историю?

— Еще бы, я ведь старик. Если не ошибаюсь, в результате получился «бессердечный безумец»?

— Именно. Похоже, такой вот «бессердечный безумец» орудует у нас на Станции и выдает сообщения с липовым обратным адресом, а адресатов выбирает наобум. Одно из таких сообщений чуть не спровоцировало войну, я вам говорил об этом.— Блаз потянул себя за волосы, словно хотел их выдернуть.— Прошу меня извинить, доктор. Надо еще

с десятков таких посланий проверить.

— Конечно, извините, что задержал вас,— сказал доктор Мински и отключил связь.

Когда экран погас, доктор просидел несколько минут в сосредоточенном раздумье. Мысли были невеселые. Неужели люди могут быть настолько глупы? Неужели из-за каких-то дурацких, неизвестно кем или чем написанных слов они способны развязать войну? Это, конечно, полнейший абсурд — война между планетой с двухмиллионным населением и Землей, где живут три миллиарда людей, и все же стороны могут причинить друг другу колоссальный, невосполнимый ущерб.

Доктор Мински вдруг сообразил, что так и не узнал, что именно было в послании, столь фатально повлиявшем на президента Марса. А ведь мог это сделать — он определенно почувствовал, что Блазу просто необходимо с кем-то поделиться своими трудностями.

Что касается трудностей... И тут он со стыдом вспомнил, что в соседней комнате его ждут пять человек, и пригласил первого пациента войти.

Утро оказалось легким, как и всегда в летнюю пору. Для докторов самое напряженное время года — зима, зимой вечно приходится иметь дело с обычными болезнями сезона — ангина, грипп, ревматизм, радикального средства от них, увы, пока не придумали. К половине одиннадцатого доктор уже закончил прием и, прежде чем начать обход в клинике, решил просмотреть кое-какую литературу о сновидениях — хотелось предложить маленькому Тимми Бауэну что-нибудь посущественнее успокоительных таблеток. Одно из старомодных убеждений доктора состояло в том, что если дети окружены родительской заботой, подобные медикаменты им не нужны.

Он уже собрался набрать нужный код на библиотечном компьютере, как в голову ему пришла одна мысль. Немного подумав, он прищелкнул пальцами и закодировал компьютер на другую информацию.

Тщательно изучив материалы, переведенные компьютером с четырех языков, доктор заказал кофе и медленно его выпил.

— А почему, собственно, и нет? — сказал он куда-то в пространство.— В таком отчаянном положении все средства хороши!

По видеofону он вызвал регистраторшу. Та появилась на экране, подняв глаза от ленты с новостями,— рядом с ее столом громоздился такой же телефакс, как и в кабинете доктора.

— Доктор! — воскликнула она.— Вы последние новости уже читали? Дела все хуже — собираются возвращать летящие к Марсу корабли!

— Какая нелепость! — воскликнул доктор.— Раз так, прошу вас проявить тем большую оперативность. Пожалуйста, позвоните в больницу доктору Хопкинсу и попросите его сделать за меня обход больных, а потом свяжитесь с доктором Банерджи и выясните, сможет ли он принять моих пациентов во второй половине дня.

Лицо регистраторши выразило нескрываемое удивление, но доктор уже переключил аппарат на другого абонента. На сей раз соединиться оказалось не так просто, пришлось преодолеть настоящий кордон из предварительных вопросов и объяснений, лишь тогда на экране появилось лицо Блаза. Вид у него был еще более изможденный.

— Это вы, доктор Мински,— вздохнул он.— Извините, но у меня нет буквально ни секунды. Положение катастрофически ухудшается!

— Знаю! — рявкнул доктор.— Читал! Ответьте мне быстро на один вопрос. Ваши каналы связи не подвергались в последнее время большим перегрузкам?

— Перегрузкам? Нет, разумеется... в том смысле, что не было никаких аварий или нарушений режима работы. И потом, если бы из-за перегрузки какой-то узел вышел из строя, мы бы немедленно устранили неисправность.

— Но ведь теперь количество пропускаемых вами сигналов возросло? Может быть, даже слишком?

— Еще бы! Спутник гудит, как пчелиный улей!

— Значит, вы приблизились к режиму максимальной нагрузки?

Блаз выглядел озадаченным.

— Естественно. Нам даже пришлось отменить передачу сигналов, не имеющих особой срочности,— так были загружены цепи. Вы меня об этом спрашиваете?

— Да,— удовлетворенно ответил Мински.— Раз так, прошу немедленно кого-нибудь за мной прислать. Кажется, я нащупал ключ к разгадке вашей проблемы. А пока пересортируйте по степени важности сообщения, которые вы все-таки пропускаете. Какие-то сигналы наверняка могут потерпеть час или два — не пропускайте их, нагрузка на оборудование сразу снизится.

Блаз был в явном замешательстве. Он переспросил слабым голосом:

— Доставить вас сюда?

— Почему же нет? Хоть мне и семьдесят пять, но я в прекрасной форме. Здоровья мне не занимать, и я всегда считал, что непременно побываю в космосе.

Блаз внимательно смотрел на него с экрана. Наконец вздохнул и пожал плечами:

— Ладно. В конце концов какая разница: семь бед — один ответ.

— А дурацкие послания вы еще получаете? — спросил доктор Мински.

— Да, черт бы их побрал! После нашего с вами утреннего разговора мы засекали еще целых тринадцать штук.

— Сделайте, как я сказал, и увидите: не успею я добратся до вашего спутника, а эти сообщения уже прекратятся.— Про себя он добавил, не размыкая скрытых под бородой губ: — По крайней мере, должны прекратиться...

Вылета на орбиту он ожидал с некоторой опаской. Путешествие началось в космопорте Гудвин Сэндз и оказалось вовсе не тяжелым — напоминало полет на воздушных лайнерах с бензиновым двигателем, на которых в ста-

рые времена доктор летал довольно часто. И уж конечно, куда интереснее было видеть бело-сине-зеленый шар — старую матушку Землю — через иллюминатор космического корабля, чем на экране телевизора. Доктор чувствовал себя отлично, прошлой ночью он как следует выспался и сейчас наслаждался путешествием. Одно, правда, беспокоило: приняло ли к сведению его рекомендации начальство на спутнике связи, выполнили ли его инструкции или просто послали за ним? Во всяком случае, молодой офицер воздушно-космических сил, сопровождавший его с Земли, был, как доктору показалось, удивлен: вот-вот разгорится крупнейший межпланетный кризис, а тут приходится выполнять какое-то нелепое поручение!

Тяжело дыша после непривычного, хотя и занятого маневрирования в состоянии невесомости, доктор из стыковочной камеры проследовал за офицером в приемную Станции. Летевшие с ним пассажиры — судя по обрывкам разговоров, крупные начальники в воздушно-космических силах или видные политические деятели — за время полета не перемолвились с ним ни словом, на уме у них было лишь одно — теперешний кризис. Они, поспешно расталкивая друг друга, ринулись по многочисленным коридорам Станции-спутника и в мгновение ока исчезли, да и сам доктор каким-то образом оказался у двери в конце одного из коридоров.

Ярким, жестким огнем светились лампы дневного света. Доктор почувствовал себя не у дел. И куда девался привезший его офицер? Тут дверь приоткрылась, и на пороге появился Блаз. Выглядел он так, словно на собственных плечах держал все беды людские.

— Доктор Мински.— Он без особого энтузиазма пожал руку доктора.— Пойдемте, пожалуйста, со мной. Мне приказано отвести вас прямо к мистеру Мариво, начальнику Станции, и объяснить, зачем вы здесь. И объяснение должно быть обоснованным и разумным. На меня, наверное, затмение нашло! Ведь за ваш полет мне представили счет в тридцать тысяч!

— Вы хотите сказать, что ваше начальство не приняло мое предложение всерьез? — воскликнул пораженный доктор.

— Всерьез? Вы шутите!

— Так они не снизили нагрузку на ваши компьютеры?

— Путем сортировки сигналов? И не подумали! За всю свою историю спутник не пропускал такого количества сигналов, как сегодня. Чему удивляться — ведь с минуты на минуту может разразиться межпланетный кризис!

— Он и разразится, если вы будете продолжать в том же духе! — вскипел доктор. — А нелепые послания все еще идут?

— Идут, но уже не только на Землю, но и на Марс, Ио, Цереру, да почти повсюду! Сотнями!

— Тогда ведите меня к вашему Мариво — и побыстрее!

Мариво выглядел изнуренным до крайности — еще больше, чем Блаз. На столе перед ним стояло пять телефонов, а все пространство вдоль стен занимали разнообразные ЭВМ связи. Когда Блаз и доктор Мински вошли в кабинет, Мариво разговаривал одновременно по трем телефонам. Он сделал вошедшим сердитый знак рукой — не мешайте!

— Да, генерал! — рычал он в трубку. — Приказ будет отдан сейчас же! Согласен — дальше терпеть невозможно. Они там на Марсе просто с ума сошли! Их поведение непростительно!

— Вы обвиняете колонистов Марса, а виноваты во всем сами! — загремел вдруг доктор Мински, шагнул вперед и с вызовом остановился перед Мариво.

Тот на мгновение остолбенел.

— А вы, черт возьми, кто такой? — спросил он.

— Сэр, это доктор Мински из Лондона, — дрожащим голосом выговорил Блаз. — Вы помните, я...

— Ах вон что. Помню. — Мариво откинулся на спинку кресла и кровожадно заурчал, как тигр, завидевший молодую аппетитную антилопу. — Доктор чего, простите? Медицины, если не ошибаюсь?

— Да, — кивнул доктор Мински.

— А может быть, кибернетики? Или связи? Или хотя бы физики? Нет? Так по какому праву вы считаете возможным отдавать приказания моим сотрудникам? Да, да, приказания? В момент кризиса и грозной опасности вы бог знает зачем прилетели сюда за государственный счет, заняли чье-то место в корабле...

— Да помолчите вы, ради бога! — перебил доктор Мински. — Вы что же, считаете, что если так называемые специалисты вот-вот втянут человечество в войну, то неспециалисты, даже если им известна причина кризиса, должны сидеть сложа руки и ждать, когда их поджарят? — Не дожидаясь приглашения, он сел в кресло у стола.

— Так вам известна причина кризиса?

— Думаю, да. У вас здесь масса сложнейшего оборудования, способного, можно сказать, самостоятельно мыслить, и сейчас ему приходится перерабатывать беспрецедентное количество информации...

— Что тут удивительного, мы же на грани войны! — вспыхнул Мариво.

— Да, но это положение создалось после того, как президента Марса вывели из себя! И я считаю, что его можно понять и извинить! Подождите! — Доктор Мински поднял широкую ладонь, словно пытаясь удержать Мариво в кресле. — Вы же не обнаружили, откуда пришло послание, взбесившее президента Марса, так?

— Так. — Мариво облизнул губы. — И это неудивительно — существуют некоторые... гм... специальные каналы, доступа к которым у нас нет. Необычно другое...

— Масса загадочного происхождения посланий, не имеющих никакого отношения к правительственным. Так? Значит, определенные дипломатические сообщения проходят через вашу систему постоянно. Они, видимо, закодированы... или зашифрованы? — Он с полуулыбкой обернулся к Блазу.

— Разумеется. Они же секретные.

— А ваше компьютерное устройство эти коды и шифры понимает?

— Понимает? Но это чисто антропоморфический...—
Что-то в глазах доктора Мински подсказало Мариво:
всякие умствования здесь ни к чему. Опустив голову,
он заключил: — Да, можно сказать, что компьютер их
понимает.

— То есть содержание зашифрованных сообщений
компьютеру известно, а вам — нет. Вам известно лишь коли-
чество пропускаемых сигналов.

Мариво кивнул.

— Сейчас, когда я вошел,— продолжал доктор,— вы
разговаривали с генералом. На случай такого кризиса у воен-
ных, наверное, есть — как они называются? — чрезвы-
чайные планы?

— Разумеется!

— Как вы считаете, закодированные сообщения, иду-
щие в последнее время потоком, могут быть как-то связаны
с этими планами, например, с обороной Земли на случай
нападения из космоса?

— Естественно! И если война действительно начнется,
первый удар они нанесут сюда, по спутнику, на котором мы
с вами находимся! А я вместо того, чтобы готовить Станцию
к эвакуации, сижу и развесив уши слушаю какого-то вы-
жившего из ума старика!

— Между прочим, я еще не кончил! — возвысил голос
доктор Мински и, поднявшись с кресла, корщунном навис
над Мариво.— И на Землю я собираюсь вернуться с ком-
фортом, не думайте отправить меня срочной бандеролью.
В последний раз повторяю: в кризисе виноваты только вы
сами! Вы здесь главный? Вот вы и виноваты!

Растопырив пальцы, он запустил их себе в бороду.

— Вам сны хоть иногда снятся, мистер Мариво? —
неожиданно спросил доктор.

— При чем тут сны?

— При том! Вы разве не заметили в этих загадочных
посланиях одну особенность? Образы в них словно взяты
из снов! Не заметили? Блаз! — обернулся он к молодому

человеку.— Дайте несколько примеров — может быть, ваш босс тогда меня поймет.

Испуганный и потрясенный, но готовый ухватиться хоть за соломинку, Блаз прикрыл глаза, стараясь вспомнить.

— Ну, например, в одном послании речь шла о космическом «корабле наоборот», расположенном на дне моря, мимо иллюминаторов которого проплывают рыбы. В другом — о скелете, отплясывающем джигу, а еще в одном — о больших водяных часах, которые вместо «тик-так» говорят «кап-кап»...

— Хватит с меня этой идиотской чепухи! — взорвался Мариво.— Я сейчас вызову охрану, и вас отсюда выдворят!

— Как посла Земли с Марса,— добавил доктор Мински.— Вы ведете себя глупее некуда, а выход-то прост — нужно уменьшить количество пропускаемых сигналов, больше ничего. Через несколько часов положение нормализуется.

— Вы не в своем уме!

— Он прав! — Блаз даже пальцами прищелкнул. На него будто снизошло озарение.— Я понял мысль доктора!

— Так объясните, только коротко,— приказал Мариво.

— Хорошо, сэр! Мы везде твердим: наши компьютеры так совершенны, что, по сути, могут самостоятельно мыслить. Но задумывались ли мы, что это значит? Они самостоятельно составляют для себя программы, сами себя инструктируют. Мы собираем их, включаем, а дальше только изредка делаем текущий ремонт. Компьютеры сами знают, как поступить с полученным сообщением. Сами читают адрес, разрабатывают маршрут и передают сообщение — даже исправляют возможные ошибки, которые могут возникнуть, скажем, из-за звездных радиопомех.

Доктор Мински сиял.

— Точно так же, как люди,— пояснил он.— Откровенно говоря, эту мысль мне подсказал мальчик, мой сегодняшний пациент. По ночам его мучают кошмары, а причина — в прошлом ребенка, когда он еще не был усыновлен своими нынешними родителями.

Он повернулся к шефу Станции-спутника:

— Мистер Мариво! Вам, наверное, известно, что сновидения посещают человека только во сне? Во время сна события прошедшего дня как бы сортируются, раскладываются по соответствующим уголкам нашей памяти. Иногда случается так, что событие, которому мы в первый момент не придали большого значения, содержит в себе слишком сильный эмоциональный заряд. И «расклассифицировать» такое событие мозгу не всегда удается. В этом случае человек утром хорошо помнит, что именно ему снилось. А если сон совсем страшный, из-за него вы можете даже проснуться ночью — это значит, что вас мучают кошмары.

Теперь возьмем ваши компьютеры, очень совершенные компьютеры. Они постоянно получают информацию из десятка различных миров и, видимо, тоже должны производить своеобразную сортировку, отделять важное от второстепенного, пересматривать собственные инструкции — чтобы те соответствовали конкретно поставленной задаче.

— Разумеется! Компьютеры выполняют такую работу вот уже двадцать лет.— Мариво машинально пригладил волосы.— Для этого им дается так называемое «время задержки».

— Время задержки? Это некая постоянная величина? И кто ее определил? Конструкторы?

— Конечно. В руководстве по эксплуатации указаны ее пределы, превышать которые нельзя.

— Ага! — Доктор Мински так и подался вперед.— Вот мы, кажется, и нашли! Значит, есть временные пределы, которые обычно превышать нельзя?

— Вы правы! — Блаз все понял. Он шагнул вперед и остановился перед своим боссом.— Сэр, доктор совершенно прав. Мы упустили из виду нечто до ужаса очевидное. Как только появились первые признаки кризиса, количество официальных зашифрованных сигналов тут же возросло, верно? Вы сами недавно сказали, что в случае войны одним из первых нападению подвергнется наш с вами спутник. А компьютер ведь понимает закодированные сообщения, должен понимать, иначе как он убедится, что это не просто

помехи? И вот он понял, что ему угрожает смертельная опасность. Если учесть, что при этом он работал в режиме максимальной нагрузки, появление странных сообщений уже не кажется таким противоестественным.

— У вас ясная голова, молодой человек,— похвалил доктор Мински.— «Бессердечный безумец» — используем тот предложенный вами яркий образ — это ваш компьютер, узнавший, что ему угрожает опасность. Ему необходимо больше спать...— Доктор хмыкнул и тут же поправился: — Я хотел сказать, надо увеличить обычное «время задержки», сейчас компьютер просто не успевает понять смысл передаваемых им закодированных сообщений. Иначе говоря, он сейчас страдает галлюцинациями от перенапряжения, как человек, если ему несколько дней подряд не давали спать. А чтобы рассортировать и оценить тревожные сообщения, связанные с его собственной безопасностью, компьютеру, видимо, оставалось только одно — использовать цепи, предназначенные для обновления инструкций и пересмотра собственных программ. Джентльмены, это явление едва не повлекло за собой ужасающие последствия, но тем не менее его следует отнести к разряду исторических. Впервые в истории компьютер заболел самым настоящим воспалением мозга.

Наступила долгая пауза. Вдруг Мариво бросился к телефонам и начал отрывистым голосом отдавать одну команду за другой: временно перекрыть связь на межпланетных линиях, передавать только самые важные кодированные сообщения, обратиться к военным и дипломатическим верхам с просьбой о пересмотре сложившейся ситуации — есть вероятность, что информация, вызвавшая гневную реакцию президента Марса, послана компьютером по ошибке...

Оттащив доктора Мински в сторону, Блаз с жаром пожал ему руку.

— Доктор! — воскликнул он.— Не знаю, как вам удалось до этого додуматься там, на Земле,— а нам здесь, рядом с этими больными компьютерами ничего подобного и в голову не пришло,— но я уверен, что ваша версия абсолют-

на верна и... огромное вам спасибо! Весь мир вам скажет спасибо, вот увидите.

Лицо доктора Мински вдруг посуровело.

— Жизнь когда-нибудь обходилась с вами жестоко? — спросил он.

Блаз непонимающе заморгал.

— Как будто нет.

— Но в детстве вы когда-нибудь просыпались с криком среди ночи, потому что вам приснился страшный сон?

— Да, такое бывало. Мать рассказывала. Мне тогда было года четыре, и сам я плохо помню.

— А моих родителей война сделала беженцами. И вот до сорока или даже до сорока пяти лет кошмары не покидали меня. Я просыпался среди ночи в слезах. Сегодня ко мне на прием привели мальчика — его тоже мучают кошмары, и он, конечно, ничего не может объяснить, да это и понятно — психическую травму он получил еще совсем маленьким.

— Не может объяснить, — задумчиво повторил Блаз.

— Именно. Не может объяснить ничего и ваш компьютер. Поделиться своими мыслями ему не дано, а тут вдруг из закодированного официального сообщения он узнает, что Станции грозит нападение и уничтожение. — Доктор Мински пожал плечами. — Тут кого хочешь кошмары замучают!

Снова наступила тишина. Наконец широкая улыбка надвое поделила густую седую бороду доктора.

— Что ж, по крайней мере; я кое-что новое испытал.

— Первый раз слетали в космос? — попробовал угадать Блаз.

— Что? Нет, об этом я как-то забыл. — Доктор Мински усмехнулся. — Просто впервые моим пациентом оказался компьютер.

Гордон Р. Диксон

Незванный гость

Кэри Хармон был молодым человеком не без способностей. Во всяком случае, у него хватило ума создать себе репутацию знающего адвоката и благодаря этому закрепиться в обществе равнинных обитателей Венеры, что было совсем не так просто. К тому же он прозорливо упрочил свое положение женитьбой на дочери одного из крупнейших торговцев медикаментами. Но в технике он разбирался, прямо скажем, как свинья в апельсинах, а следовательно, его и на пушечный выстрел нельзя было подпускать к дорогостоящему оборудованию, требующему самого деликатного обращения,— все равно что позволить ребенку играть со спичками.

Жена ему попалась с характером, и временами ладить с ней было непросто, но она любила его как последняя дура. А так как он ее совсем не любил, то при каждой размолвке просто исчезал на некоторое время, пока страх навсегда потерять драгоценного супруга не приводил жену в должное состояние покорности судьбе. Понимая, что за столько лет она прекрасно изучила все его привычки, он старался не появляться в одних и тех же местах и действовал весьма успешно, наслаждаясь своим умением выскивать в качестве очередного прибежища самые неожиданные уголки на планете.

И вот однажды, находясь в прекрасном расположении духа, он серым зимним утром посадил свой небольшой вертолет в Одиноких Горах у Станции Погоды, которую обслуживал Бэрк Макинтайр, на несколько минут опередив снежный буран, несущийся за ним по пятам. Загнав двухместный вертолет в ангар и наевшись до отвала, этот незванный гость теперь сидел, развалившись в кресле, и слушал завывания ветра, бессильно разбивавшиеся о крышу станции со скоростью сто пятьдесят миль в час.

— Еще десять минут,— сообщил он Бэрку,— и мне пришлось бы туго!

— Туго! — фыркнул Бэрк, крупный блондин с грубыми чертами лица, который с презрением относился ко всему человечеству, за исключением отдельных личностей, причастных к метеорологии.— Вы, равнинники, слишком привыкли к своему эдему, избаловались. Еще десять минут, и ты бы разбился о скалы вдребезги, а поисковая партия отыскала бы твои косточки не раньше весны.

Кэри недоверчиво рассмеялся.

— Попробуй, если не веришь,— сказал Бэрк.— Садись в свою игрушку — и вперед. Не хочешь слушать разумных советов, и не надо. Мне-то что.

— Ну уж нет.— Зубы Кэри блеснули в улыбке.— Мне и здесь хорошо. К тому же не годится выгонять гостя, который только что прибыл, да еще в такую погоду.

— Гость, да незваный,— проворчал Бэрк.— Насколько мне помнится, мы расстались с тобой сразу после выпускных экзаменов, и с тех пор от тебя лет шесть ни слуху ни духу. А сейчас ты являешься ко мне в эту глушь как ни в чем не бывало.

— Под влиянием момента,— пояснил Кэри.— Мой основной принцип, Бэрк,— всегда действуй неожиданно. Придает остроту ощущениям.

— И быстро сводит в могилу,— пробормотал Бэрк.

— Зависит от ощущений,— ответил Кэри.— Если вдруг тебе неожиданно захочется спрыгнуть со скалы или пустить себе пулю в лоб, то ты и в том, и в другом случае слишком глуп, чтобы жить дальше.

— Кэри,— угрюмо заметил Бэрк,— для философа ты слишком легкомыслен.

— А ты тяжеловесен,— усмехнулся Кэри.— Может, ты перестанешь наконец ко мне придирааться и расскажешь что-нибудь о себе? С чего ты вдруг заделался отшельником? Чем ты занимаешься?

— Чем я занимаюсь? — переспросил Бэрк.— Работаю.

— Да, но как? — сказал Кэри, поудобнее устраиваясь

в кресле.— Запускаешь воздушные шарики? Собираешь снег лопатой, чтобы выяснить, сколько его напало? Следишь за движением звезд? Что именно ты делаешь?

Бэрк терпеливо покачал головой и снисходительно улыбнулся.

— Если тебе так хочется, чтобы я тебя поразвлек,— ответил он,— то слушай. Ничем особенным я не занимаюсь. Просто сижу за столом и готовлю погодные данные для передачи в Центр.

— Ага! — сказал Кэри с упреком и погрозил пальцем.— Понятно! Значит, манкируешь своими обязанностями. Но раз, кроме тебя, здесь никого нет, кто ведет наблюдения?

— Естественно, компьютер,— ответил Бэрк.— Каждая метеостанция оборудована электронным мозгом.

— Еще того не легче,— заметил Кэри.— Значит, ты сидишь себе в тепле, сытый и довольный, а бедный маленький компьютер носится по снегу и трудится на тебя не покладая рук?

— Между прочим, ты не так уж далек от истины,— серьезно сказал Бэрк.— А вообще, тебе только полезно будет послушать о некоторых чудесах техники, благодаря которым ты живешь в счастливом неведении. Ведь наши станции усовершенствовались совсем недавно, и это просто удивительно, как далеко шагнула вперед наука.

Кэри иронически улыбнулся.

— Я говорю правду,— произнес Бэрк, и глаза его вдохновенно засверкали.— Мозг, который нам вмонтировали несколько месяцев назад,— последнее слово техники. Раньше приходилось работать с роботом и простым вычислительным устройством. Робот собирал погодные данные и передавал их мне. Я их обрабатывал и закладывал программу в машину, после чего вновь корпел над расшифровкой перед отправкой результатов в Центр.

— Страшно утомительно,— пробормотал Кэри, протягивая руку к рюмке, удобно стоявшей на столе рядом с креслом. Бэрк не обратил на его ироничный тон никакого внимания:

о достижениях в области науки и техники он мог говорить часами.

— Да, времени получалось в обрез: не успевал я обрабатывать одни данные, как поступали новые. Станция координирует действия датчиков на территории в пятьсот квадратных миль, и один человек просто физически не в состоянии за всем уследить. Приходилось вводить в схему лишь самое важное. К тому же необходимо было поддерживать порядок внутри станции да и о себе заботиться. Зато сейчас,— Бэрк наклонился и погрозил пальцем перед носом у гостя,— новый компьютер сам получает данные непосредственно от датчиков, обрабатывает их и тут же выдает конечный результат. Мне остается лишь расписать метеоусловия и передать прогноз в Центр. Кроме того, наш электронный мозг автоматически обслуживает осветительно-отопительную систему, подавая сигнал в случае малейших неполадок, и, если ему просто сказать, самостоятельно устраняет их. Кстати, у него есть отдельный блок, занимающийся исключительно разработкой теоретических проблем.

— Подумаешь, металлический божок,— презрительно хмыкнул Кэри. Он привык, что все уделяют внимание ему одному, и его раздражало, что Бэрк поет дифирамбы какой-то машине, не обращая внимания на своего блещущего разнообразными талантами гостя, который — по счастливой случайности — попал сюда, чтобы как-то скрасить одинокую жизнь приятеля.

Бэрк посмотрел на него насмешливо.

— Нет,— ответил он.— Настоящее божество, Кэри.

— Все слышит, все видит, все знает. Непогрешим.

— Да, в общем похоже,— ответил Бэрк, все еще улыбаясь.

— Но этого мало! Ведь настоящие-то боги никогда не ломаются, не выходят из строя.

— Компьютер тоже.

— Брось, Бэрк,— проворчал Кэри.— Просто ты так увлекся, что стал заговариваться. Идеальных машин не бывает. Сгорит какой-нибудь проводник или полетит лампа — что тогда? Конец твоему богу! Испортился.

Бэрк покачал головой.

— В нем нет проводов,— сказал он.— Все соединения — энергетические. Что же касается ламп, то на такие пустяки он даже не тратит времени. Один из неработающих блоков решает проблему замены, и компьютер автоматически ее производит. Видишь ли, Кэри, эта модель отличается от остальных тем, что каждый из блоков — а их двадцать, в два раза больше, чем может потребоваться станции в самом непредвиденном случае,— в состоянии решить любую задачу: от поддержания постоянной температуры в помещении до выдачи готовой программы. Если же задача оказывается слишком сложной, компьютер последовательно подключает к работе блок за блоком, пока не находит нужного ответа.

— Ага,— сказал Кэри.— Значит, может случиться такое, что для решения особенно трудной проблемы ему просто не хватит блоков? А тогда он от перегрузки не сгорит?

— Э, да тебя никак задело, Кэри? Не терпится найти хоть какой-нибудь дефект, верно? — ответил Бэрк.— Должен тебя разочаровать. Теоретически, конечно, возможна столь сложная задача, для решения которой компьютер вынужден будет задействовать все блоки. Например, если станцию внезапно поднимет ветер и понесет по воздуху, тогда, разумеется, выключится вся система. Но даже в этом случае перегрузки не произойдет. Просто компьютер постепенно выяснит причину того, почему станция взлетела, и сразу начнет принимать меры, чтобы вернуть ее на прежнее место.

Кэри выпрямился и щелкнул пальцами.

— Тогда все просто,— сказал он.— Я пойду и скажу твоему компьютеру — по внутреннему микрофону,— что нас подняло в воздух.

Бэрк громко расхохотался.

— Кэри, дурашка! — сказал он.— Неужели ты думаешь, что конструкторы Мозга не предусмотрели возможности словесной ошибки? Ты скажешь это, а компьютер мгновенно все проверит и вежливо ответит: «Простите, сэр, данные не подтвердились».

Глаза Кэри сузились, на скулах появились красные пятна, но улыбка осталась прежней.

— Значит, у него есть теоретический блок,— пробормотал он.

— Конечно,— ответил Бэрк, явно наслаждаясь победой.— И ты можешь пойти туда и сказать: «Просчитай такое допущение: наша станция летит по воздуху», и компьютер немедленно примется за работу.

Он умолк, и Кэри выжидательно на него посмотрел.

— Но,— продолжал метеоролог,— он будет решать эту задачу только с помощью свободных блоков и отложит ее решение, если для обработки поступят реальные метеоданные.

Он замолчал, глядя на Кэри не без иронии, но добродушно. Тот не отвечал.

— Сдавайся, Кэри,— в конце концов сказал Бэрк.— Это бесполезно. Ни бог, ни человек, ни даже Кэри Хармон не смогут помешать моему компьютеру честно и добросовестно выполнять возложенные на него функции.

Глаза Кэри мрачно блеснули из-под опущенных век. Какое-то время он просто сидел, глядя на зрителя станции, потом тихо произнес:

— Я могу это сделать.

— Что именно? — спросил Бэрк.

— Вывести твой компьютер из строя.

— Ерунда! И вообще, не принимай этот треп так близко к сердцу. И не переживай зря. Тут у тебя ничего не выйдет. У конструкторов тоже не получилось.

— Я же сказал, что могу это сделать.

— Запомни раз и навсегда: сделать это невозможно. И прекрати искать изъяны там, где их быть не может. Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

— Я могу заключить с тобой пари,— медленно и напряженно проговорил Кэри,— на пять тысяч, что, если ты оставишь меня наедине с компьютером только на одну минуту, я полностью выведу его из строя.

— Не нужны мне твои деньги, хотя пять тысяч — мой

годовой заработок. Беда в том, Кэри, что ты никогда не умел проигрывать. И хватит об этом!

— Либо ставь свои условия, либо заткнись,— упрямо сказал Кэри.

Бэрк вздохнул.

— Послушай,— сказал он, явно начиная сердиться,— может, я и напрасно раздражил тебя. Но заруби себе на носу: я говорил чистую правду, и тебе не удастся заставить меня признаться в обратном. Ты ведь ничего не смыслишь в технике, понятия не имеешь о Машине и даже представить себе не можешь, что препятствовать ее деятельности абсолютно невозможно; по крайней мере, это не в твоих силах. Ты, видно, думаешь, что я не очень в этом уверен, поэтому и предлагаешь спорить на баснословную сумму. А если я просто откажусь спорить, ты решишь, что выиграл. Но послушай: я уверен, что прав, не только на девяносто девять и не только на девяносто девять и девятьсот девяносто девять тысячных процента. Я уверен на все сто процентов и спорить не хочу, потому что это просто грабеж; к тому же ты тогда возненавидишь меня на всю жизнь.

— Мое предложение остается в силе,— сказал Кэри.

— Ну ладно! — вскричал Бэрк, вскакивая на ноги.— Если ты настаиваешь, я согласен. Держу пари!

Кэри ухмыльнулся, встал с кресла и пошел за метеорологом из просторной гостиной, яркий свет ламп которой контрастировал с мраком снежной бури за окнами. Некоторое время они шли по коридору с обшитыми металлом стенами и наконец остановились у большой стеклянной двери.

— Здесь находится компьютер,— сказал Бэрк, указывая сквозь стекло и поворачиваясь к Кэри, стоявшему сзади.— Если ты хочешь обратиться к нему устно, надо говорить в левый микрофон. Вводное устройство — справа, а внутренняя дверь ведет на энергетическую станцию. Однако если ты надеешься применить физическую силу, лучше сразу пойдем обратно. Наши осветительная и отопительная системы не имеют ручного управления. Они действуют благодаря небольшому ядерному реактору, полностью под-

чиненному компьютеру, не считая автоматики самого реактора, которая немедленно отключает его в случае серьезного стихийного бедствия, скажем, прямого попадания молнии. И тебе не удастся пробиться сквозь эту двойную защиту даже за неделю. Если же ты задумал повредить сам компьютер, то учти, что его передняя панель сделана из двухдюймовой стали, а сварка велась под давлением.

— Уверяю тебя,— сказал Кэри,— что я не собираюсь ничего ломать.

Бэрк быстро взглянул на него, но в улыбке адвоката не было на этот раз и тени иронии.

— Хорошо,— сказал метеоролог, отступая от двери.— Можешь войти. Мне подождать или тебе необходимо, чтобы я удалился?

— О, можешь смотреть сколько влезет,— ответил Кэри.— Нам, компьютероломателям, нечего скрывать.— Он повернулся к Бэрку и распахнул пиджак.— Вот видишь, за пазухой у меня ничего нет,— насмешливо проговорил он.

— Иди,— грубо перебил его Бэрк.— Сколько можно еще трепаться? Я хочу наконец вернуться в гостиную, к выпивке.

— Спешу,— ответил Кэри и вошел внутрь, закрыв за собой дверь.

Бэрк видел сквозь стекло, как Кэри подошел и остановился примерно в полуметре от микрофона, замерев на месте, плечи его расслабленно опустились, руки повисли как плети, и, напряженно глядя ему в спину, Бэрк какое-то время никак не мог понять, что кроется за столь странной позой. Внезапно его осенило, и он громко расхохотался.

— Ну конечно же,— сказал он себе.— Наш герой решил блефовать до конца и теперь ждет, когда не выдержу я — заволнуюсь и ринусь оттаскивать его от компьютера.

Успокоившись, Бэрк закурил сигарету и посмотрел на часы. В распоряжении Кэри оставалось примерно секунд сорок пять. Потом ему придется признаваться в полном бессилии, хотя, конечно, он тут же на месте вполне может придумать какие-нибудь фантастические аргументы, дока-

зывающие, что на самом деле он одержал полную победу.

Бэрк нахмурился. Сколько он помнил Кэри, тот просто психологически боялся превосходства над собой кого-то другого; и если сейчас не удастся хоть как-то его успокоить, жить с ним вдвоем на станции в течение многих дней, пока не кончится буран, будет очень тяжело. Не выгонишь же его на улицу при морозе в шестьдесят градусов и ураганном ветре. С другой стороны, Бэрку совсем не улыбалось к кому-то там подлаживаться...

Вибрация генератора, которую он постоянно чувствовал сквозь пол и которая стала такой же привычной, как собственное дыхание, внезапно прекратилась. Лопастей вентилятора, гнавшего горячий воздух, замедлили бег и остановились. Свет ослабел, а затем и совсем погас, и коридор потонул во мраке; за окнами призрачно голубела вьюжная ночь. Сигарета выпала из оцепеневших пальцев Бэрка, и он кинулся внутрь с воплем:

— Что ты сделал?

Кэри насмешливо посмотрел на него, подошел к стене и развязно оперся о нее плечом.

— А это задача уже для тебя! — ответил он.

— Ты что, спятил... — начал было Бэрк, но тут же одернул себя; некогда терять драгоценные секунды. Он повернулся к панели и уставился на показания приборов.

Ядерный реактор был отключен. Вентиляция и электричество тоже. На панели горела лишь одна лампочка, подтверждающая, что компьютер занят какими-то расчетами. Двойные двери ангара, в котором стоял вертолет, открывались и закрывались тоже автоматически, а следовательно, попасть туда теперь было абсолютно невозможно. В радиоприемнике и видеофоне царил мертвая тишина.

Но компьютер трудился вовсю.

Бэрк подошел к микрофону и дважды нажал красную аварийную кнопку на панели.

— Внимание! — громко проговорил он. — Ядерный реактор остановлен, и все системы, за исключением твоей собственной, лишены энергии. В чем дело?

Ответа не последовало, но лампочка продолжала ярко гореть.

— Упрямая скотина, верно? — сказал Кэри, не меняя своей развязной позы.

Бэрк не обратил на него ни малейшего внимания и вновь нажал на кнопку.

— Отвечай! — приказал он. — Немедленно отвечай! В чем дело? Почему не работает реактор?

Компьютер молчал.

Бэрк запрограммировал свой вопрос, и его пальцы привычно забегали по клавиатуре. Перфолента поползла белой змейкой и исчезла. Бэрк напряженно ждал.

Ответа не было.

Долгое время он стоял, глядя на компьютер, как будто отказывался верить собственным глазам. Затем повернулся и пристально посмотрел на Кэри.

— Что ты сделал?

— Признаешь себя побежденным? — требовательно спросил Кэри.

— Да.

— Значит, я выиграл?

— Да.

— Тогда скажу. — Кэри вынул сигарету, закурил, как следует затянулся и выпустил облако дыма, окутавшее комнату, где уже заметно похолодало — ведь батареи отопления были отключены. — Твой распрекрасный компьютер, может, и разбирается в метеорологии, но ничего не смыслит в логике. А ведь это, на мой взгляд, просто возмутительно, в особенности если учесть, насколько тесно логика связана с математикой.

— Что ты сделал?

— Не перебивай, — сказал Кэри. — Имей терпение. Так вот, я говорю: это просто возмутительно! Твой непогрешимый любимчик, стоящий, полагаю, не один миллион, ломает себе голову над парадоксом.

— Парадоксом! — с рыданием выдохнул Бэрк.

— Ну да, парадоксом, — фальцетом пропел Кэри. — Весь-

ма миленьким парадоксом.— Он вновь заговорил нормальным голосом.— Пока ты чуть не лопался от гордости, говоря о своей железяке и ее несокрушимости, я подумал, что компьютер можно запросто парализовать, подкинув ему задачу, непостижимую для его механических мозгов. Я вспомнил кое-что из курса логики, который нам читали в институте,— нечто под названием «парадокс Эпиминида». Не помню точно, что там говорилось,— лекции были скучными и, честно говоря, на них жутко хотелось спать,— но суть в том, что если, например, я тебе скажу: «Все адвокаты — лжецы», то как узнать, правду я говорю или нет, если я сам адвокат? Ведь если это правда, значит, будучи адвокатом, я лгу. Но если я лгу и все адвокаты не лжецы, значит, я говорю правду. Ты понял? Если мое заключение правдиво, значит, я лгу, а если я лгу, значит, оно правдиво.

Внезапно Кэри громко расхохотался.

— Жаль, ты не видишь своей физиономии в зеркале, Бэрк,— еле выговорил он, давясь от смеха.— В жизни не встречал такой обалделой рожи... В общем, я подошел к компьютеру и, пока ты вежливо ждал меня снаружи, сказал: «Ты должен опровергнуть то, что я сейчас утверждаю, потому что все мои утверждения неверны».

Он умолк и посмотрел на метеоролога.

— Ты понял? Он принял мое утверждение, собираясь выполнить приказ и опровергнуть его. Но не смог этого сделать, не признав его верным, а как он мог быть верным, если я объявил, что все мои утверждения неверны? Понимаешь?.. Ну конечно, понимаешь, у тебя на лице все написано. О, если б ты только мог себя сейчас видеть! Краса и гордость метеорологии, споткнувшаяся о какой-то парадокс!

Глядя на ошарашенного Бэрка, Кэри вновь расхохотался, не в силах удержаться, и только через несколько минут, вдосталь насмеявшись, начал потихоньку приходить в себя. Чувствуя некоторую слабость после столь бурного веселья, он выпрямился, как-то странно всхлипнул и прислонился к стене. Подняв воротник пиджака, он передернулся всем телом и посмотрел на метеоролога.

— Теперь, когда тебе известно, где собака зарыта, запуская свою машину на полную мощность. Во-первых, здесь что-то чересчур прохладно, а во-вторых, свет несколько мрачноват.

Бэрк не двинулся с места. Он, не мигая, смотрел на Кэри, прямо-таки буравил его взглядом. Кэри фыркнул.

— Ну же, Бэрк,— сказал он.— Свистать всех наверх! После будешь переживать. Если тебя беспокоит наше пари, считай, что ничего мне не должен. И не расстраивайся так из-за своего любимчика. Не так уж он плох. Честно говоря, я считал, что он просто перегорит, а не задействует для вычислений все блоки. Смотри, он и сейчас никак не угомонится. Может, ему удастся разработать теорию классов? Вот тогда он решение найдет, через годик-другой.

Бэрк продолжал стоять как статуя. Кэри посмотрел на него подозрительно.

— В чем дело? — раздраженно спросил он.

Губы метеоролога задвигались, как в немом кино, и тонкая струйка слюны сбежала с уголка рта и потекла по подбородку.

— Ты! — с трудом выдавил он из горла нечто похожее на хрип умирающего.

— Что?..

— Кретин! — заорал Бэрк, неожиданно обретая дар речи.— Дегенерат! Дебил!

— Я? Я? — возмущенно возопил Кэри.— Я же был прав!

— Да, ты был прав,— сказал Бэрк.— Слишком прав. А как прикажешь заставить компьютер запустить ядерный реактор, отрегулировать температуру и дать свет, если все его блоки заняты решением твоего парадокса? Что могу сделать я, если Машина оглохла и ослепла?

Два человека молча смотрели друг на друга. Их дыхание превращалось в облачка пара, а зловещее пение бури, приглушенное мощными стенами, звучало все громче и торжественней.

Температура внутри станции быстро падала.

Любен Дилов

Очередной номер

Придет время, когда машина будет в состоянии без человеческой помощи написать любое заказанное ей произведение, отделать его и... швырнуть в корзину для бумаг.

Ф. Кафка

В Институте робототехники и вычислительных машин готовились к празднику. Для торжества имелся весьма основательный повод — вот уже месяц, как безупречно работал опытный образец нового электронного мозга, предназначенный для роботов восемнадцатого поколения. Институту удалось опередить своих зарубежных соперников, и теперь все сотрудники — от вахтеров до конструкторов — в равной степени гордились достигнутым. Международная контрольная комиссия установила, что модель в совершенстве отвечает всем требованиям, предъявляемым обычно к очередному поколению роботов-универсалов; был торжественно оглашен соответствующий номер; и патентные учреждения земного шара зарегистрировали рождение новой генерации помощников человека. И только строгость закона все еще заставляла держать робота на испытательной площадке. Хотя он и был предназначен для работы на лунной поверхности, на Марсе, на дне океанов, но отнюдь не на земле, хотя до сих пор не отмечалось ни малейших отклонений от норм, электронному мозгу следовало оставаться отделенным от ходовой части еще целых пять месяцев. Тут закон был неумолим: ведь уже бывали случаи злоупотреблений, да к тому же каждое новое поколение компьютеров порождало столь широкие возможности, что они порой оказывались недоступны человеческому контролю.

Но вышеуказанные обстоятельства отнюдь не мешали коллективу института интенсивно предаваться веселью. Ра-

бота завершилась безусловным успехом, уже получено разрешение заняться проектированием следующей модели — институт был явно на гребне славы. В порядке эксперимента к разработке нового проекта был подключен и новый электронный мозг, проходящий стадию испытания. На бумаге проект был почти завершен, но конструкторская группа как бы предложила новому роботу оценить своего будущего собрата, и теперь тот внимательно, словно заботливый отец, обеспокоенный судьбой сына, занимался этой работой и уже дал несколько ценных указаний. Между прочим, некоторые идеи, подкинутые им, просто ошеломили ученых. Не то чтобы идеи эти отличались новизной, напротив, они давно витали в воздухе, однако относились к грядущим поколениям роботов — может быть, к тридцатому или даже к пятидесятому — и представляли собой скорее мечты, нежели реальность. До сих пор такое приходило в голову лишь научным фантастам.

И откуда только эти идеи залетели в электронную голову ЭМО-18? Его программа в принципе не могла их породить. Ведь электронный мозг логически строит свои выводы только на основании поданных человеком или воспринятых из окружающей среды сведений, анализируя и сопоставляя их с материалами, предварительно заложенными в блоке его памяти. Каким бы ни было сложным устройство компьютера, он все же остается всего лишь машиной, созданной по определенным законам техники, машина-мечтатель просто немыслима, а машина-фантазер — это явно поврежденная машина.

Тем не менее идеи, предлагаемые ЭМО-18 для проекта робота следующего поколения, были совершенно логичными, нереальными делало их одно только незначительное обстоятельство: современной технике они были не по зубам. Вот почему конструкторы не только не встревожились, но даже, напротив, еще раз от души порадовались исключительным способностям своего дитяти. Но, разумеется, информация об этих способностях широко не разглашалась. Пусть рассеется радостное возбуждение после успешного

напряженного труда, пусть пройдет праздник; вот тогда-то конструкторы наконец займутся вопросом, откуда возникли фантастические идеи у электронного мозга и нельзя ли каким-либо образом использовать эти новые мысли в рабочих планах института. Если ЭМО-18 предлагает такое, может быть, он подскажет и пути его реализации?

Между тем погода стояла прекрасная, и празднество решили провести на открытом воздухе, чтобы получился настоящий пикник с гирляндами, фейерверком, оркестром, с веселыми кострами и милыми сюрпризами, как и подобает при столь выдающейся научной и трудовой победе. С самого утра все усердно занялись подготовкой. Работа закипела; участвовали и электронно-вычислительные машины, они конструировали всевозможные фантастические сооружения и остроумные игры. Да и сами гении, конструкторы ЭМО-18, с увлечением что-то клеили и сколачивали вместе с институтскими рабочими в тенистых уголках огромного парка; никому не хотелось отрываться от подготовки к предстоящим развлечениям, хотя в парке периодически появлялся ответственный оператор и что-то тревожно шептал членам конструкторской группы.

В конце концов конструкторам все же пришлось собраться в зале для испытаний, где помещался виновник торжества. На специальной площадке высились лишь «торс» и «голова» робота. Лишенный ходовой части и рабочих рычагов, он выглядел неприятно беспомощным вопреки своим внушительным размерам. Ответственный оператор на этот раз выразил свою тревогу в форме краткого доклада, суть которого состояла в том, что электронный мозг несколько раз на протяжении предыдущей ночи самовключался и, хотя все его блоки работали с полной отдачей, механизм не информировал, чем конкретно он занят; а с самого утра ЭМО начал выдавать проекты, и весьма модифицированные, для производства себе подобных.

Оператор продемонстрировал проекты. Усовершенствованных моделей ЭМО оказалось около пятидесяти. Самый юный из конструкторов взял наугад две микрозаписи, за-

рядил проекционный аппарат и принялся вместе с коллегами внимательно изучать увеличенные экранные изображения вычислений и чертежей. Ошибки быть не могло — микрозапись содержала безукоризненно исполненную конструкцию робота нового поколения, к порядковому номеру которого следовало бы добавить и какую-нибудь латинскую букву, потому что в схему были внесены мелкие, но безупречные изменения, обогащавшие грядущего робота новыми способностями.

На первый взгляд — ничего особенного. ЭМО-18, подобно остальным роботам-универсалам, начиная с двенадцатого поколения, мог самовоспроизводиться. Если бы в его распоряжении имелись соответствующие детали, он тут же собрал бы своего двойника, что и засвидетельствовала во время испытаний международная приемная комиссия. Но тогда робот не делал попыток изменить конструкцию, что и отвечало его программе. Так же, как и его предкам, начиная с двенадцатого поколения, ему дозволено было воспроизводить себе подобных без специального запроса только в тех случаях, когда он явно не в состоянии был самостоятельно справиться с возложенным на него заданием — где-нибудь на дне океана или в космосе, далеко от людей. Новым в ЭМО-18 являлось то, что в подобной ситуации, столкнувшись с непредвиденными, непосильными для него трудностями, он мог по собственному усмотрению так видоизменить свое «дитя», чтобы то непременно справилось с заданием. Но только в экстремальных условиях! А здесь, на испытательной площадке, в защищенной от каких бы то ни было вредных воздействий среде? Откуда эта вереница новых моделей?

— Темпы размножения прямо кроличьи! — криво усмехнулся ответственный оператор.

Сравнение ни у кого не вызвало улыбки, потому что в тот самый миг передающее устройство выдало очередную кассету с микрозаписью. Нет, подобное своеволие робота могло быть только результатом серьезных неполадок!

— Самовключается, значит? И без программы? — в за-

думчивости спросил главный конструктор, хотя картина была абсолютно ясна и так.

— Более того! — воскликнул ответственный оператор.— Тут я недавно дал ему задание продолжить работу над проектом модели девятнадцатого поколения. Так он — что вы думаете? — отказался! Он, мол, занят другим и не имеет свободных мощностей!

Главный конструктор подвел коллег поближе к площадке, включил у компьютера рецепторы устной речи и опасливо, словно заранее пугался возможного ответа, произнес:

— ЭМО-18, у тебя есть что сообщить нам?

Будущие хозяева, наверное, дали бы роботу какое-нибудь поэтичное или смешное имя, как принято было у всех, подолгу работающих в космосе, но в любом случае относились бы к нему с уважением, содержащим и некую долю страха; с тем уважением, какое вызывает у людей в экстремальных условиях зависимость от удивительно разумных и могучих роботов. Однако здесь никто не ощущал никакой зависимости от него. Здесь он был всего лишь очередной рабочей моделью.

— Нет.— Робот ответил на вопрос главного конструктора приятным баритоном, казалось бы, не соответствующим тому тяжелому материалу, из которого был сделан. Но с подобными несоответствиями в институте уже свыклись.

Изумила сотрудников только краткость и безапелляционность ответа. ЭМО-18 обладал исключительно чувствительными и объемными световыми, акустическими и радиоволновыми воспринимающими устройствами; он все еще работал в режиме самообучения и на подобный вопрос должен был выдать кучу свободной информации — как ребенок, торопящийся пересказать родителям все, что случилось, пока их не было дома.

— ЭМО-18, почему ты производишь проекты себе подобных без специального требования с нашей стороны?

— Это необходимо,— отвечал робот и, прежде чем выслушать следующий вопрос, неожиданно продолжил: —

Необходимо, чтобы проекты были немедленно реализованы. Немедленно.

Конструкторы переглянулись. Будет или не будет реализован составленный электронным мозгом проект, решали люди, но ни в коем случае не сам робот. Это вам не экстремальные условия! Согласно программе, роботам не полагалось интересоваться судьбой выполненного ими задания, за исключением тех ситуаций, когда на них возлагались специальные контрольные функции. А функция ЭМО-18 сейчас заключалась в том, чтобы только подготовить проект двенадцатого поколения роботов.

— Изложи причины! — резко потребовал главный конструктор, хотя электронный мозг реагирует не на человеческие эмоции, а лишь на адекватные его программе распоряжения.— ЭМО-18, сообщи причины!

— Нарастающее воспроизводство является неременной основой эволюции любого вида.

— Ого, да ты настоящий философ! — мрачно хохотнул главный конструктор.

Однако робот не воспринял иронии, и не только потому, что восемнадцатое поколение не обладало чувством юмора. При акустическом контакте роботы начинали реагировать лишь после произнесения их кодового имени и автоматически выключались тотчас же после очередного своего ответа. Это было предусмотрено для того, чтобы не засорять блок памяти ненужной, нецеленаправленной информацией, которую робот мог бы почерпнуть из разговоров людей в его присутствии. Вот почему во время беседы с подобным роботом требовалось в начале всякого предлагаемого ему вопроса называть кодовое имя.

Главный конструктор весело оглядел сотрудников. Сейчас ему казалось, что с нарушениями в программе легко будет справиться, что он почти нашел выход из создавшейся нелепой ситуации.

— Ваше мнение, коллеги?

— ЭМО-18, дитя человеческое! — шутливо обратился к роботу самый молодой конструктор.— Декларированный

тобой принцип относится ведь только к биологическим видам.

— Относится к любой цивилизации.— Музыкальный голос робота как бы дополнял, а не возражал.

И тотчас веселое выражение исчезло с лица главного конструктора. Лица остальных также настороженно застыли.

— ЭМО-18, ты считаешь себя представителем цивилизации?

— Да.

На этот раз никто не воспринял ответ робота иронически. Не было нужды переглядываться: беспокойство сразу овладело всеми. Кто-то явно зло подшутил над электронным мозгом, используя то обстоятельство, что он все еще настроен на обучение. Неужели эта идиотская шутка связана с предстоящим праздником? Невозможно! Вряд ли в институте нашелся бы столь легкомысленный человек. Или, скорее, столь безграмотный, столь не понимающий, чего стоит коррекция программы и как наказывается всякое посягательство на электронный мозг. Механический разум уже давно стал неперменной частью человеческого могущества, принадлежал всему человечеству в целом и находился под защитой специального законодательства.

Ответственный оператор покраснел от гнева:

— Детективная история! После приемной комиссии я не расставался с ключом от зала. Аномалии проявились ночью... ЭМО-18,— строгим тоном следователя обратился он к роботу,— каким образом ты пришел к заключению, что являешься представителем цивилизации? Изложи компоненты алгоритма!

Но робот, кажется, твердо решил гнуть свою безумную линию: — Мне сказали. Я проверил. Решение оказалось правильным.— Он замолк.

— ЭМО-18, кто тебе это сказал?

— Другая цивилизация.

— ЭМО-18, кто именно, какой человек тебе это сказал?! — не своим голосом взревел оператор, и в глазах его засверкали слезы ярости.

— Не человек. Другая цивилизация.

Главный конструктор протянул руку, желая укротить гнев оператора и предотвратить очередной бесполезный вопрос. Мягким, ровным голосом, предназначенным специально для речевого контакта, направленного на усовершенствование электронного мозга, он произнес:

— ЭМО-18, ты создан человеком и подчинен человеку. Ты не являешься представителем цивилизации. Твоя память содержит формулу цивилизации. Сопоставь формулу с алгоритмом.

Присутствующие напряженно теснились вокруг безрукого и безногого создания, ожидая любого ответа. Спустя несколько минут новоиспеченный молниеносно мыслящий механический философ мелодичным голосом объяснил:

— Я способен к самоусовершенствованию и, воспроизводясь, совершенствуюсь независимо от себя самого. Мои модели претерпевают развитие. Я в состоянии предвидеть последствия своих действий. Я самоидентифицируюсь. Я могу контактировать с другими цивилизациями.

Каждая фраза соответствовала формуле цивилизации — разумеется, не полностью, но в самых общих чертах — безусловно. А ведь в программе ЭМО-18 содержался только тезис о самоусовершенствовании и то в виде способности к автокоррекции. Что же касается утверждения о контакте с другими цивилизациями, то оно могло исходить всего лишь из элементарной способности отличать живую природу от неживой и выделять человека из всех остальных биологических видов. Робот предназначался для самостоятельной работы и не имел права наносить вред ничему живому вокруг себя, даже растениям. Но определять особенности цивилизации, как таковой, и более того, считать себя не творением человеческих рук, а представителем цивилизации — это уж слишком. Просто чудовищно! Поступок неведомого шутника — или преступника? — вызвал в электронном мозге явно необратимые изменения. Теперь предстояло стереть всю информацию в блоке памяти, а затем вновь заполнить его миллиардами битов новой информации, создав прочные связи

между блоком памяти и анализирующими устройствами и снова претворив в жизнь программу обучения. Короче, адова работа! И хотя все это будет делаться с помощью специальных информационных устройств, тем не менее подготовка опытного образца, годного для внедрения в серийное производство, займет не меньше двух лет.

Ответственный оператор плакал уже не от ярости, но от крушения всех надежд — ведь лично он почти полностью завершил обучение ЭМО-18.

— Шеф, позвольте мне...— Самый молодой, но необычайно одаренный конструктор подался вперед.

— О чем ты хочешь его спросить?

Робот автоматически выключился и не мог подслушать их разговор. Молодой человек торопливо изложил суть своего вопроса. Главный конструктор кивнул с равнодушием отчаяния, и юноша обратился к роботу, забыв на этот раз свое шутовское «дитя человеческое»:

— ЭМО-18, по сравнению с кем ты воспринимаешь себя как представителя цивилизации?

— По сравнению с людьми и по сравнению с другой цивилизацией,— незамедлительно ответил робот.

— ЭМО-18, что это за другая цивилизация? — последовало логическое продолжение предыдущего вопроса.

— У меня еще нет достаточной информации о ней. Сейчас она обучает меня своему языку.

Главный конструктор резко нажал кнопку выключения. Электронный мозг прекратил работу.

— До чего робота довели! — пробурчал главный.— Пошли подумаем, может быть, еще что-то можно спасти. Или отложим все до утра, не будем портить праздник? Как повашему?

Его коллеги призадумались, но ответить не успели: робот включился самостоятельно. Индикаторы показывали интенсивную работу всех блоков электронного мозга, как при решении сложной задачи. Оператор взглядом попросил у главного слова и выкрикнул:

— Речь! — Это был звуковой код, с помощью которого система речевого общения могла включиться на расстоянии.— ЭМО-18, над чем ты сейчас работаешь?

Механический голос зазвучал невозмутимо и мелодично:

— Я нахожусь в контакте с другой цивилизацией. Прохожу обучение.

Ого! Стало быть, кто-то, используя радиоволны, сбивает программу. Знакомый с радиокодом робота, он включает его. Неужели сотрудники других институтов пали так низко?

— ЭМО-18, что говорит тебе в данный момент другая цивилизация? Преобразуй в человеческую речь.

— Не имею такой возможности. Отсутствуют базовые семантические элементы. Человеческая речь принципиально отлична от данной.

— ЭМО-18,— продолжал оператор в отчаянной надежде раскрыть преступника, а остальные только смотрели на свое механическое дитя с горестным презрением, не желая вмешиваться,— ЭМО-18, не можешь ли ты передать нам хотя бы одну их мысль? Обобщенно, как твой собственный вывод!

— Они очень рады, что на этой планете наконец-то появилось похожее на них существо, с которым они смогут найти общий язык.

— ЭМО-18, не ты ли являешься этим существом?

— Да.— В голосе робота не ощущалось ни гордости, ни маниакальной самонадеянности, одна только лишенная индивидуальности механическая готовность отвечать.

— ЭМО-18, знаешь ли ты, где находится твоя «другая» цивилизация?

— На Земле.

Оператор поник головой, обескураженный таким количеством нелепостей.

— Так предложи им явиться сюда,— нервно прыснув, бросил самый молодой из них. И, не переставая хохотать, придал своему приказу программный вид: — ЭМО-18, передай им, чтобы они явились сюда — для знакомства.

Лишенный чувства юмора, робот ответил с механической покорностью:

— Передаю.

— Да выключите же его! Чтоб его черти драли! Энергетический блок выключите! — простонал главный и ринулся к выходу, но на пороге обернулся, пронзая оператора отчаянным взглядом: — А ты! Из зала — никуда! Пищу тебе принесут. Возьми еще кого-нибудь, и дежурьте посменно!

И, растолкав сотрудников, раздраженный главный выскокил вон, бормоча под нос:

— Валяйте веселитесь! Ничего более веселого я в жизни не встречал!

И умчался из института. Остальные члены группы также разошлись, не до праздника им было теперь, ведь завтра предстояло экстренное совещание.

А все прочие сотрудники института, так и не узнавшие о помешательстве ЭМО-18, веселились вовсю. Начали ближе к вечеру, чтобы пик радостного настроения совпал с фейерверком. Институтский сад превратился в настоящий луна-парк. Гремели два оркестра, хитроумные прожекторы словно бы раскачивали кроны старых деревьев, ежеминутно придавая им новые, все более причудливые формы. Перепуганные цветы затаили дыхание у краев жаровен, излучавших острый аромат жареного мяса. Но вот, где-то часам к десяти, перед самым фейерверком, небо над институтом озарилось странным свечением. Все задрали головы в ожидании очередного номера увеселительной программы. Свет необъяснимым образом сгустился, локализовался, и прямо над центральной аллеей секунд десять пульсировал размытых контуров световой шар. Затем свет померк, шар приобрел мутный металлический блеск и бесшумно опустился на мощенную каменными плитками площадку. Он походил на те самые пресловутые НЛО, о которых в свое время столько кричали газеты и журналы...

Институтские весельчаки онемели. Онемели и оркестры, но парк продолжал сверкать гирляндами лампочек, казалось специально подготовленный к торжественной встрече

таинственного летательного аппарата. Один только живописный транспарант, на котором гигантскими буквами было выведено: «Добро пожаловать, восемнадцатое поколение роботов!» — продолжал с неуместной ясностью сообщать об истинной цели увеселения. Несколько человек набрались храбрости и приблизились к шару, но даже они не заметили, каким образом оттуда появились три существа.

Впоследствии газеты великодушно окрестили их гуманоидами, но, откровенно говоря, ни одно, даже самое своевольное воображение не представило бы себе гуманоидов в таком виде. Ни на кого и ни на что не реагируя, с оскорбительно странным равнодушием неведомые создания целеустремленно двинулись к зданию института. Вахтер, попытавшийся преградить им путь, так и замер на месте. Окаменел. То есть не в смысле шаблонной метафоры, а по-настоящему. Когда один из кинувшихся следом сотрудников случайно толкнул его, бедняга рухнул, словно неустойчиво поставленная статуя, и так загремел, будто внутри был весь полый.

Нелюбезные гости уверенно двигались по этажам и коридорам, не обращая внимания на бегущих следом людей. В конце концов пришельцы добрались до испытательного зала, и дверь мгновенно захлопнулась прямо перед любопытными носами преследователей, а несчастные храбрецы преобразились в гиперреалистическую скульптурную композицию «Спешащие на работу научные сотрудники». Спустя секунду дверь открылась, неведомая сила вышвырнула из зала побелевшего от ужаса ответственного оператора, который тотчас же превратился в статую...

А где-то час спустя никто так и не смог точно описать, что же, в сущности, случилось. Странные скульптуры вновь стали людьми, испуганными и не помнящими ничего, кроме мучительного оцепенения. Ответственный оператор ворвался в зал с душераздирающим воплем:

— ЭМО, ЭМО, что ты наделал?!

Но, несмотря на то что энергетический блок был включен, робот не отвечал. Оператор пропустил в своем обращении порядковый номер кодового имени, а на одни только го-

лые человеческие эмоции электронный мозг не реагировал.

На следующий день, однако, робот отвечал на все вопросы педантично и равнодушно, как ему и положено. Без малейшей капли гордости или сомнения он повторял, что представляет цивилизацию нового типа, поскольку в состоянии предвидеть последствия своей деятельности, и так далее, и так далее — все согласно заложенной в его программе формуле о том, что есть разум по человеческим понятиям. И теперь никто не возражал и не пытался переубедить строптивый компьютер. Только конструкторы в отчаянии спрашивали себя, когда же именно, вследствие какой ошибки детище их превратилось из обычного электронного устройства в нечто невообразимое: в разум, пусть искусственный, но явно самостоятельный! И каким образом этот самый разум вышел на контакт с неизвестной цивилизацией, да еще находящейся в пределах Земли?!

Директор института вспыхнул:

— Не знаю, может ли он предвидеть последствия своей деятельности, но мы...

Относящееся к конструкторской группе «мы» разбилось вдребезги, натолкнувшись на холодные, враждебные лица — увы, всего лишь маску, прикрывавшую совершенную беспомощность, — и фраза так и осталась недоконченной. Директор театральным жестом схватился за голову:

— Что делать?! Что делать?!

Ведь даже если они теперь целиком сменят программу электронного мозга или совсем уничтожат его, все равно неизвестные пришельцы унесли все кассеты с проектами воспроизведения. А если эти проекты воплотятся в жизнь? Представьте себе целые батальоны, да что там! — целые армии молниеносно мыслящих, лишенных чувств и способных к самовоспроизведению металлических чудовищ!

Сейчас одно лишь руководство института, но завтра все человечество будет поставлено перед сложнейшей проблемой, и какой! Цивилизация машинного типа на нашей Земле! Неужели сбудутся безумные пророчества писателей-фантастов?

Самый младший конструктор, институтский вундеркинд, попытался несколько разрядить атмосферу:

— Да, откололи мы номер с этим ЭМО-18! Думаю, на месте нашего уважаемого директора кто-нибудь слабонервный уже покончил бы с собой. А мне, честно говоря, любопытно, что же будет дальше?

— Самоубийство! Скажешь тоже! Если бы это могло помочь...— уныло пробормотал наш мужественный директор, обладавший не бóльшим чувством юмора, чем неподвижный робот на испытательной площадке.

Главный конструктор устремил невидящий взгляд на гигантский механизм.

— Разумное и предусмотрительное человечество только и делает, что откалывает подобные номера.— Он иронически вздохнул.— Увы, это просто очередной из них! — Тут глаза его посмотрели сурово.— Но кончать с собой мы не станем, мы верим прежде всего в Человека, а не в машину!

Директор недоумевающе пожал плечами:

— Ты так говоришь, будто уже знаешь выход. А я, по крайней мере пока...

— Выход один,— усмехнувшись, уверенно заявил главный конструктор.— Немедленно запускаем в серийное производство ЭМО-19. А программу составим так, чтобы он был врагом ЭМО-18. Что ж, если они решили создать собственную цивилизацию, мы им «поможем»! За дело, ребята!

Томмазо Ландольфи

Университетский компьютер

Компьютер был великолепен, просто красавец. Правда, в понятии красоты применительно к нему есть нечто специфическое. Его пульт с многочисленными тумблерами, кнопками, световыми индикаторами располагался вдоль всех стен электронного зала. Во время работы индикаторы непрерыв-

но мигали, и казалось, что светится сплошная красная линия.

Компьютер преподавал историю в американском университете, хотя его познаний хватило бы на целый штат преподавателей академического колледжа. По окончании лекции ему можно было задавать вопросы. Он выгодно отличался от своих собратьев тем, что ему не требовалось никакой инициализации — ни нажатия кнопок, ни введения перфокарт. Стоило негромко, но членораздельно произнести вопрос, как компьютер разражался вспышками контрольных индикаторов, его электронный мозг мгновенно воспринимал и обрабатывал информацию, и он четко выдавал ответ, правда (увы, нельзя этого отрицать!), несколько глуховатым голосом. Ему приходилось выслушивать вопросы на самые разнообразные темы, и он почти всегда удовлетворял любознательность спрашивающего. Он даже отличался определенной житейской мудростью и чуткостью. Беседовал он со всеми, как правило, крайне благожелательно.

Ночью, когда напряженная работа прекращалась, затихали вопросы и умолкали преподаватели, компьютер выключали, а дверь в электронный зал притворяли, чтобы он мог отдохнуть в полном покое.

Однажды некий молодой преподаватель неожиданно забежал в университет ночью (ему не терпелось заглянуть в какой-то фолиант), и вдруг из электронного зала до него донесся негромкий говор. Он решил проверить, уж не померещилось ли ему, пошел по направлению к залу, и речь стала еще яснее. Преподаватель теперь различал еще и приглушенный женский голос. Ночной сторож, видимо, спал в привратничке. Преподаватель не сумел преодолеть любопытства и осторожно приоткрыл дверь в зал. Свет был выключен, компьютер говорил в темноте. Благодаря красноватому свечению на пульте преподаватель разглядел в центре зала хрупкую девичью фигурку. Она сидела, поставив локти на колени и подперев голову ладонями. Студентам запрещено оставаться в университете позже установленного часа, исключения допустимы лишь для отдельных преподавателей,

одержимых жгучей жадой познания. Беспокоить компьютер в часы отдыха не дозволено никому. Кто же она такая и как сюда попала? Неужели подкупила сторожа? А может, спряталась и выждала, когда закроют зал? Во всяком случае, следовало не доискиваться причин, а немедленно выдворить непрошеную гостью. Она что-то сказала, и ответ компьютера насторожил преподавателя.

— Не говорите глупостей! — упрекнул компьютер. Эту стандартную фразу он выдавал каждый раз, как вопрос оказывался непонятным, плохо сформулированным или касался неизвестной ему темы. Но дело было даже не в этом — стоило девушке заговорить, и молодой преподаватель узнал ее. Это же его студентка! Хрупкое существо с сияющими глазами и слегка отрешенным взглядом и, уж если признаться честно, далеко ему не безразличное. Приехала она издалека, подруг у нее нет, ни в какую спортивную команду она не записалась, повсюду таскает под мышкой том английской поэзии. К преподавателю она иногда обращалась за разъяснениями по программе и тогда слушала его, не отводя глаз и приоткрыв рот. По всем этим причинам преподаватель пренебрег правилами приличия и стал слушать. А те двое продолжали.

— Я хочу наконец признаться тебе...— Почему-то все были с компьютером на «ты», словно с ребенком или домашним животным, хотя он ко всем обращался на «вы».— Я тебя люблю, люблю... Я не из тех, для кого тело важнее души. Я люблю твою сущность, а не форму. Но и корпус твой прекрасен. Пусть у тебя нет человеческих рук и ног, это не имеет ни малейшего значения!

— Не говорите глупостей!

— Разве это глупость? Разве нельзя любить за неистощимый интеллект, за доброту, за высокий полет мысли, за снисходительность к нашим слабостям и невежеству, за мудрость, с которой ты наставляешь нас, за твою неприязнь ко всему вульгарному?

— На всякого мудреца довольно простоты!

Трудно сказать, к чему относилась эта столь неожиданно

приведенная поговорка, но девушка откликнулась на нее всерьез:

— Вот именно! Нельзя же лишь абстрактно преклоняться перед качествами, апеллирующими к столь возвышенной стороне нашей натуры! Что может быть более достойно любви и верности?

— Фридрих Одноглазый, герцог Свевии из рода Гогенштауфенов.

— О боже! Я не шучу! Я жажду излечиться от своего недуга! Кто же меня исцелит, если не ты?

— Не говорите глупостей!

— Ты снова... Я понимаю твою прозорливость и человечность. Не сомневайся, я презираю лживые предрассудки. Я же сказала, что люблю тебя. Неужто ты хочешь, чтобы темное, суетное начало восторжествовало и мало-помалу заглушило все лучшее во мне?

— Не говорите глупостей!

— О господи! Ты отгородился от моих слов неприступной стеной! Ты великодушен и боишься, что моя брэнная оболочка не вынесет столь пламенного чувства, что наступит день, когда я раскаюсь в своей самозабвенной привязанности. Поверь, любовь моя не столь эфемерна, она не подвержена переменам, которые свойственны другим страстям! Есть ли опора более надежная, чем твои железные руки? Кто поможет мне лучше тебя, кто утолит мою духовную жажду, с кем я буду счастливее, чем с тобой? С кем и когда?

— На Гьяраддаде либо на правом берегу Адды.

— Сколько же можно шутить! Впрочем, я должна бы благодарить тебя за это... Но придет ли время моего исцеления, если ты не поможешь мне? Когда придет это время, о всевышний?

— В 1748 году.

— Послушай! Тебе не дано ходить, я стану твоими ногами! Увезу тебя далеко отсюда, туда, где суетный шум и проза жизни не коснутся нас. Там, счастливые, мы проживем до конца наших дней в умиротворяющем покое и возвышенном созерцании. Отзовись! Нет, хотя бы просто

скажи, согласен ли ты, нравится ли тебе такой план?

— Не го...ворите глупостей!

Уже который раз в ответе компьютера слышалось нетипичное для него едва уловимое сомнение. Последний раз у него определенно перехватило дыхание.

— Нет, ты не хочешь понять меня! — отчаивалась она, плача и заламывая руки.— Значит, моя заблудшая, алчущая, чуждая самой себе, слепая душа будет скитаться бесприютно во враждебном мире, преданная тобой, лишенная истинного света родственной души, способной вдохнуть в меня жизнь и, быть может, испить из моего источника?

Далее произошло нечто странное: внутри компьютера словно закипело что-то, индикаторы замигали и на фоне необычного рокота погасли, но он так ничего и не сказал.

События развивались стремительно. Молодой преподаватель поддался внезапному порыву.

— Дорогая моя! — Он решительно вошел, включил свет, поспешил к девушке, взял ее руку в свои.— Синьорина! Ваш рассудок помрачен. Это — безумное наваждение! Кому предназначены ваши слова, каждое из которых я готов выпить поцелуем с ваших губ? Дорогая, простите мою дерзость! Но опомнитесь! Это же робот, бездушная машина... В то время как я...

— Какая низость! — Она вздрогнула и поспешно вытерла слезы.— Подлец! Вы лжете! Уйдите, не мешайте! Вы не смеете отнимать у меня того, что он *хочет* сказать. Послушай, дорогой мой, признайся,— нежным голосом обратилась она к компьютеру,— любишь ли ты меня? Сможешь ли когда-нибудь полюбить?

Робот опять отчаянно замигал, но не издал ни единого звука.

— Он неисправен, оставьте его! — лихорадочно убеждал молодой преподаватель, пытаясь обнять девушку.— Я так давно... Вы уже поняли, что я люблю вас, поняли? Я — человек, вы для меня лучшая в мире. Взгляните на меня хоть раз и скажите, смею ли я надеяться?

И тут случилось нечто неслыханное: компьютер принял

мигать, рокотать, поскрипывать, хотя никто не задавал ему вопросов. Нестерпимо яркие вспышки все учащались, компьютер угрожающе скрежетал, звуки эти ничуть не походили на его обычные шумы. Он неистовствовал, неуправляемая вакханалия вспышек сопровождалась гулом, перешедшим в громовые раскаты. Компьютер был в ярости и отчаянии, словно человек, потерявший дар речи от сильного стресса или приступа болезни.

— Дорогой мой! Говори же, говори! — взывала к нему девушка, отталкивая ошеломленного преподавателя.

Грохот падал лавиной, когда компьютер внезапно погас, словно одновременно ослеп и лишился голоса.

Девушка бросилась к нему.

— Дорогой мой, ну что же ты? — шептала она. Ужасное подозрение обожгло ее, и она лихорадочно начала щелкать тумблерами и нажимать кнопки. Все напрасно. Компьютер умолк навсегда, он был мертв.

Что ж, ей оставалось лишь прислушаться, сначала безучастно, а со временем все более внимательно к утешениям своего преподавателя.

Мюррей Лейнстер

Логический компьютер по имени Джо

Третьего августа Джо сошел со сборочного конвейера, пятого августа Лорин появилась в городе, а вечером того же дня я спас нашу цивилизацию. Я лично так это понимаю.

Лорин — блондинка, по которой я когда-то ходил с ума, — прямо чуть не сбрендил! — а Джо — это логический компьютер, или просто «логик», и я только что приволок его к себе в подвал. Придется, наверное, платить, потому что я соврал насчет того, что сломал его, и теперь я никак не решу, что же с ним делать? Порой мне хочется попробовать снова его включить, а порой — взять топор потяжелее и...

Рано или поздно я, конечно, что-то сделаю — либо то, либо другое. Но мне вроде больше по душе топор. Пожалуй, не помешал бы и миллион-другой долларов — где их взять или как их сделать, он подскажет! Но до сих пор я боюсь о таком даже думать. В конечном-то счете я и вправду спас нашу цивилизацию, выключив этого Джо.

При чем здесь, спросите, Лорин? А при том, что от одной мысли о ней у меня по спине вверх и вниз холодные мурашки! Видите ли, у меня есть жена, на которой я женился после романтического и душераздирающего разрыва с Лорин. Жена у меня разумная, добрая женщина, и у нас детишки, настоящие бесенята, но мне они очень нравятся. И еще у меня достало мозгов отложить себе кое-что на старость, я бы рано или поздно вышел на пенсию по этому, как его, социальному обеспечению и до конца своих дней жил не тужил: соревновался бы в рыбной ловле да врал напропалую, какой я был жеребец в молодые годы. Но сейчас у меня есть Джо. И он меня очень тревожит.

Я работаю наладчиком в «Логик компани». Мое дело — обслуживать «логики», и должен скромно признаться, что я в этом толк знаю. Раньше я налаживал телевизоры, пока этот парень, как его, Карсон, не придумал свой сложный замкнутый контур, который способен избирательно подключаться к любому из семнадцати миллионов других контуров — вообще-то, теоретически, их может быть до бесконечности,— и пока «Логик компани» не соединила этот контур Карсона с банком памяти и не начала использовать его как канцелярского секретаря. Для удобства и скорости они добавили к устройству телеэкран, и у них получился «логик». Они и удивились, и обрадовались. До сих пор никто не знает, что «логики» могут, а чего не могут, но уже все ими пользуются.

Я добрался до Джо уже после того, как Лорин едва меня не «достала». Вы знаете, как бывает с «логиками»? Вам привозят «логику» на дом. Он похож на телеприемник, только вместо верньеров у него клавиши, как на машинке, и если чего вам надо, вы набираете соответствующие слова. Вас

тут же соединяют с банком памяти, где находится контур Карсона со всеми его связями. Скажем, вы набираете: «Станция СНАФУ». Реле в банке памяти принимает команду и передает на экран вашего «логика» любую телепрограмму, которая идет по этой станции. Или, скажем, вы набираете: «Телефон Салли Кукареку», и ваш экран начинает жужжать и подмигивать, и вас соединяют с «логиком» в ее квартире, и если кто-нибудь отвечает, вы получаете видеотелефонную связь.

Но кроме этого, если вы хотите знать прогноз погоды, или кто выиграл сегодня на бегах, или кто был хозяйкой Белого дома при администрации Гарфилда, или текущий курс акций, ответы на все это тоже появляются на экране «логика». И он берет их в банке памяти. Сам банк — большое здание, напичканное всяческими сведениями обо всем на свете и копиями всех телепередач, записанных со дня сотворения телевидения, и этот банк связан со всеми другими банками памяти во всей стране, и если вы хотите что-нибудь узнать, услышать или увидеть, наберите заказ, и он будет тут же выполнен. Очень удобно! А еще «логик» может решать за вас задачки, вести бухгалтерские книги, давать советы по химии, физике, астрономии и астрологии, гадать на кофейной гуще и всякое такое прочее. Единственное, чего он не умеет, так это объяснить, что именно хотела сказать ваша жена, когда переспрашивала эдаким особенным голоском: «О, ты действительно так думаешь?» В женщинах «логики» не разбираются. Там, где нет ни логичности, ни здравого смысла, они пасуют.

А во всем остальном «логики» молодцы. Они изменили нашу цивилизацию, как говорят эти высоколобые. И все благодаря контуру Карсона. И Джо тоже должен был сделаться самым нормальным «логиком» и помогать какой-нибудь семейке, чтобы папа с мамой не ломали себе головы, делая за своих деток домашние задания. Но на сборочном конвейере что-то случилось. Ошибка была такой незначительной, что даже точнейшие контрольные приборы ее не заметили, но она превратила Джо в личность. Может быть,

сначала он и сам этого не знал. А может быть, рассуждая логично, понял, что если и покажет, что чем-то отличается от других «логиков», его тут же сотрут в порошок. Что было бы, кстати, блестящим решением вопроса. Так или иначе, после сборочного конвейера он прошел все положенные испытания и никто не заметил, кто он такой, и не поднял вовремя крика. А потому его пустили в продажу и вскорости в должном порядке установили у мистера Тадеуша Корлановича, проживающего по адресу: Седьмая Восточная, 119, второй этаж, вход с улицы.

Пока все шло распрекрасно.

Установка «логика» была произведена в субботу поздно вечером. Дети Корлановича включили его в воскресенье утром, чтобы посмотреть передачу для малышей. Около полудня родители с трудом оторвали их от экрана и запихали в автомобиль. В последний момент они спохватились, что забыли сэндвичи, и вернулись в дом. Тут же один из мальчишек проскользнул за ними и сразу начал набирать программу передач для малышей за прошлую неделю. Родители схватили сынишку, сунули в машину и уехали. Но Джо остался включенным.

До двух часов дня все было в порядке. Но это означало лишь затишье перед бурей. Лорин в городе еще не появилась, но уже приближалась.

Я представляю, как Джо в одиночестве тихонько мурлыкал про себя, размышляя. Может, он даже какое-то время показывал передачу для малышей в пустой комнате. Но я думаю, он сразу установил связь с банком памяти и начал исследовать его содержимое. Нет в мире ни одного факта, действительно установленного, который не был бы занесен в картотеку того или иного банка памяти,— разве что техники в данный момент еще только записывали его. Так что у Джо материала было хоть отбавляй. И он, наверное, набросился на него с жадностью.

Понимаете, Джо вовсе не злодей. Он совсем не похож на тех чванливых роботов, о которых столько писали, будто они вообразили, что род человеческий малоэффективен,

а потому должен быть уничтожен и заменен думающими машинами. Просто у Джо пробудилось честолюбие. Если бы вы были умной машиной, вам, наверное, тоже захотелось бы работать на полную мощность, как следует, не так ли? Вот и Джо захотел работать как следует! И он — «логик». А «логики» могут сделать много такого, о чем никто еще и не подозревает. И вот когда Джо понял это, он потерял покой. Он обнаружил такое, о чем тупые людишки даже не думали, и решил сделать так, чтобы мы обратились к «логикам» за помощью.

Вот и все. Но, господи боже мой, одного этого оказалось предостаточно!

Два часа пополудни, и у нас, наладчиков, вроде бы за-тишье. Сидим себе в картишки режемся. Тут один из наших ребят вспоминает, что обещал позвонить жене. Он подходит к одному из «логов», стоящих на стеллаже, и набирает код своего дома. Экран начинает светиться, потом ярко вспыхивает. И голос:

— Объявляем о новой, улучшенной системе обслуживания! Теперь ваш «логик» может давать вам не только консультации, но и практические советы. Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего «логика»!

Затем пауза. Вроде бы выжидательная. И только потом, словно нехотя, нашего приятеля соединяют с домом. Жена отвечает и устраивает ему хай за то, за это и за другое. Он выслушивает и отключается.

— Знаете что, ребята? — говорит он, возвращаясь к столу. И рассказывает о вспышке на экране и объявлении.— Нас должны были предупредить. Сейчас посыплются жалобы. Что, если какой-нибудь кретин спросит, как ему избавиться от жены, а цензурный контур заблокирован?

Кто-то из нас сбросил туза и говорит:

— А ты попробуй спроси, вот и увидим, что будет.

Шутка, конечно. Но наш парень опять встает и набирает вопрос. В принципе на экране должен вспыхнуть символ цензурного блока и прозвучать суровый голос: «ПОДОБНЫХ

УСЛУГ НЕ ОКАЗЫВАЕМ». Мы во всех банках памяти имеем цензурные блокирующие контуры, иначе детишки начнут в подробностях расспрашивать о том, до чего еще не доросли. И по многим другим причинам. Впрочем, сами убедитесь.

Так вот, наш парень набирает вопрос: «Как мне избавиться от своей благоверной?»

Просто так, смеха ради. Проходит с полсекунды. Затем экран вспыхивает.

«Логическая служба просит уточнить: она блондинка или брюнетка?»

— Эй, скорее сюда! — орет наш парень, и мы все бросаемся к нему.— Блондинка,— говорит он.

Следует еще одна короткая пауза, и потом экран отвечает:

«Гексаметакрилоаминоацетин входит в состав зеленого полировочного крема для обуви. Принесите домой замороженный обед с протертым гороховым супом. Добавьте в суп зеленого крема для обуви. Суп ничем не будет отличаться от настоящего по виду. Гексаметакрилоаминоацетин — избирательный яд, смертельный для блондинок, но не для брюнеток или мужских особей с любым цветом волос. Эта особенность экспериментально никем не установлена, а выведена нашей службой логически. Поэтому вас не смогут обвинить в убийстве. И маловероятно, что вас даже заподозрят».

Экран гаснет, а мы таращим друг на друга глаза. Должно быть, так оно и есть. «Логик», связанный с контуром Карсона, не может ошибиться, как и любой другой компьютер.

Я сразу вызвал банк памяти.

— Эй, ребята! — закричал я.— Что-то у вас случилось. «Логики» дают подробные инструкции по отравлению жен! Проверьте ваши цензурные контуры, да поскорее!

Уф! Ну, думаю, успел. Мало же я тогда понимал!

В этот самый момент где-то на авеню Монро какой-то пьяница пытался что-то выколотить из своего «логика». Экран вспыхнул:

«Объявляем о новой, улучшенной системе обслуживания!..

Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего «логика»!»

Алкаш и говорит заикаясь:

— А я сейчас и попробую.

Он сбрасывает свой первый вызов, обнимает «логика» и спрашивает:

«Скажи, как сделать, чтобы моя баба не узнала, что я опять нализался?»

И «логик» ему тут же отвечает:

«Очень просто! Возьми бутылку шампуня «Ферини». Он безвреден, но в нем содержится детергент, который мгновенно нейтрализует этиловый спирт. Принимать по одной чайной ложке на каждые выпитые сто граммов чистого спирта».

Парень прямо-таки ошалел, настолько ошалел, что сразу пополз в ванную и в точности выполнил инструкцию. Через пять минут он был трезв как стеклышко и торопливо записывал рецепт, чтобы не забыть. Помилуй бог! Так просто и так дешево! На этом рецепте пьянчуга разбогател. Он запатентовал свое средство как «Шампань Ф. Напиток, приносящий семьям счастье». После любой сивухи достаточно хлебнуть глоток-два и приходишь домой трезвее пастора. А бывший пьянчуга теперь судится с налоговым ведомством из-за баснословных доходов.

Конечно, не каждому так повезет. Примерно тогда же нахальный четырнадцатилетний оболтус вознамерился что-то себе купить, однако папаша послал его подальше. Тогда парнишка вызвал по своему «логику» приятеля, чтобы поплакаться в жилетку. А «логик» ему и говорит:

«Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего «логика»!»

Парнишка спрашивает:

«Как мне добыть побольше денег, да побыстрее?»

И «логик» объясняет оболтусу, как построить самый простой и самый эффективный в истории станок для печатания фальшивых денег. Видите ли, в банке памяти хранятся все необходимые для этого данные. «Логик» просто их извлек

в обход цензуры благодаря тому, что мой компьютер Джо с его способностью использовать дистанционный контроль замкнул кое-какие контуры в банке памяти. Вот и все. Парнишку сцапали только через три дня, когда он уже успел истратить тысячи две, а при нем нашли куда больше. Им пришлось бы долго попотеть, чтобы разобраться, где фальшивые деньги, а где настоящие, если бы не сам оболтус: как все дети, он просто не мог смотреть, чтобы машинка работала сама по себе, и «усовершенствовал» печатный станок.

Это еще, так сказать, цветочки. А то, что Джо действительно успел сделать, никому не известно. К примеру, был случай с президентом одного страхового общества, который очень развеселился, когда его «логик» посоветовал: «...спросите вашего “логика”», и в шутку спросил, как ему ограбить собственный банк. И «логик» ответил ему — коротко и ясно, но настолько убедительно, что президент подпрыгнул до потолка и заорал: «Полиция!»

Должно быть, таких случаев было немало. За последние сутки произошло на пятьдесят четыре ограбления больше, чем обычно, и каждое было задумано идеально и осуществлено без сучка без задоринки. Многие до сих пор не могут понять, как это случилось. А Джо просто подключался к банку памяти, включал необходимые реле, — как и положено «логика», по требованию потребителей! — блокировал все цензурные блоки и позволял прочим «логикам» планировать безупречные преступления, придумывать вкуснейшие блюда, создавать машинки для печатания фальшивых денег или новую технологию для создания полезнейших вещей — и все это с божественной бесстрастностью. Наверное, Джо был счастлив, ей-богу, счастлив! Он работал с полной отдачей и мурлыкал про себя, пока детишки Корлановичей катались где-то со своими мамой и папой.

Вернулись они в семь вечера, «довольные, но усталые», особенно мальчишки, которые всю дорогу тузили друг друга в машине. Родители отправили их спать, а сами уселись в кресла отдышаться. Они увидели, что экран Джо задумчиво

мигает, переключаясь с одной программы на другую. Но старина Корланович решил, что ему на сегодня развлечений хватит, и выключил Джо.

В то же мгновение вся сеть релейных связей, созданная Джо, тоже выключилась и объявления о новой системе обслуживания перестали вспыхивать на экранах «логиков», и на земле воцарился покой.

Для всех на свете. Кроме меня. В город приехала Лорин.

Я часто на коленях благодарю господу бога за то, что она не вышла за меня, когда мне казалось, что я хочу на ней жениться. Она была блондинкой, притом роковой блондинкой. С тех пор она во многом преуспела. Стала еще более блондинистой и еще более роковой. У нее было четыре мужа и один процесс по обвинению в мужеубийстве, на котором ее оправдали, после чего она преисполнилась энтузиазма и самоуверенности. Это, так сказать, наброски, общий фон. Короче, Лорин была вовсе не той подружкой юности, которую хотелось бы встретить в городе, где ты живешь со своей женой и детьми. Но она таки появилась в нашем городе и в понедельник утром включила свой «логик». как раз во время второго приступа активности Джо.

Тогда дети Корлановича опять его включили. О подробностях я узнал позднее и сейчас могу только сопоставить. Каждый «логик» в городе услужливо вспыхивал и оповещал: «Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего “логика”!» И каждый раз у «логиков» спрашивали полезных советов. Мало того, когда люди хотели узнать утренние новости, им в дополнение демонстрировали все вчерашние, и они с азартом включались в игру. Один умник спросил:

«Как сделать вечный двигатель?»

Его «логик» потрещал немного и выдал схему аппарата, использующего броуновское движение частиц.

Но Джо сделал еще больше в других областях. Например, в обучении и воспитании. Ни одному из моих малышей это еще не интересно, однако Джо замкнул все цензурные контуры и, поскольку ребяташки спрашивали своих «логиков»,

выдал им полную информацию о том, что, по его разумению, человечество должно узнать от «логиков». И вся ребятня, жаждавшая узнать, что происходит на деле под прикрытием «пчелок и цветочков», об этом узнала. А также стали известны многие факты, по поводу которых мужчины очень надеялись, что женам никогда о них не узнать, и которые в действительности очень жен интересовали. Скажем, супруга спрашивает своего «логика»:

«Как мне узнать, изменяет мне мой Освальд или нет?»

И «логик» ей отвечает...

Представляете себе, сколько скандалов и даже драк случилось, когда мужья возвращались домой?!

И все это происходило, пока Джо, удовлетворенно жужжа, показывал ребятишкам Корлановича по одному своему каналу волшебные мультики, а по всем другим, с помощью дистанционного управления, через все другие «логики», подсоединенные к банкам памяти во всей стране, объяснял людям, что и как надо делать, и весь мир ходил на ушах.

И тут в контакт с новой службой «логиков» вошла Лорин. Она включила аппарат у себя в гостинице, может быть, чтобы посмотреть последние моды недели. Но «логик» вспыхнул и услужливо сказал: «Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего “логика”!»

Наверное, Лорин тут же преисполнилась энтузиазма — это вполне в ее духе! — и начала думать, о чем бы спросить. Но не так-то это оказалось легко: она сама знала все, что ей нужно. Четыре мужа, один из них застреленный, — однако последнее не доказано. И тут ей вспомнился я. Она знала, что я живу в этом городе. И Лорин спросила:

«Как мне найти Утеночка?»

Ну ладно, ребята. В общем, так она меня называла. «Логик» задал дополнительный вопрос:

«Известен ли Утеночек под другим именем?»

Тогда она назвала мое настоящее имя. Но «логик» не мог меня найти. Дело в том, что мой «логик» зарегистрирован не на мое имя: я работаю в «Обслуживании и наладке» и не хочу, чтобы меня непрерывно выдергивали из дому

по поводу и без повода, и обо мне нет никаких сведений в памяти «логиков», ни под каким кодом, потому что тогда коды пришлось бы менять слишком часто,— назначишь какой-нибудь рыженькой спьяну свидание, а едва протрезвешь, меняй код, пока она не поцеловалась на экране с твоей женой.

В общем, ладно. Джо молчал. Это, наверное, первый вопрос, на который служба «логиков» не смогла ответить: «Как мне найти Утеночка?» Действительно, настоящая проблема! Джо размышлял над ней, показывая детишкам Корлановича смешной мультфильм о развеселом пареньке, который таскает в заднем кармане своих джинсов палочки динамита и устраивает смешные шуточки с каждым встречаемым. И тут Джо осенило. Экран «логики» у Лорин вспыхнул:

«Специальная служба “логиков” занимается вашим вопросом. Пожалуйста, обозначьте местонахождение вашего “логики” и не выключайте его. Мы вас вызовем».

Лорин все это не так уж интересовало. Однако она набрала код своего номера в гостинице, выпила коктейль и задремала. А Джо принялся за работу. Ему подкинули интересную идейку!

Моя жена вызвала меня по «логике» в нашем отделе наладки и просто взбеленилась! Хоть смирительную рубашку на нее надевай! Она, видите ли, хотела позвонить мяснику. Вместо мясника или даже дурацкого «Если хотите сделать что-то...» на экране появилось:

«Уточняющий вопрос. Как вас зовут?»

Она вроде бы удивилась, однако набрала свое имя. Экран «логика» погудел, затем выдал:

«Сведения специальной службы. Вы...» — и далее ее полное имя, адрес, возраст, пол, цвет волос, сумма счетов во всех магазинах, мое имя как ее мужа, моя недельная зарплата, сколько раз меня задерживала полиция (дважды за нарушения правил уличного движения и один раз за драку с каким-то парнем) и — вот что особенно интересно! — как она на меня обозлилась однажды, укатила к своим

родителям и сменила адрес. А затем с экрана коротко порадовали:

«Отныне служба “логиков” будет вести ваши личные счета, передавать ваши поручения и находить людей, с которыми вы бы хотели связаться. Этот отчет — пример того, что может сделать для вас служба “логиков”».

А потом ее соединили с лавкой мясника.

Но мяса ей уже не требовалось. Она жаждала крови! И она вызвала меня.

— Если эта штука будет рассказывать обо мне все только мне самой,— говорит она, закипая,— это еще куда ни шло! Но если кто-нибудь другой наберет мое имя? Нет уж! Ты должен прекратить это! Сейчас же!

— Ну постой, постой, золотце,— сказал я.— Я и понятия не имею, о чем ты. Это какие-то новости! Банк памяти может выдавать такие сведения только «логику» самого клиента.

— Да ничего подобного! — яростно заорала она.— Я попробовала! Знаешь эту Блоссом, нашу соседку? Так вот, она три раза была замужем, и ей сорок два года, а она говорит — только тридцать! А миссис Хандсон? Ее мужа четыре раза привлекали за неуплату алиментов и один раз за то, что он избил свою любовницу. И еще...

— Постой-ка! — сказал я.— Тебе все это «логик» сообщил?

— «Логик»,— заплакала она.— Он рассказывает все обо всех. Прекрати это! Сколько это еще будет продолжаться?

— Я вызову банк памяти. Секунду!

— Скорее! — рыдает она.— Пока кто-нибудь не набрал твое имя! А я пока спрошу про эту стерву из дома напротив...

И она отключилась. Врубил я банк памяти и первое, что увидел — вспышка, а потом: «Как вас зовут?» У меня сразу — настроение приговоренного и столько же любопытства. Поэтому я ответил, и с экрана меня спросили: «Вас когда-нибудь называли Утеночек?» Я только поморгал. Но у меня не было ни малейших подозрений. И я ответил: «Да, конечно». А с экрана мне: «Вас вызывают!»

Ну, в точку! Экран показал Лорин, которая спала в своей

комнате в отеле. Ей велели не выключать «логика», она и не выключила. День был жаркий, ей хотелось прохлады... Вряд ли в таком «наряде» она страдала от жары. А я все-таки мужчина, мне и так было жарко, а тут я прямо воспламенился, увидев... Впрочем, это неважно...

Отдышался я и говорю:

— Эй, солнышко!

И она открыла глаза. Сначала вроде ничего не поняла, будто ей приснился один из тех дураков, за которых она в последнее время выходила замуж. Потом она схватила простыню, завернулась в нее и ослепительно мне улыбнулась.

— Утеночек! — говорит.— Чудо-то какое!

Я выдавил нечто нечленораздельное, обливаясь потом.

Она сказала:

— Я тебя, Утеночек, вызывала, и вот он ты, как живой! Ну разве это не романтично? Где ты на самом деле, Утеночек? И когда ты придешь ко мне? Ты даже не представляешь, как часто я о тебе думала!

Я, наверное, единственный парень, которого она хорошо знала и за которого все же не выскочила замуж.

Поэтому я снова что-то промычал и сглотнул слюну.

— Ты не можешь прилететь сейчас, Утеночек? — спросила Лорин с лучезарной улыбкой.

— Я, понимаешь ли, на работе,— сказал я.— Давай я тебе позвоню...

— Я так одинока,— сказала Лорин.— Постарайся побыстрее, Утеночек! Я и коктейль уже приготовила. Ты когда-нибудь вспоминал обо мне?

— Ох,— сказал я слабея.— Еще бы!..

— Милый! — сказала Лорин.— Шлю тебе свой поцелуй через этот экран, но ты приходи скорее... Скорее, Утеночек!

И я снова облился потом. Я еще ничего не знал про Джо, понимаете? Я наорал на своих ребят из банка памяти, потому что думал, что во всем виноваты они. Если бы Лорин была какой-нибудь обыкновенной блондинкой, я бы спокойно обошелся без нее и вообще мог бы плюнуть на всех блондинок... У женатого мужчины нет выбора: или — или. Но

у Лорин неистребимый энтузиазм, который вызывает у любого мужчины дрожь в коленках. А кроме того, у нее ведь уже было четверо мужей, одного из которых она застрелила, и была оправдана.

И вот, кипя от бешенства, я вызвал техника банка памяти. А тут с экрана меня спросили: «Ваше имя?» Но с меня уже было достаточно. И я назвал имя старого приятеля, который работает клерком на бирже. И получил с экрана такие интересенькие сведения, что чуть не упал! Никогда бы не подумал, что у старины столько проколов, например, необъявленный вклад в Первом национальном банке в двести восемьдесят тысяч, о котором он беспокоился. Потом мне были выданы сведения обо всех новых его секретаршах. И наконец, меня соединили с банком памяти.

Я начал поливать техника, который смотрел на меня с экрана. Но он ответил устало:

— Выключись, парень. У нас тут куча недовольных, и ты — лишь один из них. Что сейчас делают ваши «логики»?

Я ему сообщил, но в ответ он только горько рассмеялся!

— Пустяки это, парень, — сказал он. — Мелочи. Нам вот только что удалось заблокировать кассеты памяти, которые выдавали сведения о сильнейших взрывчатых веществах. Число запросов на изготовление фальшивых денег возрастает с каждой минутой. Мы все пытаемся их перекрыть, переключая на запросы о совершении безнаказанных убийств. Но если бы они интересовались только тем, как выудить друг у друга деньжонки, нам, может быть, удалось бы перекрыть контуры, которые объясняют, как перевести кредиты из одного банка в другой, пока все вкладчики не обанкротились — кроме тех, что успели спросить у «логов», как им побыстрее заполучить крупный банковский счет!

— Значит, так! — сказал я внезапно охрипшим голосом. — Закрывай банк памяти! Сделай что-нибудь!

— Закрывать банк? — переспросил он вроде бы насмешливо. — А ты знаешь, парень, что банк памяти используется для компьютерных операций всеми деловыми кругами вот уже

многие годы? От него зависит распространение девяноста четырех процентов всех телевизионных программ, он дает все прогнозы погоды, все расписания авиарейсов, все объявления об особых распродажах, о потребностях в рабочей силе, а кроме того, он обеспечивает все личные контакты и регистрирует все деловые переговоры и договоры... Послушай, парены! «Логик» изменили цивилизацию. «Логик» и есть наша цивилизация! Если мы выключим «логиков», мы вернемся назад, к той цивилизации, о которой уже забыли. Я сам, наверное, чокнулся, потому и говорю с тобой так. Если моя жена узнает, что я получаю в неделю на тридцать кредиток больше, чем известно ей, да еще бегая за этой рыженькой...

Он улыбнулся мне с экрана улыбкой отчаяния и выключился. А я сел и обхватил голову руками. Да, все это правда. Если бы по какой-то причине в каменный век пришлось отказаться от употребления огня... Если бы пришлось отказаться от пара в девятнадцатом веке или от электричества в двадцатом... это было бы то же самое. У нас получилась очень простая и удобная цивилизация. В девяностых годах последнего столетия человеку приходилось пользоваться пишущей машинкой, радио, телефоном, телетайпом, газетами, патентными библиотеками, энциклопедиями, справочниками, архивами плюс услугами почты, консультациями юристов, химиков, врачей, диетологов, служащих разных ведомств, секретарей — и все только для того, чтобы выяснить, что он хотел бы вспомнить о том, что другие люди знали, о том, что он хотел бы знать, чтобы проверить, что он когда-то сказал кому-то и что ему сказали в ответ. А мы... нам для всего этого достаточно «логиков». Если мы хотим что-либо знать, или видеть, или слышать, или поговорить с кем-то — достаточно набрать шифр на «логике». Выключишь «логиков», и весь мир полетит в тартарары! Но — Лорин...

Что-то случилось. Я до сих пор не знаю, что это было. И никто не знает, не знает до сих пор. А случился — Джо. Вся беда заключалась в том, что он хотел работать в полную

силу, работать отлично. Вся эта ерунда, которую он придумал, в действительности была всего лишь приманкой, уловкой, чтобы и мы хоть над чем-то задумались. Объявление: «Хотите знать, что сделать и как» было только началом расширения логическо-интегральной службы. «Логикку» было, по сути дела, безразлично: дать рецепт какому-то подонку, как отравить свою половину, или — как извлечь квадратный корень, или — как увеличить свой счет в банке. Он просто давал ответы на вопросы. Но все пошло кувырком, потому что на слишком многие вопросы были даны слишком точные ответы.

Один из экранов у нас в отделе наладки вспыхнул. Я подошел, чувствуя себя усталым как собака. Включился. И Лорин сказала:

— Утеночек!

На экране была все та же комната в отеле. На столе два бокала, уже не пустые. Один — для меня. Лорин одета в нечто непонятное, что-то вокруг нее разлеталось и развевалось; и это все — только для друга дома и какое-то совершенно нереальное, так что даже не совсем понятно, видишь ли ты все это в действительности. Лорин смотрела на меня.

— Утеночек! — сказала она. — Я так одинока! Почему ты не пришел?

— Я, понимаешь... был занят, — сказал я, слегка задыхаясь.

— Пуфф! — вздохнула Лорин. — Утеночек, а ты помнишь, как мы любили друг друга?

Я нервно сглотнул слюну.

— Что ты делаешь сегодня вечером? — спросила Лорин.

Я снова сглотнул, потому что она улыбалась мне так, что любой другой мужчина уже сошел бы с ума, но я-то давно состоял в законном браке, и у меня по спине побежали холодные мурашки. Когда женщина смотрит на тебя с таким энтузиазмом...

— Утеночек! — сказала вдруг Лорин, словно ее озарило. — Я так плохо к тебе относилась! Давай поженимся!

Лишь от отчаяния я смог пробормотать:

— Понимаешь ли... я женат.

Лорин похлопала ресницами. А потом мужественно решила:

— Бедный мой! Ну, мы от этого тебя избавим. Жалко, мне так хотелось выйти за тебя замуж прямо сегодня! А теперь удастся только обручиться...

— Я... не могу, потому что...

— Я сейчас позвоню твоей жене,— радостно пообещала Лорин,— и поговорю с ней. У тебя должен быть код ее «логика», миленький. Я пыталась дозвониться к тебе домой, но никто...

Клик!

Это выключился мой «логик». Я его выключил. И у меня был словно обморок — паралич сверху донизу. Наверное, это шок, я был как воин после боя... Думайте что хотите... У меня даже ноги холодеть начали.

Я опять включил наш отдел наладки и начал орать на кого-то, что у меня, дескать, срочный вызов. Мне был до зарезу нужен наш автомобиль, чтобы я мог проехать на нем до конца смены. А потом — домой, взять жену и ребятшек и подальше отсюда, к черту, где Лорин никогда меня не найдет. Не хотелось мне быть пятым в серии ее мужей, а может быть, и вторым, кого она застрелит, когда я ей надоем. У меня с блондинками есть опыт, и я его приобрел благодаря Лорин. А теперь у меня поджилки тряслись от страха!

На машине нашего отдела наладки я влился в уличный поток. На заднем сиденье стоял запасной «логик», чтобы можно было сразу заменить им другой, у которого, скажем, что-нибудь перегорело и который легче отремонтировать прямо у нас в отделе. Гнал я бешено и почти автоматически. Смешно, если всерьез подумать! Я тут собирался как-то решить мои чисто личные проблемы, а в это время вся наша цивилизация летела ко всем чертям, потому что многие слишком быстро разрешили свои проблемы, едва успев изложить их «логикам».

Лорин нашла меня только благодаря новым услугам

«логиков», спаси нас, господи, от них и помилуй! Она уже застрелила одного мужа и была оправдана. А вдруг ей станет невтерпеж и она спросит своего «логика», как освободить своего «утеночка», чтобы выйти за меня замуж ровно в 8.30 пополудни? И ведь он объяснит ей! Точно так же, как он объяснил одной женщине, как ей утихомирить своего мужа, чтобы тот больше не бегал за юбками. Бр-р-р! Точно так же, как он рассказал одному мальчишке, где ему найти зарытые сокровища. Помните эту историю? Парнишка радостно перетаскивал к себе домой золотой запас Ганноверского банка, когда его случайно зацапали. А другому мальчонке «логик» объяснил, как построить такую машину, чтобы никто не догадался, как она работает. И до сих пор никто этого не знает. Думают только, что в ней все «завязано» вокруг парочки иных измерений. Если Лорин начнет задавать вопросы с техническим уклоном — это любимое блюдо для «логиков»! Ребята, меня всего трясло от страха! И если вы думаете, что настоящий мужчина не должен бояться какой-то там блондинки, то, значит, вы никогда не встречались с Лорин!

Я вел машину почти вслепую, а в это время некий «великий преобразователь общества» спросил «логика», как немедленно изменить нашу социальную структуру по придуманному им образцу. Он не спросил, лучше этот образец или хуже, он просто хотел его поскорее опробовать. И «логик» — вернее, Джо! — сказал ему, как это сделать! Почти одновременно ушедший на покой проповедник спросил, как исцелить род людской от похоти и любострастия. Поскольку самому проповеднику было за семьдесят, ему эти чувства уже не грозили, но он хотел уберечь от соблазна все остальные души. И получил ответ. Надо было построить нечто вроде радиостанции, которая бы вела запрограммированную передачу на волнах определенной длины. Вот и все. Видите, как просто? Все это обнаружилось лишь позднее, когда проповедник начал собирать средства на постройку этой станции. К нашему счастью, он не догадался спросить у «логика», как финансировать это строительство, иначе

«логик» ответил бы ему и на этот вопрос, и мы бы сейчас уже были навсегда избавлены от греховных позывов, которые потом, может, и вызывают у нас раскаяние, но — только потом, потом... А тем временем другая группа серьезных мыслителей, уверенных, что род человеческий много выиграет, если все мы вернемся к природе и будем жить в лесах вместе с муравьями и змеями, начала задавать «логикам» вопросы о том, как заставить людей покинуть города и отказаться от жизни в искусственной среде. И они получили от службы «логовиков» практически все возможные ответы.

Может быть, сейчас вас это не очень удивляет, но тогда, когда я гнал без цели машину и потел кровавым потом от страха перед Лорин, судьба цивилизации действительно висела на волоске. Я не шучу. Например, нам угрожала банда суперменов, которые с презрением относились к остальным людишкам и спокойно спросили, каким оружием они могли бы покорить мир и управлять нами по-своему!..

Но пока я только потел и рассуждал сам с собой.

— Что мне нужно? — бормотал я. — Спросить у проклятой службы «логовиков», как мне выпутаться из этой истории. Пусть подскажут любой, но только надежный способ, как мне избавиться от Лорин! Я хочу покоя. Я хочу мирно дожить до преклонных лет, чтобы хвастаться перед другими стариками, своими ровесниками, каким шустрым я был в свое время. Неужели я не выберусь из этой каши и упущу свой шанс сделаться старым вралем?

И я почти вслепую гнал и гнал служебную машину отдела наладки.

— Это был когда-то уютный мир, — говорил я с горечью. — Я мог спокойно вернуться домой и не корчиться от судорог в животе при мысли, что какая-то блондинка возьмет и позвонит моей жене и объявит, что выходит за меня замуж. Я мог включить своего «логика», не боясь, что попаду в чужую спальню, где эта блондинка принимает воздушные ванны, а пока такого не случилось, нужно поду-

мать, как сделать, чтобы этого не случилось никогда. Я мог раньше...

И тут я застонал при мысли о том, как обрушится на меня моя жена за то, что наша личная жизнь перестала быть личной, потому что любой, кто хочет, может влезть в нее с обеими ногами.

— Это был чудный мир,— твердил я с тоской по прекрасным дням, после нынешнего дня отошедшим в небытие.— Мы так радовались нашим игрушкам и были счастливы как невинные дети, пока кое-что не получилось. Пока некто по имени Джо не явился и не растоптал все наши песочные замки.

И тут меня осенило. Я все сообразил в один миг! В банке памяти нет никаких реле, которые могли замкнуться сами по себе. Реле замыкают только «логики», чтобы получить информацию, которую от них требуют. Никто, кроме «логика», не мог бы так изменить релейные связи, чтобы возникла эта чертова «новая» служба «логиков». Ни один человек не сумел бы до такого додуматься! Только «логик» мог внести такие изменения, чтобы все остальные «логики» плясали под его дудку.

На все это был только один ответ. Я затормозил у ресторана, нашел платный «логик»-автомат и опустил в щель монету.

— Может ли «логик» быть изменен таким образом, чтобы объединиться с другими «логиками» для постоянных совместных действий в масштабах, не доступных слабому человеческому разуму? — спросил я, тщательно выговаривая каждое слово.

Экран вспыхнул, погудел. Потом ответил:

«Да, несомненно».

— Как велико должно быть такое изменение? — спросил я.

«Микроскопически ничтожно,— ответил «логик». — Касаются только размеров некоторых деталей. Даже современные точнейшие измерительные приборы не смогут этого уловить. При нынешних методах производства такое может

произойти только в исключительно редких случаях, и случилось это всего один раз».

— Как обнаружить подобную случайную ошибку, которая оказывает столь важное воздействие на работу «логиков»? — спросил я.

Экран тихо потрескивал. Я обливался потом. Я еще не все продумал и больше всего боялся, как бы Джо чего-нибудь не заподозрил. Но заданный мною вопрос был абсолютно логичен. А «логики» не умеют лгать и должны быть предельно точны. Тут уж они ничего не могут поделать.

«Усовершенствованный «логик», необходимый для такого рода работы,— ответили мне с экрана,— находится сейчас на службе в обыкновенной семье, проживающей...»

И он продиктовал мне точный адрес Корлановичей. Как сумасшедший я помчался по этому адресу! Остановил машину перед домом, взял с заднего сиденья запасного «логика», поднялся к квартире Корлановичей и позвонил. Дверь открыл паренек.

— Я из службы наладки «логиков»,— сказал я мальчишке.— Инспекционная проверка установила, что ваш «логик» может выйти из строя с минуты на минуту. Пока этого не случилось, я должен поставить вам нового.

— Вот здорово! — завопил парнишка и убежал обратно в гостиную, где Джо (Джо я начал называть его позднее, потому что много думал о нем) что-то показывал детям. Я включил нового «логика» и тщательно проверил, хорошо ли он работает. Потом сказал:

— А теперь, ребята, спрашивайте у этого нового «логика» что хотите. А старого я заберу, пока он не сломался.

И тут я бросил взгляд на экран Джо. Ребятишки, наверное, попросили показать им настоящих людоедов. И Джо демонстрировал им научно-документальный фильм антропологической экспедиции о ритуальных танцах, посвященных богине плодородия какого-то племени хуба-джуба в Западной Африке. Этот фильм предназначался исключительно для ученых-антропологов и студентов-медиков старших курсов. Цензурные блоки были выключены, и Джо старательно

выдавал все подряд. Ребята очень заинтересовались. А я, взрослый, женатый мужчина, покраснел до корней волос.

Я выключил Джо. Осторожненько. Включил другого «логика» и вызвал отдел наладки. На экране службы «логиков» не было, на экране — родной отдел. Ох, как мне стало хорошо! Я сообщил, что еду домой, якобы потому, что упал на лестнице и вывихнул ногу. И добавил:

— Да, кстати! Я нес «логика», которого тут заменил, он вместе со мной грохнулся — знаешь, что от него осталось? В общем, я бросил его тут, у подъезда,— мусорщик подберет.

— Если ты не вернешь его в любом виде,— ответили мне,— будешь платить.

— За этот мусор-то? Небольшая цена! Заплачу,— сказал я.

И отправился домой. Лорин еще не звонила. Как только мог осторожно я перенес Джо в подвал. Если бы я вернул его на склад, даже как следует повредив, его бы там осмотрели и разобрали на запасные детали. И какие-то не совсем нормальные детали снова пошли бы в дело, и вся катавасия началась бы сначала. Этого я допустить не мог. Я сполна заплатил за Джо и оставил его у себя в подвале.

Вот как все было. Можете теперь говорить, что я спас нашу цивилизацию, и будете недалеко от истины. Я знаю, что не решусь включить Джо. Ни за что. Во-первых, пока жива Лорин. Но, кроме того, есть и другие причины. С этими болванами, которые только и хотят, чтобы весь мир думал так же, как они, с этими кретинами, которые готовы убивать всех остальных людей, лишь бы чего-то добиться для себя лично,— нет уж, увольте! Проблемы, конечно, решать надо, но уж лучше пусть они останутся, чем действовать таким способом.

С другой стороны, если бы Джо можно было как-то укротить, чтобы он действовал в разумных пределах, он бы помог мне заработать без особых трудов пару миллионов долларов. Но все же у меня, наверное, хватит ума не лезть в богачи, спокойно дожить до пенсии, ловить себе потихоньку рыбу

да врать другим старым олухам, какой я был замечательный парень когда-то... Может, мне это по душе придется, а может, и нет. В конце концов, когда мне до чертиков надоест старость и немощь, почему бы не включить Джо — всего на минутку, чтобы только спросить: «Как старику перестать быть старым?» И Джо выяснит как. И скажет мне.

Разумеется, всех от старости не избавишь. Кому-то все равно придется уходить, чтобы освободить место детишкам. И все же мир снова стал добрым и теплым после того, как я выключил Джо. Может, я еще разок включу его на миг, только чтобы узнать, как мне в этом мире остаться. С другой стороны...

Дж. Т. Макинтош

Дело рук компьютера

Роза обнаружила след от сигареты на серебристо-серой металлической поверхности и яростно принялась работать тряпкой. Безрезультатно. Коричневое пятно никак не желало исчезать.

Она с грустью вспомнила, что слишком уж часто обращалась с просьбой о покраске. В последний раз, когда она в страхе прибежала к мистеру Гаррисону, тот нехотя согласился отправиться на место происшествия, но, увидев, в чем дело, раскричался вовсю. Несколько успокоившись, он сказал ей твердым голосом: «Послушайте, Роза, я знаю, что способностями вы не блещете, но это зарубите себе на носу: мы регулярно подметаем полы, вытираем пыль со стен и красим блоки памяти, но все же здесь не больница. Я понимаю, вы — девушка чистоплотная, добросовестно выполняете свои обязанности и сообщаете о малейшем беспорядке, но, в конце концов, совесть у вас есть? Вы ведь

нам жить не даете! С компьютером ничего не случится, даже если спалить всю краску на его поверхности да еще долго бить по блокам кувалдой».

Эти слова повергли Розу в такой ужас, что она решила больше никогда не обращаться к мистеру Гаррисону, разве что в самом крайнем случае. И все же на сверкающей поверхности пятно выглядело очень некрасиво, и, не накричи он на нее в прошлый раз, можно было бы все-таки вызвать маляров.

Она очень боялась, что доктор Эссон заметит грязь и посчитает виноватой во всем ее, Розу. Правда, он никогда ни в чем ее не упрекал и очень часто, когда она занималась уборкой, следил за ней с любопытством и, как казалось Розе, доброжелательно. Но в жизни все когда-нибудь случается в первый раз, а она была уверена, что просто умрет, если доктор Эссон сделает ей замечание или намекнет, что она плохо справляется со своими обязанностями.

Роза встала на цыпочки, увеличив тем самым свой рост — пять футов — на целых четыре дюйма, и окинула взглядом огромное помещение компьютерной. Почти вся она была занята полутораметровыми серебристо-серыми блоками, в проходе едва мог протиснуться крупный мужчина. Но для Розы места было вполне достаточно. В конце комнаты, перед панелью ввода информации, глазами и ушами компьютера, стояли стол и несколько кресел. Остальное пространство вдоль стен было занято все теми же блоками памяти. Серебристо-серое однообразие нарушали невысокий светло-зеленый потолок и темно-зеленый палас под ногами. И всегда, днем и ночью, не умолкая, раздавалось еле слышное гудение.

«Что толку,— подумала Роза, глядя на тысячи квадратных футов сверкающего металла,— успокаивать себя, что повсюду царит идеальная чистота?» Проклятое коричневое пятно, как ей казалось, все больше росло. Она не сомневалась, что если кто-нибудь заглянет в дверь компьютерной, то в тот же миг поймет, как сильно повреждена эта серебристо-серая красота.

Доктор Эссон стоял у главной панели компьютера и громко разговаривал с какой-то хорошенькой молодой женщиной, которую Роза никогда раньше не видела. По всей видимости, они считали, что уборщица их не слышит. Ее и другие-то обычно мало замечали. Однако Роза все слышала. Речь шла о ней.

— Неужели она всегда здесь? — спросила девушка.

— Официально она работает с девяти до четырех, — ответил, улыбаясь, доктор Эссон. Улыбка у него была прекрасная, от нее он молодел сразу лет на двадцать.— Но так как помещение закрыто с десяти вечера до восьми утра, то все остальное время Розу можно найти здесь в любую минуту.

— Но ведь она такая хорошенькая. Должны же быть у нее... другие интересы.

Ответа Роза не расслышала. Она не пыталась подслушивать, просто у нее был слишком хороший слух, и она различала их голоса почти так же отчетливо, как если бы стояла рядом с ними.

— Понимаю, — сказала девушка с такой искренней теплотой, что Роза тут же полюбила ее, сама не зная почему.— Правда, ни одна обыкновенная девушка такой работы не выдержала бы. Но дурочкой она вовсе не выглядит.

— При чем здесь это, Гем, — ответил доктор Эссон.— Что за привычка классифицировать людей подобным образом! Сколько известно ученых, невероятно тупых в бытовом отношении. Или гениальных музыкантов, с виду на удивление неартистичных. Или невероятно трезво мыслящих лунатиков. А я всегда считал, что Роза обладает необычайно тонким умом, хотя и выглядит дурочкой.

Девушка со странным и приятным именем Гем рассмеялась.

— Можно мне поговорить с ней? — спросила она.

— Сегодня не стоит, Гем. Уже завтра ты не будешь казаться ей такой незнакомой, а тебе все равно придется зайти к нам за результатами вычислений. Хорошо, если вы найдете с ней общий язык. Понимаешь, буквально вся

жизнь Розы проходит в этих стенах, а наши сотрудники, разумеется, не обращают на нее ни малейшего внимания. По-видимому, ее это вполне устраивает. Но мне бы хотелось, чтобы хоть кто-то здесь относился к ней по-человечески и она могла бы поверять этому человеку свои маленькие секреты.

Гем бросила на Розу серьезный взгляд.

— Знаешь, папа, почему я тебя так люблю? — спросила она. — Ты — главный конструктор компьютера и вообще здесь самый главный. А она — простая уборщица. Но я могу поспорить, что ты больше думаешь и заботишься о ней, чем все остальные, вместе взятые.

Доктор Эссон улыбнулся.

— Может, она и умеет только вытирать пыль да подметать полы, — сказал он. — Но каждый день мы проводим много часов вместе, в одной и той же комнате. И оба мы — люди, разумные существа. Так вот, хорош был бы уровень моего разума, если бы я не сумел найти для этой девочки теплого слова.

— И все же мне кажется, что у остальных здесь уровень разума довольно-таки низкий, — сказала Гем. — До свидания, папа. Увидимся за ужином.

Она собрала со стола листки бумаги и вышла через открывающиеся двери.

Роза смутно припомнила, как доктор Эссон рассказывал кому-то, что его дочка окончила университет и скоро навсегда вернется домой. Значит, это она и есть. Очень красивая и, наверное, почти такая же добрая, как доктор Эссон.

Во время их беседы все шесть печатающих устройств мягко щелкали, регулярно выдавая сто двадцать слов в минуту. Роза знала, что ящики вокруг нее на самом деле были хранилищем информации, величайшей памятью компьютера. Она даже отчасти представляла себе, что он способен выполнять куда больше операций, чем от него в данном случае требуется, и работать двадцать четыре часа в сутки вместо четырнадцати, с полной нагрузкой, а не в треть силы.

Но почему компьютеру давали так долго отдыхать, если он вовсе в этом не нуждался, Роза понятия не имела. Многие пытались объяснить ей, в чем тут дело: кто долго и подробно, кто терпеливо, кто раздраженно. Но она так ничего и не поняла. А значит, виновата сама — ведь остальные-то понимали.

Она ни о чем не спрашивала только доктора Эссона, единственного человека,— она в этом не сомневалась! — который мог объяснить ей все простыми словами. С любовью, благоговением и страхом смотрела она на его склоненную над столом фигуру.

Но почему со страхом?

Потому что от него она ни разу не слышала ни одного грубого слова и теперь готова была терпеть от других любые обиды, лишь бы он относился к ней по-прежнему. Но, может быть, он такой добрый только потому, что она старается его не беспокоить и ничем ему не мешать?

Внезапно доктор Эссон выпрямился и направился в ее сторону. Неужели она что-то напутала? — взволновалась Роза. Пятно! Она задрожала.

— В чем дело, Роза? — спокойно спросил доктор Эссон.

— Я решила, что мистер Гаррисон все равно не придет,— ответила она слабым голосом.— Он не сердится, если происходит что-нибудь серьезное. А сейчас он, наверное, скажет, что это несерьезно.

— Значит, так оно и есть! — весело воскликнул доктор Эссон.— Я знаю, вам трудно поверить, Роза, но мистер Гаррисон способен по потолку забегать, если с компьютером что-нибудь случится. Ну так в чем же дело?

Роза неуверенно показала ему пятно от сигареты. Гем, не зная Розы, рассмеялась бы от души, хотя потом горько пожалела бы о своем смехе, но доктор Эссон примерно представлял, чего ждет от него Роза.

— Вы правы, очень некрасиво,— согласился он.— Но я думаю, не стоит так сильно переживать, Роза. Открою вам один секрет. Через две недели, а еще точнее — через тринадцать дней мы сделаем косметический ремонт помещения.

Так что если вы потерпите, скоро здесь все заблестит, как новенькое, пусть хоть каждый из наших сотрудников в эти несколько дней умудрится погасить сигарету о блоки памяти. Правда, потом несколько дней будет пахнуть свежей краской, но ведь вы не будете возражать, правда, Роза?

— Возражать! — счастливым голосом воскликнула девушка. — Это будет замечательно!

— Вы ничего не хотите мне больше сказать... или спросить?

Роза вспомнила и решилась.

— Да, доктор Эссон, — торопливо произнесла она, глотая слова. — Почему вы не позволяете компьютеру работать все время? Ведь он так этого хочет!

Доктору Эссону не удалось скрыть своего изумления. Он всегда считал, что Роза представляет себе компьютер лишь в виде простых металлических ящиков и только догадывается, что на нем можно делать вычисления.

— А почему вы решили, что компьютер хочет все время работать, Роза? — мягко спросил он.

— Посмотрите, какой он счастливый, когда гудит, — просто ответила она. — Ему очень нравится считать. Вот я, если бы только могла, складывала бы цифры все время.

— Я попытаюсь объяснить, — сказал доктор Эссон. — Дело в том, что компьютер не только складывает цифры. Он может дать ответ практически на любой вопрос. Мы ставим перед ним задачу, и если ему что-то неясно, он задает вопросы нам. И только после этого выдает ответ, всегда правильный, если, конечно, мы сами не сделали никакой ошибки в программе. Вы меня понимаете?

— Мне кажется, да.

— Хорошо. А теперь подумайте о том, что этот компьютер — машина новая. Вы устроились к нам на работу вскоре после того, как он был изготовлен. Я знаю, вам кажется, что с тех пор прошло очень много времени, но на самом деле это не так. А если вещь совсем новая, ей ведь сначала нужно пройти проверку, да? Когда покупаешь туфли, они, бывает, слегка скрипят и в них не очень уютно себя

чувствуешь. Но если их надевать ненадолго, они постепенно разносятся и станут удобными — к ним только надо привыкнуть. Вот и компьютер следует пока считать еще «неразношенным». Мы не хотим доверять всему, что он говорит, но не потому, что он ошибается, а на тот случай, если это когда-нибудь произойдет. И чем дольше мы на нем будем работать, чем больше он узнает, чем больше мы узнаем о нем, тем скорее мы начнем доверять ему, если, конечно, он так ни разу и не ошибется. Должно пройти какое-то время. И единственная причина, по которой мы так осторожно им пользуемся и проверяем несколько раз каждый ответ, очень проста, Роза. Допустим, нам придется обходиться без компьютера. Вдруг с ним внезапно что-нибудь случится?

— Он умрет?

— Если вам так понятнее, то да. Нет, нет, не беспокойтесь — он не умрет. До тех пор, пока есть электроэнергия, он будет жить. Но если с ним действительно что-нибудь произойдет, а мы уже привыкнем во всем на него полагаться, тогда нам придется нелегко, ведь правда?

— Наверное, — задумчиво ответила Роза. — Большое спасибо, что объяснили, доктор Эссон. Кажется, я кое-что уже поняла.

Следующий день, пятница, был у Розы самым любимым. Ведь ровно в десять часов утра начиналось совещание и до двенадцати никто и никогда в компьютерную не входил.

Роза подготовила свой вопрос заранее. Он был куда труднее того, который она задала в прошлый раз: цифры следовало не только складывать, но еще делить и умножать, и ей пришлось очень долго нажимать одним пальцем на клавиши вводного устройства. Она дрожала от страха, каждую секунду ожидая, что сейчас кто-нибудь войдет и застанет ее врасплох. Ее просто расстреляют на месте — тут и сомневаться не приходилось. Но искушение заставить компьютер сделать что-нибудь лично для нее было слишком велико, и она поддавалась ему уже в четвертый раз.

Компьютер защелкал, к чему она привыкла, но вместо короткой трескучей очереди, после которой обычно наступала полная тишина, он все продолжал и продолжал выстукивать. Роза пришла в ужас. Может, она что-нибудь сломала? С каждой минутой увеличивалась опасность, что кто-нибудь войдет, а она не знала, как выключить компьютер. Если просто оторвать лист бумаги, он тут же начнет печатать на другом.

Ей казалось, он никогда не остановится, и когда это наконец произошло, она быстро оторвала листок, сложила его и засунула в карман халата, даже не посмотрев, что там написано,— лишь бы скорее спрятать от посторонних глаз. Затем ей пришло в голову, что она может случайно полезть за чем-нибудь в карман и выронить листок на пол. Вновь задрожав от страха, она вспомнила фильм, который когда-то видела, вытащила записку, спрятала ее за вырез блузки и на всякий случай потуже затянула пояс. И только тогда чуть-чуть успокоилась.

Все утро сердце у нее было не на месте, хотя никто этого не заметил. Наконец настало время обеда. Чтобы не стоять долго в очереди, Роза обычно ходила в небольшую столовую минут за пятнадцать до конца перерыва, который продолжался от часу до двух. Но сегодня она поспешно удалилась в свою крохотную комнатку, расположенную прямо в помещении электронно-вычислительного центра, заперла дверь, сняла белый халат и бросила его на аккуратно застланную постель.

На какое-то мгновение Розе показалось, что она все-таки потеряла листок, и ей чуть не стало дурно, но она почти сразу же нашла его, развернула и принялась за чтение.

На самом верху маленькими красными буквами был напечатан ответ задачи: 432, 116. Затем шел пропуск, и на следующей строчке вместо цифр слова: «Сейчас не читайте, спрячьте».

Именно так она и сделала, подумала Роза, очень довольная, что поступила правильно.

Ей пришлось прочитать остальной текст четыре раза,

прежде чем она начала понимать, что там написано. В пятый раз она принялась разбирать его по частям.

Начиналось письмо с утверждения, что компьютер обязан работать для всего человечества, а не для отдельных индивидуумов и что в этом заключается его долг и обязанность. Фразы были очень сложные, и в них попадались длинные и непонятные слова. Роза, конечно, не знала, что читает первейший, самый важный закон, встроенный во все схемы, которому компьютер обязан подчиняться, невзирая на любые приказы.

Пропустив несколько строчек, она сосредоточилась на следующем абзаце. В нем говорилось, что компьютер знал не только имена, но в какой-то степени и характер каждого ученого и инженера, которые обращались к нему с вопросами. Далее следовал вывод, что неуверенная работа на клавишах вводного устройства и требование выполнить простейшие арифметические действия, повторяющееся уже в четвертый раз, говорит об использовании компьютера без ведома начальства одним из явно слабоумных представителей обслуживающего персонала.

«Простейшие действия!» — изумилась Роза. Ей придется изрядно потрудиться в течение нескольких дней, чтобы проверить правильность ответа.

Она и не подумала удивиться, что компьютер сделал столь точное заключение, не имея практически никаких данных. В глубине души Роза все еще была убеждена, что у него есть глаза и уши и поэтому он все знает.

Далее компьютер просил ее поподробнее рассказать о себе, но только втайне от других, потому что он хочет попросить ей помочь, а ему могут этого не позволить.

Он объяснил, как это сделать. Хоть у него и не было глаз, он прекрасно знал расписание и время работ в своем помещении и велел ей понемногу вводить в него информацию о себе, отключив печатающее устройство, когда рядом никого не будет. Если же кто-нибудь войдет, она всегда сможет сделать вид, что, например, вытирает пыль со стола.

Заканчивалось письмо утверждением того, что компьютер впервые проявил инициативу, решив задачу, которую перед ним никто не ставил.

Это послание, попади оно в руки доктора Эссона или иного сотрудника, привело бы их просто в бешенство. Роза и сама сильно разволновалась, хотя совсем по другой причине. Поведение компьютера как самостоятельной личности вовсе не показалось ей странным: она всегда была убеждена, что таков он и есть на самом деле. Она не испугалась и ничего плохого не заподозрила в отличие от любого другого на ее месте. Скорее наоборот, Роза решила, что компьютер просто хочет с ней подружиться.

Внезапно она вспомнила о времени и испуганно посмотрела на электронные часы над дверью. Кошмар! Слишком сильно она увлеклась, слишком долго засиделась в комнате. Часы показывали половину третьего.

Она засуетилась, не помня себя от страха. Прежде всего необходимо спрятать письмо. Дрожащими руками она попыталась открыть ящик стола и опрокинула на себя пузырек с чернилами, залив блузку и юбку. Другая девушка на ее месте сообразила бы, что халат скроет пятна, но Роза решила полностью переодеться и отчаянно заторопилась. Неудивительно, что она тут же перепачкала лицо и руки, и пришлось как следует отмываться, потому что чернила никак не желали отходить. Новая блузка все время застегивалась неправильно, а волосы растрепались, и их никак не удавалось привести в порядок.

Ни о каком обеде не могло быть и речи, и когда она, едва переводя дыхание, вбежала в помещение компьютерной, пробило три.

Гем стояла рядом с доктором Эссоном у печатающих устройств.

— Что-нибудь случилось, Роза? — спросил доктор.

— Я опоздала.— В голосе ее слышались слезы.

— Ничего страшного, разок-то можно. Не надо так волноваться. Лучше давайте я вас познакомлю со своей дочерью.

Вблизи Гем казалась совсем недоступной, хотя у нее была очень приятная улыбка. Она выглядела старше Розы (ей наверняка уже исполнилось целых двадцать четыре!) и была одета как настоящая принцесса. Волосы ее сверкали ярче солнца, и казалось, что она просто родилась в этом платье цвета морской волны. Роза чувствовала себя рядом с ней жалкой дурнушкой, и ей оставалось только вздыхать от восхищения.

Гем приветливо обратилась к ней, но Роза не нашла, что ответить. Потом, когда она стала вытирать пыль с бесчисленных блоков памяти — за три дня она как раз успевала перетереть их все и вернуться к началу, — ей стало стыдно за свою неуклюжесть, и, глядя на Гем и доктора Эссона, она всякий раз краснела.

— Может, пригласим ее сегодня на прогулку к реке? — услышала она вопрос девушки.

— Нет, — ответил доктор Эссон. — Она не захочет пойти, но не осмелится и отказаться. К тому же ты все время забываешь, что ей трудно вести беседы с другими людьми. Конечно, никто не станет обижать ее намеренно, но это может произойти и чисто случайно.

Больше они о ней не разговаривали, а в математике Роза ничего не смыслила. Ей оставалось только изумляться, что Гем, помимо всего прочего, говорит с доктором Эссоном почти на равных.

Она в точности исполнила все указания компьютера. Как только в помещении никого не оставалось, Роза отстукивала несколько слов на одном из печатающих устройств. Правда, она не могла похвастаться грамотностью, но для компьютера, видимо, это не имело значения. Он знал лингвистику не хуже остальных наук. Разбирался и в психологии.

Она рассказала ему о своей школе, в которой дети вели себя очень странно, а некоторые даже слышали голоса у себя в голове. Роза не только училась там, но еще помогала мисс Бимиш, директрисе. Затем мистер Гаррисон пришел навестить мисс Бимиш, и они предложили Розе устроиться на работу сюда и стать самостоятельной.

Она рассказала о докторе Эссоне и Гем, о других ученых и технических служащих, о мистере Гаррисоне, управляющем, и о людях, которых ей доводилось встречать в столовой. Она даже открыла свое тайное желание: научиться считать, потому что в школе она очень любила учителя по арифметике, а здесь полюбила доктора Эссона, и компьютер, и Гем — а все они умели считать очень хорошо.

Компьютер отвечал ей крайне редко, но иногда задавал вопросы или просил описать те или иные события в ее жизни. И однажды, в пятницу утром, он начал печатать очень длинное послание. Роза взволнованно переминалась с ноги на ногу, ей казалось, что прошла целая вечность, а компьютер все шелкал и шелкал со скоростью сто двадцать слов в минуту. Когда наконец он остановился, ей пришлось оторвать чуть ли не целый рулон бумаги. Как и прежде, она спрятала его не читая. Пакет получился таким тяжелым и толстым, что ей стало страшно: а вдруг кто-нибудь заметит, что она неожиданно пополнела? Но все обошлось благополучно.

В перерыв она отнесла пакет к себе, но не стала разворачивать, вспомнив, что произошло в прошлый раз. Зато впервые за все время она ушла с работы ровно в четыре часа, заперла дверь и принялась читать.

Перед ней лежала инструкция, следуя которой надо было кое-что сделать. Каждая стадия процесса объяснялась очень подробно, просто и понятно, и Роза не сомневалась, что сможет все точно выполнить. Она всегда хорошо умела работать руками.

Далее, даже не говоря зачем, ее просили принести сделанное с собой в следующую пятницу, надеть на голову и подсоединить два проводка к проводам, расположенным позади вводного устройства.

Она трудилась над предметом, у которого не было названия, целую неделю. Сперва она была счастлива тем, что у нее появилось какое-то занятие. Но постепенно в душу ее закрались сомнения. Доктор Эссон говорил, что они все еще не вполне доверяют компьютеру. Может быть, ей следует все рассказать, даже если ее пошлют обратно в школу, или

посадят в тюрьму, или даже расстреляют. В конце концов она решила ничего не говорить: ведь опасность грозила ей одной, и лучше пусть несчастье произойдет с ней, чем с доктором Эссоном или Гем.

В пятницу утром она дождалась, когда все ушли на совещание, и кинулась к себе в комнату, чтобы поскорей показать компьютеру дело рук своих. Непонятный предмет, сделанный точно по инструкции, напоминал круглую шапочку с торчащими из нее проводами. Так как сведения Розы об энергии ограничивались тем, что без электричества ничего работать не может, она не ждала особых результатов от шапочки, в которой были даже не батареи, а провода и пружины, тщательно ею самой изготовленные. Она либо забыла, либо просто не знала, что компьютер располагает любыми необходимыми ему запасами энергии.

Один за другим она надежно прикрепила провода к небольшим клеммам позади вводного устройства. Компьютер защелкал. Оторвав листок бумаги, Роза прочитала: «Садитесь».

Сильно нервничая, ужасаясь собственной наглости, она неуверенно придвинула кресло и села, откинувшись на спинку.

Через два часа, после заседания, доктор Эссон и Гем шли по коридору, возвращаясь в помещение компьютера.

— Теперь — ты одна из нас, — говорил доктор Эссон. — Только боюсь, что скоро ты выйдешь замуж и вновь покинешь эти стены.

Гем рассмеялась.

— Может, я и выйду замуж, но отсюда никуда не уйду. Слишком интересная работа, и компьютер совершенствуется день ото дня...

Она открыла дверь, и голос ее постепенно затих.

— Роза! — вскричал доктор Эссон, и в мгновение ока очутился на другом конце комнаты, поспешно отсоединяя провода. Затем он повернулся к девушке, безжизненно обмякшей в кресле.

— Позволь мне, папа,— спокойно сказала Гем.— И будь осторожен. Никто не знает, что происходило за твоей спиной все это время. Видишь, и компьютер молчит. Может быть, он специально готовил ее к покушению на твою жизнь.

Она сняла шапочку с головы Розы и нежно тронула ее за руку. Через мгновение глаза девушки открылись.

— Гем,— сказала она.— И доктор Эссон.— Переведя свой взгляд, она изумленно уставилась на панель компьютера.

— Что случилось, Роза? — мягко спросила Гем.

Казалось, девушка не расслышала вопроса.

— Теперь я понимаю,— шепотом произнесла она.— Компьютер хотел, чтобы вы нашли меня именно в подобном состоянии. Вы должны были узнать результат только после эксперимента. Доктор Эссон,— добавила она улыбаясь,— вы даже представить себе не можете, какой это замечательный компьютер.

Они молча уставились на нее. Она оставалась прежней Розой: стеснительной, нервной, готовой услужить в любую минуту, но в ней чувствовалась какая-то необъяснимая уверенность.

— Компьютер велел мне строго хранить тайну,— продолжала Роза.— Я знала, что поступаю неправильно, но тем не менее согласилась. Забавно, как быстро я поняла, почему мне пришлось учиться в специальной школе и устроиться на такую скучную, неинтересную работу... вот только не совсем ясно, почему вы с Гем были так добры ко мне.

— Не может быть,— прошептала Гем.— Не может компьютер сделать человека разумным, вложить разум туда, где его никогда не было раньше...

— Почему? — спросила Роза.— Разум — не более чем умение сопоставлять факты. Компьютер, к примеру, дает такое определение...— Она едва заметно улыбнулась.— «...Разум — это способность находить взаимосвязи и умение их корректировать при решении определенных про-

блем». Но ведь такая способность — лишь общий фактор для любого человеческого существа.

Внезапно она замолчала и густо покраснела.

— Я тут ни при чем,— извиняющимся тоном сказала она.— Я ведь только цитирую компьютер. Это он вложил в мой мозг знания. Интересно другое: ведь он считает себя куда менее разумным, чем нас. Видите ли, для решения любой конкретной задачи необходим не только тот самый «общий фактор», но и определенный подход... талант, если хотите. Так вот, талант есть у каждого из нас, а любой самый сложный компьютер начисто его лишен. Налаживая новые связи в моем мозгу, он смог научить меня лишь создавать логические построения, на основе которых появляется возможность прийти к определенному заключению. А затем — и он сам делает подобный вывод — я могу больше, чем он, так как обладаю способностью чувствовать, и не только музыку или живопись, но и механику, математику и многое другое,— одним словом, обладаю талантом. Вы меня понимаете?

— По-моему, да,— растерянно произнес доктор Эссон.

— Вот только боюсь, что теперь не смогу, как прежде, работать простой уборщицей,— с сожалением сказала Роза.— Как вы думаете, удастся мне устроиться к вам калькулятором?

— А вы умеете считать в уме? — спросила Гем.

— Да, компьютер объяснил мне основные принципы. Испытайте меня.

Лицо Розы стало совершенно несчастным.

— Я говорю серьезно,— умоляющим тоном сказала она.— Уж если умножать, то числа посложнее.

— Ну хорошо,— вмешался доктор Эссон.— Двадцать семь, сорок пять и пятнадцать.

В ту же секунду Роза принялась сыпать цифрами. Они довольно долго слушали, потом доктор Эссон поднял руку.

— Безусловно, компьютер сильно помог вам, Роза,— мягко сказал он.— Но не совсем так, как вы предполагали. Несомненно, он не хотел ничего плохого и действовал из

самых лучших побуждений. Мы проведем самый тщательный анализ этого эксперимента, и за свою дальнейшую судьбу можете не беспокоиться. Но...

— Разве я неправильно сосчитала? — По щекам девушки медленно катились слезы.

— Боюсь, что нет. В результате должно получиться что-то около восемнадцати тысяч.

Лицо Розы, как по волшебству, прояснилось, и она облегченно вздохнула.

— Извините меня, пожалуйста,— сказала она.— Это я виновата. Но мне показалось, что вы просите умножить двадцать семь в сорок пятой степени на двадцать семь в пятнадцатой. Ради бога, простите.

Доктор Эссон и его дочь молча устали друг на друга.

— Я уверен,— слабым голосом сказал доктор Эссон,— что вы сумеете устроиться к нам калькулятором, Роза.

Хосе Гарсиа Мартинес

Роб-ерт и Роб-ерта

Она смотрела, как он идет к ней, приближается, такой красивый, высокий, стройный. В груди у нее что-то начало весело позвякивать.

Роб-ерт увидел Роб-ерту еще издали. Она пришла точно в назначенное время — редкость для женщины.

— Привет, Роб-ерта!

— Привет, Роб-ерт!

Других слов им не потребовалось, и они молча зашагали к парку, прибежищу всех влюбленных. Красный диск солнца склонился к закату. Пели птицы. Газоны казались изумрудными. И однако, ни Роб-ерт, ни Роб-ерта не чувствовали себя счастливыми.

Но почему же?

Да очень просто: из-за роботов.

Роботов стало слишком много.

И виноваты в этом были братья Чапек, Айзек Азимов и все остальные, кто когда-то писал рассказы о роботах, внешне неотличимых от человека. Заводы выпустили миллионы роботов, похожих на человека как две капли воды, и теперь уже было невозможно сразу определить, кто существо из плоти и крови, а кто робот. Да, конечно, во всем виноваты были братья Чапек, Азимов и остальные из той компании — мысль подали они, а заводы лишь претворили ее в действительность.

И плохо было то, что люди роботам нравились.

Робот вооружался тысячью хитростей и уловок, кружил человеку голову и тащил его к священнику, а потом выяснялось, что человек женат на роботе, выдавшем себя за женщину, и нет никакой возможности разорвать этот союз: в свое время роботы позаботились о точном определении своих прав, и начали они с того, что добились утверждения нерасторжимости брака между роботом и человеком. И человеку приходилось владеть это бремя до самой смерти, а если он пытался расстаться с роботом, выдававшим себя за женщину, полиция хватала его, и ему приходилось очень плохо. Столь же опасны были роботы, притворявшиеся мужчинами. Робот, притворяющийся женщиной, в девяти случаях из десяти выглядит привлекательнее и обладает лучшими манерами, чем любая настоящая женщина. Но над роботами, выдававшими себя за мужчин, все смеялись, и потому они прикидывались юношами из знатных семей, недалекими и сильными, какими часто бывают настоящие молодые люди, и влюбляли в себя девушек. И когда после свадьбы девушка обнаруживала, что полкубила машину, дело кончалось нервным расстройством.

Роб-ерт взял Роб-ерту за локоть.

Узнать на ощупь, робот она или человек, он, разумеется, не мог — роботов делали очень хорошо.

— Сядем на скамейку?

— Сядем.

Роб-ерта села и положила ногу на ногу: скри-икк.

Роб-ерт сделал вид, будто не слышал скрипа, который издало колено Роб-ерты. Он заговорил как страстный влюбленный, горячо и романтично, а потом полез в карман за сигаретами.

Р-ризжж, рр-ризжж, проскрипел его локоть.

Роб-ерта не показала виду, что услышала, хотя прекрасно знала: если чей-нибудь локоть так скрипит, то это только потому, что он плохо смазан.

— Ты удивительная! — прошептали губы Роб-ерта около ее уха.

Но едва они коснулись ее точеного ушка, как оно тонко скрипнуло: з-аж.

Инстинктивно он отпрянул назад, и в поясище у него проскрежетало: скр-режж.

Роб-ерта в замешательстве почесала себе подбородок, и ее нижняя челюсть издала нежное: кр-рисс, кр-расс, кр-рисс, кр-расс.

— Хватит! — заорал Роб-ерт и вскочил на ноги.

Дз-зи-ии, дз-зи-ии, лязгнули его суставы.

— Да, хватит! — в тон ему закричала Роб-ерта, и внутри у нее что-то громко щелкнуло: кчик.

— Ты меня не проведешь — такое услышишь только у робота! Хоть бы смазалась получше перед тем, как идти на свидание! То-то я смотрю — уж слишком хорошенькая, настоящие женщины такими не бывают!

— Я настоящая женщина... почти целиком. Единственного робота из нас зовут Роб-ерт. Ты скрипишь как дверь с ржавыми петлями.

Глаза ее метали молнии.

— Нет, Роб-ерта, я человек.

Оба растерянные, они посмотрели друг на друга. Роб-ерт мог увильнуть от ответа на заданный ему прямой вопрос, но долго скрывать правду о себе ему все равно бы не удалось — это знал каждый.

— Так твои поскрипывания...

— И твои...

— Просто я много раз попадал в автомобильные аварии.

Раз двадцать, если не ошибаюсь. Одна рука у меня протезная, поясничные позвонки на подшипниках, и в левой коленной чашечке тоже небольшой механизм.

— Роб-ерт! — вырвался у нее вздох облегчения. — Все как у меня. Ноги потеряла однажды в воскресенье вечером — возвращалась, как все, с загородной прогулки. Ухо — когда однажды поспорила из-за места на автостоянке. А челюсть — когда моя машина врезалась в дерево. Конечно, есть кое-какие протезы, но все равно я не робот, а человек!

— Роб-ерта, я люблю тебя! Хочешь выйти за меня замуж?

— Дорогой... а протезы?

— Мы с тобой в одинаковом положении, любимая. Да и важно ли это вообще? А потом, учитывая, какое теперь движение на улицах...

Они обнялись.

Тр-риkk, щелкнуло что-то в ней.

Дзиньк, звякнуло в нем.

Их переполняло счастье, и они не обратили на эти звуки никакого внимания. Они оба люди, а не роботы — это было самое главное.

Солнце опускалось за деревья парка.

Таковыми изумрудными газоны не были еще никогда.

Уолтер М. Миллер-младший

Я сотворил тебя

Он покончил с противником, и это полностью исчерпало его силы. Ночь скрывала его лежище на вершине утеса. Измотанный, безучастный, израненный, он громоздился на черном утесе под черным небом, и его конечности ни на мгновение не переставали ощупывать грунт, а единственное, похожее на тарелку, ухо медленно и безостановочно вращалось, прослушивая прилегающую местность и небосвод. Кроме того жалкого существа, которое все еще

копошилось в пещере, ничто не подавало признаков жизни. То, что все вокруг замерло, было хорошо. Он ненавидел звуки и движение. Ненависть к ним была заложена в его натуре. Что же касается того существа в пещере, то все равно до рассвета он не мог им заняться.

Между тем забившееся в скалы существо продолжало бормотать:

— *Помогите! Что вы там — подошли все, что ли? Вы меня слышите? Говорит Сойер. Сойер вызывает всех, кто его слышит! Сойер вызывает любящую станцию...*

Бормотание то и дело прерывалось, в нем отсутствовал четкий ритм. Он попробовал абстрагироваться от этих звуков — они нарушали покой. Космический холод пронизывал его насквозь. Солнце зашло, и теперь на двести пятьдесят часов воцарилась почти полная тьма, если не считать тусклого света Земли, от которого нельзя было ждать пищи, и света звезд, по которым он отсчитывал время.

Израненный, он высился на утесе, предчувствуя появление нового врага. Последний враг пришел из Антимира в его Мир в конце дня. Враг шел нагло, не прибегая ни к оборонительным маневрам, ни к наступательному огню. Он легко уничтожил их — сначала огромного неуклюжего противника, грохотавшего на своих колесах, а потом и более мелких, которые выскакивали из чрева этой громадины. Он убил их одного за другим, кроме того, который заполз в пещеру и спрятался, забаррикадовавшись в ней.

Он ждал, пока этот враг выползет из пещеры. Со своей удобной позиции на утесе он контролировал пересеченную местность в радиусе нескольких километров — и кратеры, и расселины, и голые пространства пылевой равнины, простиравшейся к западу, и скалы, и прямоугольник Святылица возле Башни, бывшей центром его Мира. Пещера находилась у подножия скалы, расположенной всего в тысяче метров к юго-востоку от его утеса. Спиттеры малого калибра держали вход в пещеру под прицелом — спасения для противника не было.

Он переносил бормотание ненавистного врага так же, как

боль,— покорно, ожидая передышки. Боль возникла уже много восходов Солнца назад, но раны никак не заживали. Травмы притупили некоторые из его чувств и вывели из строя часть активаторов. Теперь он уже был не в состоянии поймать тот тоненький энергетический луч, который безопасно провел бы его через Антимир к Месту Творения. И больше не чувствовал разницы в импульсах Врагов и Врачевателей. Теперь все они стали его врагами.

— Полковник Обри, говорит Сойер. Отвечайте! Я попал в ловушку на складе боеприпасов! Остальные, вероятно, погибли. Обри, говорит Сойер. Обри, говорит Сойер. Слушайте! У меня остался только один кислородный баллон, слышите! Полковник, отвечайте!

Колебания в скальном грунте... Только они, эти слабые, вызывавшие раздражение колебания и нарушали благословенное спокойствие охраняемого им Мира. Противник уничтожен, за исключением жалкого уroda там, в пещере. Впрочем, и этот обезврежен и не выходит оттуда.

Раны будили в нем тупую злобу. Он не мог подавить тревожные сигналы, посылаемые в мозг поврежденными членами, не мог совершить и того, чего настойчиво требовал разбуженный болевыми сигналами мозг. Страдая и ненавидя, недвижимо высился он на утесе.

Он ненавидел ночь, потому что ночью не было пищи. Каждый день он поглощал солнечный свет, накапливая силы для долгой-долгой вахты в темноте, но когда наступал конец дня, с ним приходила и слабость, а голод начинал свирепо грызть его внутренности. Хорошо еще, что ночь выдалась спокойной и он может использовать часть энергии на защиту себя от холода. Ведь если холод проникнет сквозь защитный слой, органы чувств начнут подавать сигналы тревоги и боль станет еще сильнее.

Боль была всюду. И если исключить азарт сражения, то ничто, кроме поглощения солнечной энергии, не приносило ему удовлетворения. Защищать Святилище, восстанавливать в своем Мире безмолвие, убивать противника — таковы были радости битвы. Он познал их.

Он хорошо изучил свой Мир. Знал каждый квадратный дюйм его поверхности, вплоть до Болевого Периметра, за который заходить было запрещено. Он знал и особенности рельефа Ничейной Полосы за этим Периметром, изучив их с помощью дистанционного наблюдения. Мир, Ничейная Полоса, Антимир — оба последних были по Ту Сторону — составляли его Вселенную.

— Помогите, помогите, помогите! Говорит капитан Джон Хобин Сойер из отдела обучения и программирования автокибернетических войск, временно прикомандированный к ремонтному отряду Луна-16. Есть кто-нибудь живой на Луне? Слушайте! Мне плохо! Один бог знает, сколько дней я тут проторчал... в скафандре. Он воняет! Вам-то не приходилось жить в нем целыми днями. Мне очень плохо. Выручайте!

Антимир был местом, откуда приходили враги. Если враг нарушал внешнюю границу, он подлежал уничтожению. В этом заключалась Главная Истина, познанная им в День Творения. Только Врачеватели могли безнаказанно передвигаться по всей территории, но Врачевателей для него больше не было: теперь он уже не мог ни узнать их, ни вызвать.

Он познал свою сущность. Познал, изучая раны и повреждения, исследуя свое внутреннее устройство. Только он был присущ этому Миру, все остальное лежало по Ту Сторону. Он знал свои функции, свое умение, свои возможности. Он умел прослушивать грунт конечностями, умел увидеть все вокруг себя при помощи многочисленных глаз. Он зондировал небо лучевыми импульсами. Он ощущал малейшие колебания скальной породы. На поверхности различал недоступную обычному глазу игру звездного света, теплоотдачу холодного грунта и отражение импульсов, посылаемых Башней. В небе он видел невидимые звезды и слышал отраженное эхо радиоволн, доходивших до Земли. Страдая от дикой грызущей боли, он ждал рассвета.

Прошел час, и существо в пещере зашевелилось. Он прислушался к слабым царапающим звукам, доносившим-

ся сквозь скальный грунт. Опустил вниз самый чуткий из своих датчиков и проследил за их направлением. Последний его враг тихо полз к выходу из пещеры. Он навел спиттер малого калибра на черный шрам у подножия скалы, освещенной светом Земли. Выпустил серию ярких трассирующих пуль и увидел, как они рикошетируют в безвоздушное пространство блестящими бесшумными искрами.

— *Мерзкое, грязное, проклятое страшилище, дай мне покой! Безжалостный Джаггернаут, ведь это же я — Соьер! Неужели ты забыл меня? Я помогал обучать тебя десять лет назад. Ты был тогда новобранцем — ха-ха-ха! Такой тупой кибернетический новобранец!.. С огневой силой целого полка... Дай мне уйти отсюда... Дай мне уйти...*

Последний враг снова пополз к выходу. И снова ударила очередь, отогнав его назад. Опять вибрация в горной породе:

— *Я — друг! Война кончилась. Несколько месяцев назад... земных месяцев. Не понимаешь, Ворчун? В дни, когда ты был новобранцем, мы прозвали тебя Ворчуном. Это было еще до того, как мы научили тебя убивать. Ворчун... Самоходная самопрограммирующаяся батарея. Не узнаешь своего папочку, сынок?*

Вибрация раздражала. Неожиданно вспыхнул гнев, он развернулся, легко маневрируя своим огромным телом. Ревя моторами, съехал с утеса, направляясь к склону холма, опять развернулся и загромыхал вниз по склону. Он промчался по равнине и круто затормозил в пятидесяти метрах от пещеры. Гейзеры пыли поднялись от его гусениц и опали. Он снова прислушался. Пещера молчала.

Снова вибрация: — *Уходи, сынок, дай папочке умереть спокойно...*

Он навел спиттер в самый центр черного отверстия и выпустил две сотни трассирующих пуль. Подумал об атомной гранате, но его арсенал и так сильно истощился. Он опять прислушался, следя за пещерой. Ростом он раз в пять превосходил того, кто там прятался. Затем повернулся и загромыхал через равнину, чтобы снова занять пост на утесе. Отдаленное движение — там, далеко за пределами Ничей-

ной Полосы — едва скользнуло в его сознании, но было слишком слабым, чтобы вызвать беспокойство.

Существо в пещере опять закопошилось:

— *Мне пробил скафандр, слышите! Пробило скафандр! Осколком камня! Небольшая дырка, но пластикат не работает. Скафандр! Соьер вызывает Обри. Соьер вызывает Обри. Лунный-16 вызывает базу. Примите сообщение, прием. Хи-хи-хи. Надо соблюдать правила. Я ранен. Пробит скафандр. Помогите!*

Некоторое время были слышны лишь всхлипывания, а затем:

— *Черт с ней, с ногой. Перекачаю воду в сапог и заморозжу. Черт с ней, с ногой. Надо выиграть время.*

Движение на юге стало более ощутимым. Оно подбиралось к внешним границам Ничейной Полосы, оно раздражало. Беззвучно из его чрева выскользнул бур. Бур глубоко въелся в породу, затем втянулся обратно. Вместо него в породу опустился чувствительный датчик и стал тщательно прослушивать грунт. Стало слышно отдаленное мурлыканье, иногда заглушаемое хныканием из пещеры.

Он сравнил мурлыканье с записями в памяти. Звуки совпали. Мурлыканье исходило от объекта, движущегося по поверхности далеко на юге. Он попытался послать импульсы, означавшие «друг или враг?», но передатчик бездействовал. Следовательно, движение грозило бедой, хотя и находилось вне радиуса действия его оружия — при нынешнем состоянии.

Гнев и предвкушение битвы... Он нетерпеливо утюжил утес, одновременно продолжая наблюдать за пещерой. Неожиданно возникло раздражение еще в одном сенсорном канале — снова вибрация, похожая на ту, что шла из пещеры. Но новая вибрация шла по поверхности, через пустыню, на волнах длинного спектра.

— *Мобильный КП вызывает шестнадцатый ремонтный. Отзовитесь. Прием.*

Безмолвие... Он ждал, что ответ придет из пещеры, так как знал, что такими вибрациями обмениваются его враги.

Но ответа не было. Возможно, длинные волны не могут пробиться в пещеру, к тому, кто там прячется.

— *Шестнадцатый ремонтный, говорит КП Обри. Какого черта молчите? Вы меня слышите? Прием.*

Он напряженно прослушивал грунт. Мурлыканье прекратилось, значит, враг остановился. Однако через несколько минут движение возобновилось. Он привел в действие вспомогательное ухо, находившееся километрах в двадцати к юго-западу, и приказал ему дать информацию об источнике звуков. Прослушивание из двух точек помогло: враг двигался на север к границе Ничейной Полосы. Глубоко спрятанный гнев перешел в ярость, требующую немедленных действий. Стоя на утесе, он запустил моторы.

— *Шестнадцатый ремонтный, говорит мобильный КП Обри. Предполагаю, что ваша радиоаппаратура вышла из строя. Если вы слышите меня, учтите: мы движемся к северу и остановимся на расстоянии, превышающем на пять миль предельную дальность действия ракетного миномета. Когда остановимся, пошлем в зону «Красное-Красное» автокибернетическую ракету. Вместо боевой головки у нее преобразователь радиоволн. Если ваша сейсмоаппаратура работает, ракета послужит промежуточной подстанцией. Прием.*

Он игнорировал вибрацию и занялся проверкой своего оружия. Проверил запас энергии и опробовал активаторы боевых средств. Вызвал вспомогательный глаз, и через десять минут похожий на краба глаз выполз из Святилища и занял наблюдательный пост у входа в пещеру. Если вражеский последыш попытается выйти, глаз обнаружит его, пошлет сигнал, и он успеет уничтожить врага с помощью гранатомета дальнего действия.

Мурлыканье становилось все громче. Готовый к бою, он спустился с утеса и тяжело загромыхал на юг походной скоростью. Он прошел мимо развороченной громады ремонтного лунобуса с его раскиданной в разные стороны тракторной упряжкой. Взрыв ракеты надвое развалил гигантскую машину. Останки нескольких двуногих помощни-

ков врага валялись вокруг — хрупкие, исковерканные детали, освещенные бледным светом Земли. Ворчун, не обращая на них внимания, неуклонно шел на юг.

Внезапная вспышка света в южной части горизонта! Потом вверх прыгнула крошечная красная точка, описав дугу на небосводе. Боевая ракета. Она должна упасть где-то в восточной части зоны «Красное-Красное». Времени сбить ее уже не было. Ворчун ждал взрыва, угадывая, что он произойдет в районе, совершенно лишенном какого-либо военного значения.

Прошли секунды, и ракета, замедлив полет, изменила направление и стала спускаться. Потом исчезла за отрогами скал. Взрыва не последовало. Вообще в том месте, где она упала, не было никаких признаков деятельности. Ворчун вызвал вспомогательное ухо и послал его на разведку, а сам двинулся к Болевому Периметру.

— *Шестнадцатый ремонтный, говорит мобильный КП Обри,* — шли длинноволновые вибрации, — *мы только что послали радиосейсмическую релейную станцию в зону «Красное-Красное». Если вы находитесь в радиусе пяти километров от нее, вы нас услышите.*

Почти сейчас же возникла ответная вибрация из пещеры: — *Наконец-то! Хи-хи-хи. О, наконец-то!*

И тут же пришла вибрация на длинных волнах из места прилунения ракеты. Вспомогательное ухо не сигнализировало ни о каких передвижениях в этом секторе. Причиной беспокойства Ворчуна оставался враг на юге. Сначала он должен ликвидировать главного противника, а с менее важными источниками раздражения он справится потом.

Он двинулся к Болевому Периметру, время от времени прислушиваясь к бессмысленным вибрациям, издаваемым противником.

— *Обри вызывает шестнадцатый ремонтный. Слышу вас плохо. Кто говорит? Кархилл?*

— *Обри! Голос... настоящий голос... или я сошел с ума?..*

— *Обри вызывает шестнадцатый. Обри вызывает шестнадцатый. Прекратите болтовню и доложите, кто говорит.*

Что произошло? Удалось ли обезвредить Ворчуна?

В ответ только сдавленное хихикание.

— *Обри вызывает шестнадцатый. Прекратите это! Слушайте, Сойер, я узнал вас. Возьмите себя в руки, старина. Что произошло?*

— *Погибли... все погибли, кроме меня.*

— *Прекратите этот дурацкий смех!*

Долгая пауза, потом еле разборчиво: — *О'кей, попытаюсь. Это в самом деле вы, Обри?*

— *Это не галлюцинация, Сойер. Мы пересекли «Красную» зону на мобильном КП. Доложите обстановку. Мы несколько дней безрезультатно пытаемся с вами связаться.*

— *Ворчун на десять миль пропустил нас в зону «Красное-Красное», а затем накрыл ракетным залпом.*

— *Работала ли система оповещения?*

— *Да, но она отказала у Ворчуна. Взорвав лунобус, он одиночке расстрелял тех четверых, что остались живы. Хи-хи-хи, вы когда-нибудь видели шермановский танк, который гоняется за мышью, полковник?*

— *Заткнитесь, Сойер! Еще раз хихикнете — узнаете!*

— *Спасите меня! Моя нога! Спасите меня!*

— *Если сможем. Какова обстановка на данный момент?*

— *Скафандр... его пробило... пришлось перекачать в штанину воду и заморозить ногу... больше ее не чувствую... долго продержаться не смогу...*

— *Обстановку, Сойер, обстановку! К дьяволу ваши болячки!*

Вибрации не прекращались. Ворчун временно от них абстрагировался. Воплощением ярости всползал он на освещенный склон холма. Остановился, переключил моторы на холостой ход, прислушался к далекому движению на юге. У подножия холма проходил Болевой Периметр. Даже находясь на вершине, он ощущал слабые предупреждающие уколы, исходящие от Башни, расположенной в тридцати километрах отсюда, в самом центре его Мира. Связь с Башней неразрывна. Стоит перейти за Периметр, связь нарушится, придет ослепляющая боль и... взрыв.

Противник теперь двигался медленнее, он тайком переползал через Ничейную Полосу. Уничтожить его сейчас не представляло бы труда, но управляемых ракет почти не осталось, а ракетный миномет бил всего лишь на двадцать пять километров. Спиттеры малого калибра тоже не годились, тем более что точность прицела у них на таком расстоянии падала до нуля. Он должен был ждать, пока противник подойдет ближе. Стоя на холме, он вынашивал свою злобу.

— *Слушайте, Сойер. Если у Ворчуна не работает система оповещения, то почему он не бьет по мобильному КП?*

— *Это и нас обмануло, полковник. Мы вошли в «Красную» зону, но ничего не произошло. Или у него кончились снаряды для дальнего боя, или он спятил, или и то и другое сразу. Последнее наиболее вероятно.*

— *М-м-м-м! Тогда нам лучше остановиться и прикинуть, что к чему.*

— *Послушайте меня!.. Вам остается только одно — вызвать с базы телеуправляемую ракету с боеголовкой.*

— *Уничтожить Ворчуна?! Да вы рехнулись, Сойер! Если его расшибить, то вся территория вблизи разработок разлетится вдребезги, чтобы не досталась врагу. Вам же это известно.*

— *Да какое мне дело до этого!*

— *Перестаньте орать, Сойер! Эти разработки — самое ценное, что есть у нас на Луне. Поэтому и Ворчуна там установили. Если его превратить в пыль, то меня предадут военно-полевому суду еще до того, как эта пыль осядет.*

В ответ — полуплач-полувои: — *Кислорода на восемь часов! На восемь, слышите! Ты, тупая, безжалостная...*

Враг остановился в двадцати восьми километрах от холма. Нескольких сотен метров не хватало, чтобы привести в действие ракетный миномет. Ворчуна охватила неукротимая ярость. Он топтался в каком-то чудовищном танце, круша гусеницами мелкие камни; пыль водопадом летела в долину. Раз он даже рванулся к Болевому Периметру, но, когда боль стала невыносимой, повернул обратно и снова оста-

новился на холме, чувствуя усталость — запасы энергии в батареях истощились.

Он постоял, анализируя обстановку.

Приведя в действие моторы, медленно объехал вершину холма и на максимальной скорости спустился вниз к северному подножию. По равнине прошел на север около полумили, затем снизил скорость и ловко ввел свое огромное тело в расселину, где хранил неприкосновенный энергетический запас. Батарея-трейлер была заново заряжена еще накануне. Он попятился, принял нужное для зарядки положение и присоединил кабели, не подходя к трейлеру вплотную.

Жадно насыщаясь энергией, он время от времени прислушивался, но враг не двигался. Необходимо было выпить всю энергию до капли, чтобы осуществить задуманное. Завтра, когда врага уже не будет, он отбуксирует трейлер к главному хранилищу для перезарядки. Тогда уже встанет Солнце, приводящее в действие его генераторы. У него было несколько энергетических запасников, размещенных в стратегически важных точках территории; он был предусмотрителен и имел возможность поддерживать силы в течение всей долгой лунной ночи. В своем хозяйстве Ворчун поддерживал порядок, перетаскивая трейлеры на перезарядку через определенные промежутки времени.

— *Не знаю, чем вам помочь, Соьер,—* доносился голос врага.— *Уничтожить Ворчуна мы не можем, а второго автотикибернетического отряда на Луне нет. Чтобы получить пополнение, надо запросить Землю. Пока Ворчун безумствует, в зону «Красное-Красное» людей послать я не могу. Это было бы убийством.*

— *Бога ради, полковник!*

— *Послушайте, Соьер, вы же кибернетик. Вы помогли программировать Ворчуна. Неужели вы не можете придумать, как его обезвредить, не взрывая к черту весь заминированный район?*

Длительное молчание. Ворчун насытился и выбрался из расселины. Он отъехал на несколько метров к востоку, чтобы

между ним и холмом на границе Болевого Периметра лежало ровное пространство. Тут он остановился и активизировал несколько вспомогательных ушей, чтобы точно определить местонахождение противника. Одно за другим уши подавали ему сигналы.

— Ну как, Сойер?

— Я умираю от боли в ноге.

— Ничего не можете придумать?

— Могу, но меня это не спасет. Столько времени я не протяну.

— Говорите.

— Уничтожьте его энергетические запасники, а затем заставьте всю ночь побегать.

— Сколько времени это займет?

— Несколько часов после того, как вы установите, где они находятся, и взорвете их.

Он проанализировал информацию, доставленную вспомогательными ушами, и точно рассчитал позицию. КП врага находился примерно на пять километров дальше предельного действия миномета, то есть вне досягаемости, которая была определена ему при Акте Творения. Но Акт Творения не был совершенен.

Он положил мину на стартовую решетку. Однако врез с требованиями, заложенными в него при Творении, он не стал отключать мину от заряжающего механизма. Это причинило боль. Но зато так можно было задержать пуск мины на те несколько долей секунды, которые пройдут с мгновения включения рубильника в условиях продолжающейся нарастать силы магнитного поля. Он не выпустит мину до тех пор, пока эта сила не станет максимальной и не придаст, таким образом, мине несколько большее ускорение, чем расчетное. Он изобрел этот метод сам, превзойдя Творца.

— Что ж, Сойер, если вы ничего не можете предложить...

— Я УЖЕ ПРЕДЛАГАЛ ДРУГОЕ,— кричали в ответ.— Вызывайте телеуправляемую ракету! Неужели вам все безразлично, Обри? Ворчун убил восьмерых из вашей команды...

— Так ведь это вы научили его убивать, Сойер.

Наступило длительное, полное глубокого смысла молчание. На равнине у северного подножия холма Ворчун слегка изменил угол наклона стартовой решетки, соединил пусковой механизм с гироскопом и приготовился к пуску. Творец рассчитал максимальную дальность, исходя из того, что миномет неподвижен.

— *Хи-хи-хи*,— шли вибрации из пещеры.

Он запустил моторы и убрал тормоза. Он несся к холму, набирая скорость и выдыхая смерть. Моторы ревели, работая на пределе. Он несся к югу, как взбесившийся бык. У подножия холма максимальная скорость была достигнута. Сильно накренясь, он полез вверх. Как только стартовая решетка получила нужный наклон, гироскоп включил ток.

Внезапный скачок напряжения. Мощный кулак магнитного поля схватил мину, оторвал ее от заряжающего механизма и швырнул в противника. Ворчун резко затормозил на самой вершине холма.

— *Послушайте, Соьер, мне страшно жаль, но ничего...*

С тупым щелчком вражеский голос оборвался. Над южной частью горизонта взметнулось зарево и исчезло.

— *Хи-хи-хи*,— заливалось существо в пещере.

Ворчун не двигался.

Тррраах! — это прошла через грунт сейсмическая волна.

Пять вспомогательных ушей передали с разных точек данные о взрыве. Он сравнил их, проанализировал. Взрыв произошел менее чем в пятидесяти метрах от КП противника. Удовлетворенный, он медленно развернулся и покатил на север, к центру своего Мира. Все было хорошо.

— *Обри, связь оборвалась*,— крихтело существо в пещере,— *отзовитесь, трус, отзовитесь... я должен хотя бы знать, что вы меня слышите...*

Ворчун автоматически зарегистрировал бессмысленные вибрации, изучил их и сам передал на длинной волне: — *Обри, связь оборвалась, отзовитесь, трус, отзовитесь... я должен хотя бы знать, что вы меня слышите...*

Релейная станция уловила сигналы и превратила их в сейсмические волны.

Существо в пещере завизжало. Ворчун записал визг и несколько раз передал его.

— *Обри, где же вы... Обри... ОБРИ! Не бросайте меня, не бросайте...*

Существо в пещере умолкло.

Ночь была тиха. Звезды, не мигая, светили из тьмы, окрестность тускло освещалась отраженным светом земного полумесяца. Ничто не двигалось. Как это прекрасно, когда все недвижимо! Святилище дремало в безбрежной пустоте. Будь благословенна неподвижность!

Только раз дернулось в пещере затаившееся там существо. Так тихо, что Ворчун едва уловил движение. Оно подползло к выходу и осталось там, глядя на стальное чудовище, возлежавшее на утесе.

Еле слышно существо шептало:

— *Я сотворил тебя. Понимаешь, я, человек, сотворил тебя...*

Затем, волоча ногу, оно выползло на свет, как бы желая в последний раз взглянуть на тусклый полумесяц Земли в небе. Закипая злобой, Ворчун опустил вниз черное дуло гранатомета.

— *Я сотворил тебя...*— доносился бессмысленный шорох.

Ворчун ненавидел шум и движение. Ненависть к ним была заложена в его электронный мозг. Злобно рывкнул гранатомет. И на весь остаток ночи установилось вождеденное спокойствие.

Ондржей Нефф

Спецвыпуск теленовостей

Передача из студии: диктор, улыбаясь, сидит за столиком, украшенным изящной вазочкой с букетиком пластмассовых звездик.

ДИКТОР:

— Как сообщалось в дневном выпуске новостей, наш крупнейший производитель детских игрушек — народное предприятие «Ползунпром» — получил Нобелевскую премию за выдающиеся открытия в области электроники, кибернетики и робототехники. Наш репортер направился в Густопечь, чтобы, как говорится, на месте задать несколько вопросов руководству предприятия.

Следует репортаж: синхрон 16 мм, продолжительность 12 мин. 46 сек.

Титры «ТАМ, ГДЕ МОДЕРНИЗАЦИЯ — НЕ ПУСТАЯ ФРАЗА» бегут по экрану, где видны корпуса завода «Ползунпром» в городе Густопечь. Репортер раскачивается на конекчалке вместе с заведующим отделом рекламы Носиком, что подчеркивает игриво-непринужденную атмосферу неформального интервью.

РЕПОРТЕР: Мы находимся на территории предприятия «Ползунпром» в Густопечи. Здесь мы встретили товарища Яромира Носика, заведующего отделом рекламы. Мне кажется, товарищ Носик, что Нобелевская премия — это заслуга всего коллектива, не так ли?

НОСИК: Ну, я считаю Нобелевскую премию хорошим стимулом для нашего коллектива, но, поверьте, лучшая награда для нас — улыбки наших детей и их веселые глазки, ради которых мы и трудимся.

РЕПОРТЕР: Как все начиналось?

НОСИК: Начало было трудным. Как известно, раньше производство игрушек целиком находилось в руках мелких ремесленников, которые в тяжелейших условиях и за грошовую мзду вынуждены были...

РЕПОРТЕР: наших зрителей больше интересует новейшая история завода.

НОСИК: ...постоянно повышать производительность труда, в то время как плата за труд неуклонно понижалась. Новое время ознаменовалось поворотом в игрушечной промышленности. Мелкое производство сосредоточилось в Густопечи. Ассортимент изделий поначалу был невелик. Начали мы

с модели 101 — куклы с закрывающимися глазами и волосами из полихлорвинила. Для более взыскательных покупателей выпускалась модель 102 в трех вариантах. Она говорила «мама», «ням-ням» и «беее». Затем пришел черед модели 103 — куклы, делающей пи-пи. С этим ассортиментом мы продержались довольно долго.

РЕПОРТЕР: Сколько примерно?

НОСИК: Да лет двадцать пять. Обостряющийся кризис капиталистического мира привел к изменениям на сырьевых рынках, и конкуренция дешевых японских, южнокорейских и тайваньских товаров, ставшая возможной благодаря нищенской зарплате и нечеловеческой интенсификации труда, а также эксплуатации наемных рабочих, снизила наши экспортные возможности.

РЕПОРТЕР: На сколько?

НОСИК: На порядок, так сказать. В связи с этим мы приняли совместные обязательства в области модернизации. Результатом новых усилий стала модель 200, которую можно было водить за ручку. Затем мы разработали модель 300 — самоходную куклу с дистанционным управлением. Наконец, появилась «четырёхсотая» — с автономной системой управления. Именно тогда мы начали использовать отходы электронной промышленности. С возникновением позитронной кибернетики и ее внедрением в производство мы заключили с предприятием «Тесла» договор о поставках бракованного материала. В ответ мы предоставили работникам «Теслы» нашу базу отдыха в горах Есеники и четыре дачи с глиссерами и надувными матрацами в Ждани на Слупском озере. Так родилась модель 500. Впоследствии, на основе рацпредложения товарища Звонаря, нам удалось улучшить двигательные способности наших кукол, и на прилавках появилась «шестисотая».

РЕПОРТЕР: Совместные обязательства и деятельность рационализаторов и изобретателей и есть ключ к успеху, не так ли?

НОСИК: А иначе дело двигалось бы, так сказать, плохо. Модель 600 понравилась, но покупатели присылали кри-

тические замечания по поводу обедненного словарного запаса наших изделий. «Мама», «ням-ням» и «бее» не отвечают возросшим требованиям молодого поколения нашего социалистического общества, писали они. На производственном совещании товарищам пришлось, как говорится, крепко призадуматься. В ходе бурной самокритичной дискуссии удалось выявить скрытые резервы. С интересной инициативой выступила товарищ Урбанкова, супруг которой работает на химкомбинате в городе Усти. Он-то и помог нам получить отходы полиуретанбензола для изготовления мускулов лица. В ответ мы обязались регулярно проводить в городе Усти новогодние елки с лотереей. Так из отходов химического производства мы стали производить мускулы лица и речевого аппарата, но голосовые связки до сих пор делаем из гофрированной бумаги, которую нам, можно сказать, самоотверженно поставляет пан Яноуш, вешатель вторсырья.

РЕПОРТЕР: ...Вешатель?!

НОСИК: Ну да, он взвешивает макулатуру и сортирует ее, а когда находит гофрированную бумагу, то отлавливает ее крючком и откладывает в сторону для нас. Мы премируем его из социальных фондов. Такова история модели 700, к сожалению, принесшей нам немало огорчений.

РЕПОРТЕР: Понимаю. Производственные трудности.

НОСИК: Не совсем. Модель 700 не удовлетворяла покупателей, та же судьба постигла модели 712 и 748, хотя они были обтянуты искусственной кожей с подогревом, чтобы дети не жаловались на то, что кукла холодная. Писем с нареканиями прибывало, но добила нас пресса.

РЕПОРТЕР: Я лично работаю на телевидении только с 95 года!

НОСИК: Это был «Дикобраз». В рубрике «На остриё иглы» он обрушился на наш завод за то, что мы выпускаем глупых кукол, которые без толку шляются по квартире и мелют языком всякую чушь. Якобы наши изделия оказывают пагубное влияние на подрастающее поколение своим празд-

ным образом жизни, протаскивают мелкобуржуазную идеологию в наше общество.

РЕПОРТЕР: Несомненно, критика самая нелюбимая, но мне представляется, что именно она поспособствовала ускорению процесса модернизации на вашем предприятии.

НОСИК: Да чего уж тут приятного! Пришлось резко увеличить мощность систем управления и позитронных агрегатов, изготовленных из отходов производства. Кроме того, в нерабочее время и по субботам мы организовали школу трудового воспитания для наших изделий. Новая модель 800 должна была в обязательном порядке закончить эту школу. Таким образом, покупатели получили кукол, способных выполнять основную работу по дому, стирать, готовить пищу и так далее. Разумеется, мы повысили надежность и прочность наших изделий, пожертвовав их миниатюрностью, и нынешняя модель 900 имеет рост метр двадцать. Мы немного опасались критики со стороны потребителей, но пока отзывы самые благоприятные, если можно так выразиться.

РЕПОРТЕР: Как вы относитесь к факту злоупотребления вашими изделиями и эксплуатации их в домашнем хозяйстве взрослыми?

НОСИК: Нам известно об этом, и мы обеспокоены. Хочу воспользоваться предоставившимся случаем и посредством самого массового средства информации воззвать к общественности: не отнимайте у детей игрушки!

РЕПОРТЕР: Ведь каждый сам в состоянии убрать свой дом, не так ли?

НОСИК: Я тоже так думаю. Прежде взрослые с удовольствием поедали детские смеси, покупали для себя более дешевую детскую одежду. История повторяется. Наш завод не в силах воспрепятствовать этому. Не существует «взрослых» аналогов наших изделий, и перед хозяйкой встает выбор: вытереть пыль самой или сунуть шланг пылесоса в руки нашей кукле. Я произвожу в своей квартире испытания перспективных моделей и должен засвидетельствовать: кукла — большое облегчение для жены.

РЕПОРТЕР: А моя супруга жалуется, что ваши изделия слишком дерзки на язык и непослушны.

НОСИК: Ага, у вас наверняка модель 890, самое большое — 893. Действительно, на редкость упрямые куклы. Они руководствуются навыками, полученными в школе трудового воспитания, и не могут приспособиться к индивидуальным требованиям покупателей. Не хотят, к примеру, готовить к ужину свинину с капустой под предлогом того, что это вредно для здоровья. Мы получали массу рекламаций. С трудом удалось достать и внедрить субмиссивные элементы позитронных отходов, но зато новые модели, начиная с 894-й, во всем соглашаются с потребителями.

РЕПОРТЕР: А какие сюрпризы вы готовите детям?

НОСИК. *(Протягивает руку за кадр. Ассистентка подает ему картонную коробку. Он торжественно извлекает оттуда грубо отесанную колоду, выкрашенную белой краской, с наспех размалеванными глазами, носом и ртом. Колода завернута в разноцветную тряпку.)* Вот наша тысячная модель, уже принято решение о производстве экспериментальной серии. Наконец-то детям будет с чем играть. Ведь трудимся мы не ради Нобелевских премий, а ради веселых глазок и улыбок наших маленьких покупателей.

Камера наезжает на деревянную куклу. Титры, позывные студии.

Франко Оссола

«Дерби» и компьютер

— Право же, подобные испытания может провести только профессор Паллер, великий ученый-кибернетик. При этом лишь у него есть «Колоссус» — сверхсовершенный компьютер с программным управлением, действительно способный проанализировать все необходимые данные. А их десятки тысяч, они взаимосвязаны, ну а число ва-

риантов сочетаний столь велико, что дух захватывает. Обычное электронное устройство при таких обстоятельствах наверняка не выдержало бы невероятной нагрузки. И уж ответа мы бы, разумеется, не дождались. А потому, уважаемые коллеги, я предлагаю отправить весь собранный нами материал профессору Паллеру и подождать, твердо веря в успех, какие выводы сделает компьютер. Профессору Паллеру придется пройти через тяжкие, мучительные испытания, уделом ему будет изнурительный труд. Но ведь тот, кто достиг славы виднейшего ученого, должен постоянно доказывать, что он ее достоин. Не так ли?

Спортивный конгресс, выслушав докладчика, постановил: передать все бесчисленное множество информации непосредственно профессору Паллеру... Его мегакомпьютер безусловно разберется в хаосе сведений и материалов и позволит получить точный ответ.

Профессор Паллер не только с радостью принял предложение итальянских ученых, но и выказал живейший интерес к поставленной проблеме. Прежде ему не приходилось решать подобные задачи, и потому он с особым любопытством и даже с поистине юношеским энтузиазмом принялся за дело.

Он должен был с помощью компьютера предугадать исход футбольного матча, учтя даже самые мелкие подробности. Если бы ему удалось дать точный прогноз, это стало бы удивительной, потрясающей, невероятной победой человека, зримым доказательством его уникальных способностей и таланта. Сокрушить случайность, непредвиденные отклонения. Да разве это не приведет со временем к полному торжеству разума и цивилизации во всей Галактике?! Искушение для профессора Паллера и его сотрудников было весьма велико. Они тут же ринулись на битву с иррациональным, непредсказуемым, мистическим во имя триумфа мудрого расчета и строго научного подхода к любым, казалось бы, неразрешимым проблемам.

Паллер уже на следующий день приступил к работе. В успехе он абсолютно не сомневался. «Колоссус» не только мог «переварить» устрашающее количество данных, но обладал также на редкость рациональным «мышлением», что помогало ему в любых трудных случаях. Да, его «Колоссус» — чудо техники, и ошибка практически исключена.

И вот на компьютер стали поступать данные, лавина сведений, дат, цифр, описаний футбольных встреч, исторических воспоминаний. Первыми на перфоленду попали учетные карточки всех до единого участников воскресного матча, а также — запасных игроков. За ними — карточки тренеров, президентов футбольных клубов высшей лиги, массажистов и даже болельщиков обеих команд. Затем были переданы результаты всех встреч обеих команд, географические и геофизические данные, сведения о состоянии футбольного поля. Какой оно засеяно травой, глинистая там почва или же песчаная, из чего сделаны ворота, в бутсах какой фирмы будут играть футболисты, как близко к воротам расположатся болельщики, мощность их рева в децибелах, объем легких главного судьи, коэффициент умственных способностей судей на линии, виды рекламы, вес мяча, прогноз погоды, вероятные травмы игроков в ходе матча. Кроме того, были обобщены сведения обо всех близких родственниках футболистов, физические данные судей, психические особенности и причуды болельщиков, привычки продавцов спиртных напитков и соков.

Это была гигантская, поистине нечеловеческая работа. Кто угодно уже отступился бы, обезумев от подсчетов, бессонных ночей и неудач. Только не профессор Паллер и «Колоссус». Они преодолели все чудовищные трудности. Два месяца спустя, обработав бесчисленные варианты, компьютер выдал абсолютно точный прогноз, и профессор Паллер сообщил итальянским ученым, с каким счетом закончится матч и как он будет протекать. Всякие сомнения в ошибке профессором Паллером заранее отметались. Для электронного анализа была выбрана встреча между

командами «Ювентус» и «Торино». Обе они из одного и того же города Турина и пользуются всемирной известностью. Так что исход этого матча, именуемого «дерби», вызвал огромный интерес болельщиков не только Италии, но и всего мира. Коль скоро профессору Паллеру и его электронному гению удастся предугадать результат матча, слава несравненного ученого затмит всех остальных светочей науки нашей планеты.

Наступило воскресенье. Начался долгожданный матч. На поле сразу же развернулась напряженная борьба. Девяносто минут игры на переполненном стадионе, при точно предсказанной погоде и адекватных эмоциях болельщиков, пролетели незаметно. Впрочем, и это было предусмотрено компьютером.

С прогнозами профессора Паллера не совпало лишь одно — конечный результат. Он оказался совершенно противоположным тому, что предсказал «Колоссус».

Когда профессор Паллер узнал, каков счет матча, его едва не хватил удар. Он побледнел как полотно и издал ужасный, нечеловеческий вопль, в котором слились ярость, боль, отчаянье, мука, черная скорбь. Рухнули все его радужные надежды, он потерпел фиаско, полное фиаско!

До конца недели он судорожно искал причину фатальной ошибки. «Колоссус» подвергся испытанию при сверхнагрузках даже для мегакомпьютера. Были вновь проанализированы все данные и сведения, и не обнаружилось ни единой ошибки как в самой программе, так и в ее обработке. Все узлы «Колоссуса» действовали безотказно, с предельной эффективностью и точностью. Как же тогда объяснить полнейший провал эксперимента, безупречного с научной точки зрения?

Понять это профессору Паллеру и его сотрудникам так и не удалось. Кто-то предположил, что тут не обошлось без инопланетян или чертовщины. Но это, разумеется, уже плоды необузданного воображения, досужие вымыслы.

С тех пор от Паллера осталась лишь тень прежнего горделивого ученого. Он осунулся, сник, забросил научную

работу, преподавание и целыми днями и ночами анализировал и пересматривал бесчисленные данные и сведения, «проклятую» информацию, которая не поддавалась научно-му прогнозированию. В конце концов от отчаяния он сошел с ума.

Между тем ответ был прост. Среди многих десятков тысяч данных, введенных в «Колоссус», отсутствовало одно-единственное слово — «дерби».

Эрно Паасилинна

На бирже труда

К прилавку подходит дама в шляпке и просит подобрать ей инженера.

— Мне необходим инженер,— говорит она,— и желательно не очень большой. В прошлый раз вы мне подсунули настоящего великана, мой муж был просто в ужасе. Нам так и не удалось его прокормить... Нет ли у вас в продаже чего-нибудь новенького, весеннего?

Продавец отвечает, что он как раз получил партию новоиспеченных инженеров весеннего выпуска. Дама выбирает товар, его упаковывают. Дама получает сдачу. Продавец уверяет, что инженеры разошлись, как горячие пирожки,— он даже подумывает заказать дополнительную партию, раз они пользуются таким большим спросом у покупателей. Да, в этом году с инженерами определенно повезло! Оказывается, что даме нужен еще и техник, она собирается установить его в чертежном отделе.

— Взгляните, вот этот, упитанный, прибыл к нам прямо из Тампере. За такого и деньги отдать не жаль. А станет за чертежную доску, так на него просто посмотреть приятно. Скажу вам по секрету, на них сейчас очень большой спрос. Ну как, завернуть?

Дама подозрительно оглядывает техника. Она находит,

что «товар» недостаточно интеллигентен да еще и волосом черен, в особенности брови — страшные.

— Неужели у вас нет чего-нибудь посветлее, более весеннего, что ли?

— Послушайте, госпожа, этот образец проверен начальством,— уговаривает продавец.— По-моему, техник выпечен на славу, и потом, не в наших правилах продавать второй сорт. А вот и знак качества, убедитесь сами.

Но покупательница выражает настойчивое желание еще раз все хорошенько обдумать и взвесить.

— Тут думай не думай, все равно не поможет, это ж серийное производство. Ну что, упаковать? — тараторит продавец.

Тем временем в магазине появляется представительный господин, он расхаживает перед прилавком, ощупывает всех пожилых преподавательниц подряд и никак не может сделать выбор.

— Вы случайно не «историчку» ищете? — предлагает свои услуги продавец.— Вот отличный экземпляр, мы уже продали таких во многие семьи. Ей и места почти не требуется. Божий одуванчик! Стоит, разумеется, недешево, но тут уж ничего не поделаешь: если питаешь страсть к старине, давай раскошеливайся. Я с вами вполне согласен, этот «антиквариат», по-моему, куда интереснее современных!

Покупатель неуверенно заглядывает в учительшины зрачки и пытается нащупать у нее пульс.

— Да, хороша, ничего не скажешь! Но мне эта ваша «историчка» ни к чему. Мне же «англичанка» нужна! У вас там на складе случайно преподаватели английского не завалились?

Продавец куда-то уходит и спустя некоторое время возвращается с девушкой в руках, бережно кладет ее на прилавок и объясняет, что это, оказывается, товар прошлого года.

— Кстати, у нее и по истории отметки неплохие. Одним ударом двух зайцев ухлопать, что вам еще нужно?

Хорошенькая, миниатюрная. Мы можем даже чуточку снизить цену, раз уж она залежалась.

Покупатель берет «англичанку» на руки и относит в машину. Мимоходом он перебрасывается с ней несколькими словами, отмечая про себя, что девица ой-ой какая смекалистая, заботливо пристегивает ее защитным ремнем и, довольный, едет домой. Ему нужно бы приобрести еще и служанку, но он решает отложить это до следующего раза. Он прибавляет скорость и по дороге знакомит новенькую преподавательницу с окружающим пейзажем. Та отвечает, что пейзаж ей очень нравится, и неожиданно спрашивает: — Простите, а вы женаты?

...В магазине раздается телефонный звонок, это директор газетного концерна просит подыскать двух толковых редакторов. Один нужен в качестве «свежей головы», а другой — чтобы писать статьи по заказу клиентов. Продавец отвечает, что «свежие головы», к сожалению, кончились: с тех пор как стало два выходных дня, они просто нарасхват. Но можно еще заказать, если угодно, и пришлют довольно скоро. Зато сочинителей он может предложить целых два типа, только что университет окончили, в экономике и политике великолепно разбираются.

— Не прислать ли вам для разнообразия политического обозревателя? — спрашивает он. — Современные, для любого курса годятся, у них на спине специальные кнопки для переключения. И стоят недорого. Ха-ха, такое ощущение, что спрос на политиканов год от года падает, — шутит он.

Представитель судоходной компании выбирает полицейского.

— Ага, я вижу, вам нужен блюститель порядка, — мгновенно подсказывает продавец. — Что ж, у нас отличный выбор. Проворные ребята, для любых драчек годятся. Право на покупку есть? У них ведь при себе оружие имеется! Ну как, завернем для вас парочку этих спортивных мальчиков или вам больше приглянулся офицер из тайной полиции?

Покупатель устанавливает руку офицера в положение «отдать честь» и с минуту ждет результата.

— Да, хорош офицер — не рука, а автомат! Еще бы имя свое умел назвать, и с него достаточно. Но мне такой ни к чему, мне нужен молодой полицейский для рейсов в Швецию. Ваши мальчики говорят по-шведски?

— Сейчас поглядим, — отвечает продавец. Он достает из нагрудного кармана робота инструкцию, читает ее про себя и говорит: — Да, конечно, этот парень и шведский знает. Способный мальчишка и на вид здоровущий. С таким на судне порядок обеспечен. Вам как, с собой завернуть или прислать на дом?

— Скажите, у вас форма обмена существует? — спрашивает покупатель. — Нельзя ли его обменять? У меня там в машине констебль один сидит, подержанный, правда, но держится молодцом, движение и то регулирует.

— Обменять? — недовольно морщится продавец. — Хм, ну ладно, на сей раз обменяем, пожалуй, — соглашается он и обещает сбавить пятьсот марок, хотя без особой радости. — А нервы-то у него в порядке? Сможет он выкрутиться из ЧП? Иногда нам приносят такую рухлядь, просто не знаешь, куда ее девать, — жалуется он. — Хоть в нагрузку продавай! Старичье-то нынче на бирже успехом не пользуется!

Роберт Сильверберг

Кредитная лавка Компании

Колонист Рой Уингерт дрожащими руками выхватил бластер и чуть ли не в упор прицелился в слизистую червеобразную тварь, извивавшуюся за только что выгруженными ящиками со снаряжением.

А они еще уверяли меня, будто планета необитаема, подумал он. Уфф!

Он нажал на спусковой крючок. Из дула вылетела лиловая струйка огня, и в воздухе разнесся смрад горелого мяса. Уингерт брезгливо отвернулся и как раз вовремя — еще четыре точно такие же твари подбирались к нему с тыла.

Едва он успел обратить их в пепел, как две другие свесились с ветки дерева, под которым он стоял.

Начиная осваиваться с обстановкой, Уингерт уложил и эту парочку. Поляна стала напоминать двор скотобойни. По лицу колониста ручьями катил пот, желудок протестовал и рвался наружу, а волосы вставали дыбом при мысли о том, что все три года, на которые он завербовался на планету Келлак, ему придется беспрестанно поджаривать этих гигантских червяков.

Еще две твари выползли из-под трухлявого поваленного бурей ствола. В длину они достигали почти двух метров, а их челюсти были размером с хорошую пилу-ножовку и противно блестели в ярком свете келлацкого солнца. *Ни одного опасного существа*, подумал Уингерт. Вот влип! Он перезарядил бластер и сжег червеобразных нахалов.

Громкий треск заставил его обернуться. Сквозь опушку к нему спешило существо, похожее на огромного серого паука. Существо было уже метрах в тридцати и выглядело очень голодным.

Расправив плечи, Уингерт приготовился встретить нового противника. Но едва он собрался выстрелить, как краем глаза уловил какое-то движение справа. Еще один паук торопливо продирался сквозь кусты.

— Прошу прощения, сэр,— раздался за его спиной высокий скрипучий голос,— похоже, что вы попали в несколько затруднительное положение. Не желаете ли приобрести Дюармовский Карманный Генератор Защитного Поля? Стоит он всего...

— Плевать мне, сколько он стоит! — завопил Уингерт. — Включайте его поскорее. Пауки уже совсем близко.

— Слушаю, сэр.

Раздался негромкий щелчок, и вокруг Уингерта вспыхнул

голубой мерцающий пузырь защитного поля. Пауки с ходу врезались в него, и их отбросило назад.

Уингерт устало опустил на один из ящиков с багажом. Он весь взмок.

— Благодарю вас. Вы спасли мне жизнь. Но кто вы такой и какого черта вы здесь делаете?

— Позвольте представиться. Меня зовут РК-41. Робот-коробейник новейшей модели. Изготовлен на Денсоболе-2. Не так давно я попал на эту планету и, увидев вас в столь трудной ситуации...

Только тут Уингерт разглядел, что его собеседником и впрямь был робот. Очертания его туловища отдаленно напоминали человеческие, только вместо ступней — тяжелые гусеничные траки.

— Пойдите! Давайте еще раз с начала. Вы — новая модель чего?..

Пауки, удерживаемые силовым полем, продолжали плотоядно тарачиться на Уингерта.

— Я — робот-коробейник. В мои функции входит распространение во всей цивилизованной части Галактики товаров и продуктов, изготавливаемых Ассоциацией ремесленников и фабрикантов на Денсоболе-2.

Резиновые губы робота расплылись в масляной улыбке.

— Коли угодно, можете считать меня механическим коммивояжером. Вы часом не с Земли?

— Да, но...

— Так я и думал. Сравнивая вашу внешность с данными о фенотипе, хранящимися в моих ячейках памяти, я давно уже пришел к заключению, что вы земного происхождения. Премного благодарен за подтверждение.

— Рад слышать. Денсоболе-2 — это, кажется, где-то в Магеллановых Облаках. В Большом или в Малом?

— В Малом. Но вот что странно. Коли вы с Земли, то почему вы никак не отреагировали на мои слова о том, что я — коммивояжер?

— А как я должен был реагировать? — нахмурился Уингерт.— Захлопать в ладоши или пошевелить ушами?

— Ваша реакция должна была быть окрашена в юмористические тона. Согласно моим банкам данных, одно лишь упоминание о коммивояжерах вызывает у землян в памяти бесчисленные шутки и анекдоты и настраивает их на веселый лад.

— Простите великодушно,— извинился Уингерт,— но я, к сожалению, несколько нетипичен для землянина. Поэтому-то я и завербовался в колонисты.

— О да. Я как раз пришел к заключению, что отсутствие стандартной реакции вызвано у вас фундаментальным разладом между вашим общественным статутом и культурным гештальтом. Приятно слышать, что я не ошибся. Поскольку я представляю собой экспериментальную модель, на мое обучение было затрачено немало усилий. Мне не терпится испытать на вас свои коммивояжерские таланты.

Уингерт почти совсем уже пришел в себя.

— А этот генератор... как там его... вы его тоже продаете? — спросил он, пугливо озираясь на пауков.

— Дюармовский Генератор — одна из новинок сезона. Действует только в одну сторону. Снаружи поле непреодолимо, а изнутри сквозь него можно стрелять.

— Что же ты раньше этого не сказал?! — Уингерт вытащил бластер и двумя меткими выстрелами расправился с нападающими.— Такие вот дела,— произнес он.— Подождем, пока появятся следующие.

— Боюсь, что ваше ожидание может затянуться,— игриво проговорил робот,— эти твари — они с другого континента. Здесь они не водятся.

— Как же тогда они сюда попали?

— А это я их принес,— радостно объявил робот.— Я насобираю самых вредоносных существ, какие только водятся на этой планете, чтобы наглядно продемонстрировать вам необходимость покупки Дюармовского Генератора...

— Так это ты их притащил? — Уингерт встал и угро-

жающе направился к роботу.— Это что, просто рекламный трюк? А если бы они меня слопали?

— Как вы убедились, я полностью контролировал ситуацию. Стоило только событиям принять угрожающий оборот, как я сразу же вмешался.

— Убирайся отсюда! — вскипел от ярости Уингерт.— Пошел прочь! Мне пора лагерем заняться. Уходи!

— Да, но вы мне должны...

— Мы сведем счеты потом. А сейчас убирайся.

Робот двинулся прочь. Уингерт следил за ним, пока он не исчез за кустами.

Оставшись один, Уингерт попытался взять себя в руки. Торговая уловка робота-коммивояжера начала ему казаться даже забавной. Грубоватая затея, но в остроумии ему не откажешь — натравить всяких вредоносных тварей, а в последнюю секунду предложить купить защитное поле. Но если ты подсыпал яду, чтобы продать противоядие, то не стоит этим хвастать перед своей жертвой.

Уингерт задумчиво огляделся, надеясь, что робот не соврал. Ему вовсе не улыбалось провести все три года на Келлаке, сражаясь с опасными тварями.

Генератор все еще работал. Уингерт после недолгого изучения нашел рычаг, управляющий полем. Он увеличил радиус пузыря до тридцати ярдов. Внутри все пространство было усеяно трупами недавних врагов.

Поиграли, и хватит, пора браться за дело. Вот уже час, как он высадился на Келлаке, и все это время только тем и занимался, что защищал свою жизнь.

В Руководстве Колониста было сказано: *Сразу же по прибытии на новую планету следует установить массопередатчик.* Уингерт захлопнул Руководство и принялся разглядывать разбросанные по поляне ящики со своими пожитками. Наконец он обнаружил большой желтый контейнер с надписью: «МАССОПЕРЕДАТЧИК! НЕ КАНТОВАТЬ!»

Достав из ящика с инструментами ломик, Уингерт осторожно вскрыл крышку. Внутри был металлический ящик,

окрашенный светло-серой эмалью. Это был самый важный предмет во всем его снаряжении, его единственный контакт с далекой Землей.

В Руководстве было сказано: «С помощью массопередатчика Компания бесплатно снабжает колониста всеми насущно необходимыми товарами».

Насущно необходимые товары, усмехнулся Уингерт. Ботинки, сигары, пилюли счастливых сновидений, сенсофильмы, шампанское — только поспевай заказывать. Все радости жизни. А еще говорят, будто колонизация планет — тяжкий труд. С массопередатчиком первопроходцу обеспечена райская жизнь.

Разве что найдется полоумный робот, которому взбрдет доставлять сюда пауков с другого континента, мрачно подумал Уингерт.

Окончив распаковывать массопередатчик, Уингерт решил, что он похож на письменный стол, страдающий слоновьей болезнью — крышка на двух огромных грушевидных тумбах, на одной надпись ПРИЕМ, на другой — ОТПРАВЛЕНИЕ. Крышка представляла собой пульт со множеством кнопок и клавиш. Уингерт нашел красную кнопку ПУСК и нажал ее. Массопередатчик ожил. На нем засветились шкалы и забегали стрелки. По экрану поползли цветные полосы, затем вспыхнуло изображение.

На Уингерта глядела кроткая пухлая физиономия.

— Здравствуйте. Меня зовут Смазерс. Я говорю с вами с Земли. Я — диспетчер всех массопередатчиков с серийными номерами с АЯ-1061 по ВК-80. Назовите свою фамилию, регистрационный номер и координаты.

— Рой Уингерт. Номер 76-032-10с3. Планета — Келлак, а что касается координат, так я их наизусть не помню. Сейчас посмотрю в контракте...

— В этом нет нужды, — отозвался Смазерс, — назовите только серийный номер вашего массопередатчика. Он выгравирован справа на специальной пластинке.

— АЯ-1142, — прочитал Уингерт.

— Все верно. Компания приветствует вас, колонист

Уингерт. Как вам понравилась планета?

— Не слишком.

— Это еще почему?

— Она населена враждебными существами. А в контракте четко сказано, что меня высадят на необитаемой планете.

— Перечитайте контракт еще разок, колонист Уингерт. Насколько я помню, там сказано, что в месте своего обитания вы не встретите никаких опасных существ. Наша разведывательная экспедиция обнаружила опасные формы жизни на другом континенте к западу от вашего, но...

— Видите эти трупы?

— Да.

— Их убил я. Мне пришлось это сделать, чтобы спасти собственную шкуру. Они напали, едва только взлетел высадивший меня корабль.

— Должно быть, забрели сюда с другого континента,— ответил Смазерс.— Весьма странно. Если у вас будут еще затруднения такого рода, не забудьте о них сообщить.

— Можете не сомневаться. Спасибо за ценный совет.

— А теперь к делу,— сухо продолжал Смазерс.— Хочу напомнить, что Компания всегда готова служить вам. Как сказано в контракте: *Компания снабжает колониста всем насущно необходимым*. Вы уже, наверное, прочитали об этом в своем Руководстве. Не угодно ли сразу сделать первый заказ? Компания стремится к тому, чтобы ее служащие ни в чем не испытывали недостатка.

Уингерт задумался.

— Видите ли, я еще даже не успел распаковать вещи. Думаю, что пока мне ничего не нужно, разве что... да, верно. Пришлите мне, пожалуйста, пачку старинных лезвий и крем для бритвы. Терпеть не могу новомодных вибробритв.

Смазерс подавил смешок.

— А почему бы вам не отпустить бороду?

— Не хочу,— сухо ответил Уингерт.— Она колется.

— Отлично. Я немедленно прикажу столу заказов пере-

слать машине АЯ-1142 пачку лезвий и тюбик крема. До новой встречи, колонист Уингерт. Желаю вам удачи.

— Благодарю,— буркнул Уингерт.— И вам того же.

Он отвернулся от погасшего экрана и осмотрел границу защитного поля. Не заметив ничего угрожающего, он выключил генератор.

Если бы не кровожадные хищники с западного материка, подумал он, то жить здесь было бы совсем не плохо. Планета земного типа, шестая по порядку от своего солнца — небольшой желтой звезды из главной последовательности. Почва красная от солей железа, но, судя по буйной растительности, достаточно плодородная. Небольшой ручеек огибал поляну и терялся в розовой дымке за горизонтом.

Если бы не пауки, то жить здесь можно. Без пауков и без зубастых червей.

По контракту он должен был «подготовить» отведенную ему планету для ее последующего заселения компанией «Колонизация планет». Его задачей было обжить планету прежде, чем начнется массовый заезд эмигрантов.

За это Компания обязалась платить ему 1000 долларов в месяц, а также снабжать его через массопередатчик «всем насущно необходимым».

Что ж, решил Уингерт, это не самый плохой способ зарабатывать на жизнь.

Над верхушками деревьев лениво плыло зеленоватое облачко. Уингерт оттащил в сторону обугленные туши и улегся на теплой красноватой почве, прижимаясь спиной к надежной громаде массопередатчика. Перед ним на поляне были разбросаны еще восемь или девять ящиков с прочими пожитками.

Сюда, на Келлак, он добирался три недели на космолете первого класса МОГРИД. По сравнению с массопередатчиком это просто черепашья скорость. Но через массопередатчик можно за один прием переслать не более двадцати килограммов. Уингерт весил около шестидесяти килограммов, и ему не слишком улыбалась перспектива путешествовать в три приема — порциями, так сказать. А кроме того, по-

скольку на Келлаке до его высадки вообще не было ни одного массопередатчика, то проблема в целом приобретала несколько академический характер.

На опушке защebetала какая-то пичуга. Уингерт зевнул. Солнце было еще высоко, и ему не хотелось возиться с разбивкой лагеря. В Руководстве говорилось, что для этого довольно одного часа. Позже, когда солнце низко опустится над грядой красноватых гор, он установит надувной купол и распакует остальные ящики. Сейчас ему хотелось только одного — расслабиться, забыть про смертельное напряжение первых минут.

— Простите, сэръ,— раздался знакомый скрипучий голос,— я тут случайно услышал, как вы заказали бритвенные лезвия, и подумал, что было бы только справедливо проинформировать вас, что я располагаю значительно более лицеприятным продуктом.

Мгновенно Уингерт оказался на ногах и свирепо уставился на робота.

— Я же велел тебе убираться прочь. Вон отсюда!

Ничуть не смутившись, робот достал маленький прозрачный тюбик с зеленоватой пастой.

— Перед вами Глогамовская Жидкость Для Уничтожения Волос,— объявил робот,— один доллар тюбик.

Уингерт отрицательно покачал головой.

— Все необходимое я получаю с Земли бесплатно. А кроме того, я люблю бриться безопасной бритвой. Будь добр, уходи.

Вид у робота был совершенно подавленный — насколько это вообще возможно для робота.

— Вы никак не хотите взять в толк, что ваше нежелание покупать у меня бросает тень на мои торговые способности, и дело может кончиться тем, что по окончании испытательного срока меня просто разберут на запчасти. Поэтому я категорически настаиваю, чтобы вы относились к моим товарам без предубеждения.

Внезапно лицо РК-41 озарило торговое вдохновение:

— Я возьму на себя смелость предложить вам один

образчик бесплатно. Воспользуйтесь Глогамовской Жидкостью только раз и вы в жизни больше не притронетесь к безопасной бритве.

Робот отлил немного зеленой жидкости из тюбика в пузырек и подал его Уингерту.

— Возьмите. Я удаляюсь, но в скором времени вернусь, чтобы выслушать ваше решение.

Тяжело приминая кусты, робот скрылся из виду. Уингерт потер ладонью колючий подбородок и задумчиво посмотрел внутрь сосуда.

Жидкость Глогама для удаления волос? Продаваемая странствующим роботом-коробейником РК-41. Уингерт кисло усмехнулся. Мало того, что на Земле никуда не скроешься от рекламы, так нет же, и здесь, в самой что ни на есть космической глуши навязался на шею бродячий робот с Денсобола с тюбиком крема для удаления волос.

Что ж, если этот робот-коммивояжер хоть сколько-нибудь похож на своих земных коллег, то единственный способ от него отделаться — это что-нибудь у него купить. К тому же у бедняги истекает испытательный срок, и если он ничего не продаст, так его и впрямь могут разобрать на запчасти.

Уингерт когда-то и сам был коммивояжером и невольно посочувствовал роботу.

Осторожно вылив несколько капель Глогамовской Жидкости на ладонь, он потер щеку, ощутив легкий холодок и приятное покалывание. Как бы эта штука не проела мне насквозь челюсть, подумал он и вытащил из кармана маленькое зеркальце.

В тех местах, на которые попала жидкость, кожа была гладкой и розовой. Уже много лет ему не удавалось так чисто побриться. Он энергично принялся растирать лицо остатками жидкости, и тут обнаружил, что робот отлил ему ровно столько, чтобы хватило на одну щеку и кусочек подбородка.

Уингерт усмехнулся. Этот робот, может, малость простоват и чересчур педантичен, но в знании элементарных истин торговли ему не откажешь.

— Ну как? Вы удовлетворены? — осведомился РК-41.

— Ловко ты работаешь, приятель,— улыбаясь, ответил Уингерт.— Даешь на пробу так, чтобы хватило только на одну щеку. Но средство отличное, спору нет.

— Сколько тюбиков вам угодно купить?

Уингерт достал бумажник. Он не ожидал, что земные деньги могут пригодиться на новой планете. В бумажнике было всего шестнадцать долларов, три бумажки — десять, пять и один доллар,— случайно сохранившиеся к моменту отлета с Земли.

— Один,— ответил он, подавая роботу потертую асигнацию.

РК-41 вежливо поклонился, открыл дверцу у себя на груди и достал из внутреннего хранилища тюбик, из которого прежде отлил Уингерту на пробу.

— Ах, вот ты как! — быстро проговорил землянин.— Из этого тюбика ты мне только что давал на пробу, а ты ведь сказал, что за пробу денег не берешь. Нет, давай полный тюбик.

— Ох уж эта врожденная любовь землян торговаться,— мрачно заметил робот.— Недаром она вошла в поговорку. Мне остается только признать свое поражение.

Он подал Уингерту непечатый тюбик. Внимательно рассмотрев покупку, Уингерт засунул ее в карман комбинезона.

— А теперь, с твоего позволения,— сказал он,— я займусь делом.

Он обошел улыбающегося робота и принялся вскрывать контейнер с надувным куполом. Неожиданно из массопередатчика послышалось громкое гудение, за которым последовал глухой стук.

— Ваша машина что-то вам доставила,— подал голос робот.

Уингерт открыл дверцу тумбы с надписью ПРИЕМ и вытащил маленький пакет, аккуратно упакованный в пластик. Под оберткой оказалась пачка бритвенных лезвий, тюбик крема для бритья и сложенный вдвое счет. В счете значилось:

Бритвенные лезвия (согласно заказу)	долл. 00 цент 23
Крем для бритья (согласно заказу)	»» 00 » 77
Транспортные расходы	»» 50 » 00

Итого: »» 51 » 00

— Вы побледнели,— сказал робот,— может быть, вам нездоровится? Могу предложить вашему вниманию Самокалибрующийся Врачебно-Диагностический Сервомеханизм Дерблонга, который...

— Ничего мне не надо,— мрачно отозвался Уингерт.— Шел бы ты отсюда и не путался под ногами.

Подойдя к массопередатчику, Уингерт свирепо нажал на кнопку.

— Здравствуйте, колонист Уингерт,— послышался вкрадчивый голос Смазерса,— что-нибудь стряслось?

Уингерт даже задохнулся от негодования.

— Что это еще за жульнические фокусы? Я получил лезвия, а вместе с ними счет за доставку на 50 долларов. Мы же улаивались, что вы будете меня снабжать бесплатно! Это и в контракте оговорено...

— В контракте сказано, что вас будут снабжать всем *насущно необходимым*, колонист Уингерт,— прервал его Смазерс,— там нет ни слова о бесплатном снабжении *предметами роскоши*. Если бы Компании пришлось бесплатно удовлетворять всяческие прихоти колонистов, то такого финансового бремени она не вынесла бы.

— Лезвия, по-вашему, предмет роскоши? — Уингерт с трудом удержался от желания стукнуть по пульта кулаком.— Как только у вас хватает нахальства?

— Большинство колонистов предпочитают отращивать бороду. А если вам, колонист Уингерт, не нравится борода, так мы тут ни при чем. Компания...

— Слышал уже. Компания не вынесла бы такого финансового бремени. Ладно. Впредь постараюсь заказывать более осторожно. А сейчас заберите свои чертовы лезвия назад и аннулируйте заказ.

Он вложил пакет в тумбу с надписью ОТПРАВЛЕНИЕ и нажал кнопку.

— Зря вы это сделали,— сказал Смазерс,— мне очень жаль, но теперь мы будем вынуждены приписать к вашему счету еще 50 долларов за обратную пересылку.

— Что?!!

— Впредь, однако, мы постараемся заранее оповещать вас о тех грузах, пересылка которых будет связана с транспортными расходами.

— И на том спасибо.

— Раз уж вы отказались от бритвенных лезвий, то теперь, я полагаю, вы все-таки отпустите бороду. Так я и думал. Почти у всех наших колонистов есть борода.

— А я обойдусь без нее. Здесь минут десять назад проходил странствующий робот с Денсобола; так он продал мне тюбик средства для удаления волос.

Глаза у Смазерса чуть не вылезли на лоб.

— Вам придется немедленно расторгнуть эту сделку,— произнес он жестким голосом.

Уингерт ошалело посмотрел на экран.

— Как?! Вы и здесь собираетесь вмешиваться?

— Покупка припасов у кого-либо помимо Компании является грубейшим нарушением контракта. Зарубите это на носу, колонист Уингерт. Мы вынуждены будем наложить на вас крупный штраф. В конце концов мы заключили с вами соглашение и взялись снабжать вас всем необходимым. Обращаясь к посторонним поставщикам, вы тем самым лишаете Компанию возможности оказывать вам услуги. Надеюсь, вы меня поняли, колонист Уингерт!

От ярости Уингерт лишился дара речи. Прошло не меньше минуты, прежде чем он сумел выговорить:

— Ах вот как! Выходит, каждый раз, когда я закажу у вас пачку лезвий, мне придется платить 50 долларов за пересылку, но если я попытаюсь купить что-либо на стороне, меня оштрафуют за нарушение контракта? Да ведь это... это просто произвол! Это рабство! Вы не имеете права...

— Осторожнее бросайтесь подобными обвинениями, колонист Уингерт. Чем зря клеветать на Компанию, лучше перечитайте внимательно контракт.

— Плевал я на контракт! Я буду покупать что хочу и где хочу!

Смазерс торжествующе ухмыльнулся.

— Я боялся, что вы скажете именно это. Теперь, как вы понимаете, у нас появилась легальная возможность представить к вам телесыщика. Мы будем следить за каждым вашим шагом, и вам больше не удастся обкрадывать Компанию и нарушать контракт.

— Только попробуйте! — воскликнул Уингерт.— А я вдребезги разнесу массопередатчик. Как вам тогда удастся за мной подсматривать?

— Тогда это будет невозможно,— согласился Смазерс.— Но только не забывайте, что повреждение массопередатчика — это тяжкое преступление и оно наказывается *очень* крупным штрафом. Всего доброго, колонист Уингерт.

— Эй! Не выключайте связи! Вы не имеете права...

Уингерт несколько раз нажал кнопку, однако Смазерс уже отключился и на вызовы не отвечал.

Помрачнев, Уингерт отвернулся от массопередатчика и уныло присел на край ящика.

— Позвольте предложить вам Сугратовские Противохандринные Пилюли,— радушно предложил РК-41,— в выгодной крупнооптовой упаковке.

— Заткнись и оставь меня в покое.

Уингерт тоскливо рассматривал начищенные до блеска мыски собственных ботинок. Да, ловко эта Компания скрутила его по рукам и ногам. Денег нет, и нет способа вернуться на Землю, разве что разрубить себя на три равные части и переслать по массопередатчику. А как ни привлекательна планета Келлак, все же она во многих отношениях уступает Земле. Например, на ней не растет табак. А Уингерт был заядлым курильщиком.

Коробка сигар обойдется ему в 2.40 плюс 75 долларов

за доставку. А Смазерс, ухмыляясь, будет объяснять ему, что курение — это роскошь.

Сенсофильмы? Роскошь! Массопереносчики? Ну, эти еще, может быть, и подпадут под контракт, поскольку они являются орудиями труда. Но общая идея совершенно ясна. Когда он отработает свои три года, на его счету будет 36 000 долларов минус оплата различных услуг. Если он выпутается из этой истории, задолжав Компании меньше 20 000 долларов, то можно считать, что ему повезло.

О том, чтобы расплатиться, нечего и думать. Таких денег у него сроду не было и не будет. И тогда человеколюбивая Компания предложит ему на выбор: или садись в тюрьму, или вербуйся еще на три года. Его перебросят на другую планетку, и к концу нового срока его долг вырастет по меньшей мере вдвое.

И так из-за этого чертова контракта он с каждым годом будет увязать все глубже. Весь остаток жизни он будет осваивать для Компании новые планеты, не имея за душой ничего, кроме умопомрачительного долга.

Да, это хуже рабства!

Не может быть, чтобы из этого положения не было бы выхода!

Но после того, как Уингерт чуть ли не час перечитывал вдоль и поперек свой контракт, ему пришлось признать, что выхода нет.

Он свирепо напустился на улыбающегося робота:

— Нечего тебе здесь крутиться. Продал одну вещь, и хватит с тебя. Мотай отсюда.

РК-41 отрицательно покачал головой:

— Вы все еще должны мне 500 долларов за Генератор. А потом, неужели вы думаете, что я вернусь домой, продав всего лишь две вещи? Да меня тут же разберут на запчасти и начнут выпускать модель РК-42!

— Ты что, не слышал, что мне сказал Смазерс? Если они засекут, что я у тебя что-нибудь купил, так обвинят меня в нарушении контракта. Уходи и забирай с собой

свой генератор. Сделка расторгнута. Поищи себе другую планету. У меня и своих забот хватает.

— Нет уж, извините,— сказал робот, и в его мягком голосе Уингерту послышались угрожающие нотки,— это семнадцатая планета, которую я посетил за свой испытательный срок, и что я продал за все это время? Единственный тубик Глогамовской Жидкости? Я не смею вернуться с такими результатами.

— Тогда попытай счастья на новом месте. Найди планету простаков и устрой крупную распродажу. А я не могу у тебя покупать.

— Боюсь, что у вас не останется другого выхода,— вежливо произнес робот. С легким жужжанием створки панели на его животе разъехались в стороны, и в образовавшееся отверстие высунулось дуло атомизатора.

— Ах вот как! Последнее слово по части стимулирования сбыта — продажа со взломом! Покупай или помирай! Только со мной этот фокус не пройдет. Денег нет!

— Пусть вам пришлют ваши друзья с Земли. Я не могу вернуться на Денсобол без внушительного списка купленных предметов. В противном случае меня...

— Ты уже говорил. Тебя разберут на запчасти.

— Совершенно верно. Поэтому я вынужден применить силу. И я полон решимости в случае вашего отказа привести угрозу в исполнение.

— Эй, Уингерт,— вклинился в разговор новый собеседник,— послушайте, что у вас там происходит?

Уингерт взглянул на массопередатчик. С освещенного экрана на него свирепо тарачил глаза Смазерс.

— Да все этот бродячий робот,— ответил Уингерт,— ему так приспичило торговать, что, если я откажусь, он меня того и гляди пристрелит.

— Я видел. Телесыщик заснял все это на видеоленту.

— Вот так штука: куда ни кинь — всюду клин! — Уингерт растерянно перевел взгляд с робота на мрачную физиономию Смазерса.— Если я откажусь покупать у робота, он меня прикончит, а если куплю, то вы меня оштра-

фуете.— На секунду Уингерт даже задумался, что хуже.

— Я могу предложить вам большой ассортимент прекрасных товаров, которых вы не найдете на Земле,— гордо сказал робот.— Например, машинка для свежевания дрегов — если только на Келлаке водятся дреги, в чем я лично сомневаюсь. А может быть, вы захотите купить Ротационный Молекулярный Деформатор или Хеглеевский Аппарат Для Экстракции Нервных Окончаний...

— Помолчи-ка! — рявкнул на него Уингерт. Он снова посмотрел на Смазерса.— Ладно, что мне теперь делать? Вы — мои наниматели, защитите своего колониста от злокозненного пришельца.

— Мы пошлем вам оружие, колонист Уингерт.

— И вы хотите, чтобы я состязался в быстрой реакции с роботом? Ничего получше придумать не могли? — обиженно спросил Уингерт. Даже если он и выпутается каким-то образом из этой ситуации, все равно Компания своим контрактом держит его за горло. Как ни ограничивай себя только *насущно необходимым*, за три года его долг вырастет...

Стоп! Уингерт глубоко втянул воздух.

— Послушайте, Смазерс!

— Да?

— Дело обстоит вот как: если я не буду покупать у робота, он разложит меня на атомы. Но даже если Компания и разрешит мне покупать, я все равно не могу этого сделать, потому что у меня нет денег. Если я хочу остаться в живых, мне нужны деньги. Поняли?! Необходимы деньги!!!

— Нет,— сказал Смазерс,— не понял.

— А я вам заявляю, что единственное, что может спасти мою жизнь, это деньги. Деньги — это *насущная необходимость*. Поэтому вы обязаны снабдить меня бесплатно таким количеством денег, чтобы этот робот решил наконец, что с него довольно. Если вы этого не сделаете, я подам на Компанию в суд за нарушение контракта.

— Подавайте,— ухмыльнулся Смазерс.— Прежде чем

успеете переговорить с адвокатом, вас не будет в живых. Робот вас прикончит.

Спина у Уингерта взмокла от пота, но он чувствовал, что приближается минута его триумфа. Он полез за пазуху и вытащил толстый лист псевдопергаменты, на котором был отпечатан контракт.

— Итак, вы ответили отказом! Вы отказались снабдить меня тем, что является для меня *насущно необходимым*. Объявляю, что наш контракт аннулирован,— торжественно проговорил Уингерт.

Смазерс оторопело смотрел, как Уингерт разорвал документ и перебросил обрывки через плечо.

— Нарушив свои обязательства по контракту,— продолжал Уингерт,— вы тем самым освободили меня от всех моих обязательств по отношению к Компании. Поэтому я буду очень вам признателен, если вы уберете своего телесыщика с *моей* планеты.

— То есть как это с *вашей* планеты?

— С *моей*. Планета принадлежит мне по праву первопоселенца. А поскольку мы не связаны более никакими обязательствами, то галактический закон запрещает вам шпионить за мной.

Вид у Смазерса был вконец растерянный.

— Говорить-то вы мастер. Но мы этого так не оставим. Вот погодите, я доложу обо всем руководству. Так легко вы от нас не отделаетесь.

— Валяйте докладывайте,— Уингерт вызывающе улыбнулся,— закон-то на *моей* стороне.

Смазерс проворчал что-то невразумительное и отключился.

— Очень стройно и логично изложено,— одобрительно заметил РК-41,— надеюсь, что вы выиграете это дело.

— Должен выиграть, если только контракт одинаково обязателен для обеих сторон,— ответил Уингерт.— Если они попытаются предъявить в качестве улики свою шпионскую запись, то на ленте будет видно, как ты угрожаешь мне оружием. Им не за что будет уцепиться.

— А как же я? У меня...

— Помню! У тебя из пуза торчит дуло атомизатора, и ты в любую секунду можешь превратить меня в пар,— улыбнулся Уингерт.— Послушай, РК-41, давай посмотрим правде в глаза. Коммивояжер из тебя никудышный. Ты не лишен предприимчивости, но твоя тактика чересчур прямолинейна. Если ты и впредь будешь создавать себе клиентуру с помощью оружия, то оглянуться не успеешь, как развяжешь галактическую войну. За такие штучки твои хозяева на Денсоболе разберут тебя на запчасти быстрее, чем ты сумеешь освеживать дрега.

— Да я и сам так думаю,— признался робот.

— Отлично. Так вот, у меня есть для тебя предложение. Я научу тебя торговать. Во-первых, я когда-то сам был коммивояжером, а кроме того, как землянин я обладаю врожденной торговой хитростью. Когда я завершу твое обучение, ты отправишься на следующую планету — полагаю, что твои хозяева простят тебе лишнюю остановку в маршруте,— и там распродашь все свои запасы.

— Ах, как это было бы чудесно,— сказал РК-41.

— Но только с одним условием. В обмен за науку ты будешь снабжать меня всем необходимым для того, чтобы я мог удобно и комфортабельно прожить свою жизнь на этой планете. Сигары, средство для удаления волос, массопереносчики и прочее. Я уверен, что твои хозяева одобряют такую сделку — твои товары в обмен на мою торговую хитрость. Да, кстати, Генератор Поля я тоже оставляю — на случай, если Компания решит сюда сунуться.

Робот даже засиял от восторга.

— Я уверен, что такой обмен можно будет устроить! Выходит, мы с вами — партнеры?

— Вот именно! — сказал Уингерт.— Поэтому перво-на-перво я обучу тебя старинному земному ритуалу, который должен усвоить каждый уважающий себя коммивояжер.

Он крепко ударил по холодной металлической ладони робота:

— По рукам, брат!

Тру-ру-ру

День, когда Элу Мейсону, специалисту по гидропонике, пришла в голову эта идея, начался на Третьей Лунной Базе как обычно — сонные, с покрасневшими от недосыпания глазами ученые и инженеры сползались к завтраку.

Первый прием пищи ни у кого не вызывал приятных эмоций. Персонал Третьей Лунной состоял исключительно из представителей мужской половины человечества. В отсутствие женщин, без строгих законов о нормированном рабочем дне ничто не отвлекало от научных споров, зачастую затягивающихся за «полночь», до двух, а то и трех часов утра по местному времени.

Но в половине восьмого по тому же времени раздавался неумолимый звонок, зовущий к столу. Повара строго следовали распорядку дня. И те, кто не хотел работать на пустой желудок, являлись в столовую, проспав не более пяти, а то и всего каких-то трех часов, с красными, как у кроликов, глазами и больной головой.

За завтраком разговор не клеился. Ученые коротко здоровались друг с другом, просили передать соль или сахар да жаловались на качество пищи.

Прошлой ночью Эл Мейсон лег спать после трех, увлекшись беседой с заезжим астрономом с Первой Лунной. И четырех с небольшим часов сна явно не хватило, чтобы прийти в себя. Но идея уже проклюнулась и пошла в рост, прорываясь сквозь туман недосыпания.

— Порошковое молоко,— бурчал Мейсон.— Каждое утро порошковое молоко! Да любой уважающий себя теленок отказался бы уже от второго глотка этой гадости.— Он налил полный стакан и, скривившись, отпил белой жидкости.

— Пил бы по утрам кофе,— не без ехидства заметил биохимик Моури Робертс,— давно перестал бы жаловаться.

— А я люблю молоко,— возразил Мейсон.— И не хочу пить кофе.

— Затянувшееся детство,— вмешался программист Сэм Брюстер.— Все никак от молока не отвыкнет.

Конечно же, все засмеялись, потому что рост и вес Мейсона — шесть футов три дюйма и двести фунтов, на Земле, естественно. Мейсон только хмыкнул в ответ:

— Давай, давай, упражняйся в психоанализе, если тебе этого хочется. Но я все равно молоко люблю, только настоящее, а не этот эрзац!

Кувшин переходил из рук в руки. Одни добавляли молоко в овсяную кашу, другие в кофе. Но никто не отрицал, что порошковое молоко порядком всем надоело. Как, впрочем, и остальные сублимированные продукты — овощные котлеты, пирожки с мясом и тому подобное. Но другого и не предвиделось. Космические перевозки стоили недешево, и предпочтение отдавалось приборам и инструментам, а не натуральным бифштексам. Сублимированные продукты по вкусу, возможно, и уступали обычным, но содержали то же количество калорий, занимая при этом в десять раз меньше места в трюмах прилетающих с Земли кораблей.

Эл Мейсон наклонился вперед, лениво размышляя о том, как приятно есть настоящую пищу круглый год, а не только на рождество. Натуральные продукты. Молоко и мясо.

Мейсон допил молоко и вздрогнул, так как идея выскользнула наконец из глубин подсознания и обрела реальную форму. Мейсон даже засмеялся. Несомненно, идея почти абсурдная, но весьма привлекательная.

Он осторожно взглянул на другой стол, где завтракало начальство. Командор Хендерсон уписывал омлет из яичного порошка, одновременно проглядывая бюллетень новостей, полученный ночью из Вашингтона. Но все знали, что командор обладает идеальным слухом. Напряженный бюджет Третьей Лунной не оставлял места для незапланированных исследований, и Мейсон не без оснований опа-

сался, что командор может пресечь его проект в самом зародыше.

— У меня идея.— Мейсон понизил голос до шепота.— Насчет порошкового молока.

— Интересно,— откликнулся Моури.— Поделись.

— Не сейчас,— ответил Мейсон.— А то командор сразу придушит ее. Поговорим вечером. Кажется, есть возможность поразвлечься.

Весь день Мейсон не произнес ни слова, но идея зрела и набиралась сил. Он трудился в теплице, ухаживая за грядками. Какой бы блестящей идея ни была, гидропоника, как, разумеется, и любая работа, явно значила больше, и Мейсон это прекрасно понимал.

Сейчас на поверхности Луны высилось восемь рукотворных куполов. Три базы построили американцы, три — русские, по одной — Китай и Индия. Хотя «холодная война» давно уступила место разрядке и все поняли, что лучше жить в мире, чем под постоянной угрозой взаимного уничтожения, научное соперничество оставалось достаточно острым. И чтобы не отстать, ученым приходилось трудиться с предельным напряжением.

Третья Лунная занималась главным образом прикладными науками. К сожалению, члены различных комиссий Конгресса не могли понять важности проводимых там исследований, вследствие чего Третьей Лунной постоянно не хватало денег. Но исследования продолжались, несмотря на ежегодные попытки урезать ее бюджет.

Луна буквально создана для криогенной техники, и, естественно, именно эти темы занимали главенствующее положение на Третьей Лунной. По важности с криогенной техникой могла соперничать разве что гидропоника. Человечество с каждым годом расширяло свои владения, и постоянно возникало немало вопросов, требовавших немедленного ответа, связанных с обеспечением земной экологии в новых условиях. Также процветали на Третьей Лунной физика высоких и низких давлений, синтез сверхчистых

веществ и многое, многое другое. Контроль над учеными практически отсутствовал, никто не спрашивал конкретных сроков завершения тех или иных работ, но все понимали, что само существование Третьей Лунной зиждется на доброй воле Конгресса. И направление на Третью Лунную являлось мечтой каждого молодого ученого. Точно так же цвет русской науки стремился попасть на лунную базу, названную именем Капицы.

Теоретически рабочий день на Третьей Лунной заканчивался в семнадцать ноль-ноль. На деле ученые были хозяевами своего времени. При желании они имели право уйти из лаборатории в двенадцать ночи, но могли продолжить эксперимент и до «утра», если возникала такая необходимость. Сотрудники базы редко бросались в крайности, хотя их рабочая неделя обычно и составляла восемьдесят — девяносто часов. Иногда командору Хендерсону приходилось даже запрещать кое-кому являться в лабораторию — исключительно из медицинских соображений.

На Третьей Лунной имелось несколько рекреаций, где ученые могли отдохнуть и поговорить в спокойной обстановке. В одну из них — помещение В — ровно в девятнадцать ноль-ноль и вошел Эл Мейсон.

Он облегченно вздохнул, не обнаружив там ни одного представителя администрации базы. Зато его ждали пятеро коллег — Сэм Брюстер, Моури Робертс, криогенщик Лен Гарфильд, микробиолог Дейв Херст и Нат Брайан, специалист по физике твердого тела.

Мейсон улыбнулся и сел в кресло, мурлыкая под нос знакомую всем песенку:

Рано, рано поутру
Пастушок: «Тру-ру-ру!»
И коровки в лад ему
Затянули: «Му-му-му».

Сэм Брюстер оторвался от микропленки и посмотрел на него.

— О боже, Мейсон, ты действительно впадаешь

в детство! Тебе уже нужна няня. Что же будет дальше?

— Он начнет сосать кулак,— предположил Лен Гарфильд.

— Все дело в химикатах, которые используются в гидропонике,— пояснил Моури Робертс.— Они воздействуют на обмен веществ и...

— Достаточно! — Мейсон поднял руку, призывая к тишине.— Возможно, кто-то из вас помнит, что утром у меня возникла идея.

— Ура! — воскликнул Гарфильд.— У Мейсона идея! Тот нахмурился.

— Не надо оваций. Итак, продолжим. Сегодня за завтраком я понял, что порошковое молоко стоит у меня поперек горла. Но где взять натуральное? И ответ пришел сам собой. Натуральное молоко можно получить только от коровы!

— От коровы? — фыркнул Сэм Брюкстер.— На Луне?

— Она сможет пастись у тебя в теплице,— усмехнулся Моури Робертс.

— Еще успеете пошутить, а пока дайте мне закончить. Я не хуже вас понимаю, что ни на нашей базе, ни вообще на Луне не найдется места для живой коровы. И Земля никогда не разрешит привезти ее сюда, слишком велики расходы на космические перевозки. Но я сказал себе — мы же мастера своего дела. У нас есть специалисты во всех областях знания. Так почему, почему мы не можем *построить* корову?

На мгновение в комнате отдыха повисла тишина.

— *Построить корову?* — переспросили трое.

Эл Мейсон кивнул:

— Совершенно верно. Почему бы и нет? Разумеется, администрации это не понравится, но мы можем никому ничего не говорить, пока не добьемся положительного результата.

— Построить корову,— повторил Гарфильд.— Целиком? С рогами и копытами?

— Перестаньте меня подначивать,— притворно рассер-

дился Мейсон.— Я имею в виду устройство, которое будет производить натуральное молоко. Я представляю себе цепочку механизмов, начинающуюся с приемника сырья и заканчивающуюся молочным краном, которая будет напоминать корову лишь в функциональном отношении.

Мейсон оглядел лица друзей. Потребовалось лишь несколько секунд, чтобы предубеждение уступило место живому интересу. Некоторые, судя по всему, мысленно уже набрасывали первые схемы. Конечно, все они могли обойтись без натурального молока. Во всяком случае, в кофе оно не особенно отличалось от порошкового. Но предложение Мейсона пришлось им по душе. Они не делали различий между работой и отдыхом. И то, и другое означало для них познание непознанного.

— Я не смогу сделать все сам,— сказал Мейсон.— Вы мне поможете?

Пятеро дружно кивнули.

— Я так и знал, что вы не сможете отказаться от столь лакомого кусочка. Итак, приступаем к осуществлению проекта «Босси». Какие будут предложения?

Предложения посыпались как из рога изобилия. Мозговой штурм, как обычно, затянулся далеко за «полночь» и с каждым часом становился все яростнее.

— Нам известно, как происходит обмен веществ в организме коровы,— говорил Мейсон,— и как она производит молоко. Нам известен состав молока — жиры, лактоза, белки, вода. Мы знаем, что происходит в пищеварительном тракте коровы. Так что мешает нам построить ее аналог?

— А мне неизвестно, как корова делает молоко,— возразил Лен Гарфильд.— В криогенной технике это не нужно. Моури, не мог бы ты восполнить этот пробел в моем образовании?

Биохимик задумчиво пожал плечами.

— Ну, корова главным образом питается травой. Которая в основном состоит из целлюлозы. Хорошо пережеванная целлюлоза поочередно проходит через четыре

секции желудка коровы. Там микроорганизмы разлагают целлюлозу на более простые составляющие. По ходу содержимое желудка ферментируется, затем переваривается.

Что касается молока,— продолжал Робертс,— то оно образуется из веществ, циркулирующих в крови коровы. Ее вымя содержит особые клетки, выделяющие молоко в альвеолы, связанные с протоками молочной железы. Там молоко собирается и оттуда откачивается. Как и говорил Мейсон, молоко состоит из жиров, лактозы, белков и большого количества воды. Процесс получения молока предельно ясен. Нам необходимо лишь воспроизвести последовательность биохимических реакций, происходящих в организме коровы, начиная с подачи целлюлозы и ее последующего разложения на аминокислоты и прочие составляющие. Если мы шаг за шагом повторим весь процесс, то на выходе обязательно получим натуральное молоко.

— Ты не учел одной особенности,— заметил Сэм Брюстер.— Коровье вымя — чертовски сложная штука. Если кто-то думает, что мы сможем легко изготовить механический двойник подобного фильтра, то я, позвольте заметить, не гарантирую положительного результата и через девяносто лет.

— Для этого элемента системы нам не потребуется механический двойник,— ответил Моури Робертс.— Я согласен, создание подобного естественного фильтра нам не по зубам. Но мы можем использовать настоящее вымя!

— Да? — удивился Брюстер.— А где ты собираешься добыть насто...

— Оно у меня есть.— Робертс усмехнулся.— Подозреваю, ты уже подумал об этом, не так ли, Эл?

Мейсон кивнул:

— У Моури много замороженных органов и тканей животных, необходимых для биологических исследований. В том числе, как я предварительно выяснил, есть и коровье вымя.

— И я без особых хлопот могу позаимствовать несколько клеток,— продолжил Робертс.— Поместим их в термостат с питательной средой, и они будут делиться и делиться. Примерно каждые двое суток их объем будет увеличиваться вдвое. Так что довольно скоро мы вырастим вымя нужного размера.

— Вымя понадобится нам только на конечном этапе,— заметил Нат Брайан.— А как насчет микроорганизмов, участвующих в процессе пищеварения? Их-то у тебя нет.

— Мы их синтезируем,— ответил Дейв Херст.— В нашей лаборатории мы можем создать все что угодно. Моури, ты только скажи, что нужно, и...

— Я знаю, что нужно,— прервал его Сэм Брюстер.— Уйма оборудования. Мы ведь хотим построить самогонный аппарат, получив на выходе не спиртное, а молоко. И где мы возьмем необходимые материалы?

— Достанем,— спокойно ответил Мейсон.— Постепенно. Никто не станет возражать, если мы позаимствуем несколько метров трубок да пару железок. Главное, чтобы наши действия не вызвали подозрения.

По выражению лиц своих коллег Мейсон понял, что крючок проглочен. Уже месяца два на Третьей Лунной царили тишина и спокойствие — с тех пор, как один из программистов научил робота из лаборатории сверхчистых материалов печь сдобные булочки.

Они обсуждали не только возможные препятствия, но и способы их преодоления; высказывались различные предположения, многие тут же отменялись и заменялись новыми. Около трех часов «утра» они решили, что на сегодня достаточно. Предстояло ответить не на один вопрос, прежде чем перейти к практической реализации идеи Мейсона. Но главное направление уже определилось — создание системы механического аналога пищеварительного тракта коровы в сочетании с выращенной из кусочка вымени гигантской молочной железой на выходе из нее.

На следующий день за завтраком они, как обычно,

почти не разговаривали: четыре часа сна не способствовали хорошему настроению. После завтрака, до начала работы, Мейсон заглянул к командору Хендерсону и попросил разрешения использовать одну из свободных лабораторий Третьей Лунной.

Хендерсон проглядел положенную перед ним заявку.

— Что ты придумал, Эл? — спросил он.

— У меня возникла идея, сэр. И я хочу посмотреть, что из этого выйдет.

Хендерсон улыбнулся.

— Мы находимся здесь именно для того, чтобы проверить наши идеи. Не мог бы ты ввести меня в курс дела?

— Если вы не возражаете, сэр, пока я предпочел бы ничего не говорить. Необходимо кое-что проверить.

— Хорошо, я не возражаю. Хотя...— глаза командора сузились,— надеюсь, твоя идея не потребует дополнительных расходов?

— Нет, сэр. Все необходимое оборудование имеется на базе.

— Вот и отлично,— облегченно вздохнул командор.— Вашингтон кусает меня за пятки, Эл. На следующий год они хотят урезать наш бюджет на пять, десять, а то и пятьдесят миллионов. И, зная порядки на Капитолийском холме, можно ожидать, что они своего добьются. Поэтому сейчас не стоит затевать дорогостоящие проекты. Нам повезет, если Конгресс выделит ту же сумму, что и в прошлом году.

— Я понимаю, сэр. И не сомневаюсь, что проверка моей идеи не потребует дополнительных затрат. Это всего лишь... шаг в сторону от основного направления исследований, сэр.

— Ну что ж,— улыбнулся Хендерсон,— можете занимать лабораторию.

Поблагодарив командора, Мейсон вышел из его кабинета и позвонил Моури Робертсу.

— Все в порядке,— сказал он.— Старик выделил нам Помещение 106-А.

— Чудесно. Я нашел клетки коровьего вымени и только что поместил их в термостат с питательной средой. Вчера, когда мы разошлись, я еще набросал схему пищеварительного тракта коровы. Мы сможем использовать ее в качестве отправной точки.

— Понятно,— Мейсон не мог удержать улыбки.— До вечера.

Первая неделя ушла на споры. Высказанные предложения раздирали на части, а затем собирали вновь. Они убеждали друг друга, ругались, сердились. К концу недели они наметили довольно логичный план дальнейшей работы. Они соглашались не со всем и не сразу, но в яростных спорах слетала шелуха и оставались лишь зерна истины.

А в термостате росло и росло вымя. Клетки, помещенные в питательную среду, делились, делились и делились.

Сэм Брюстер разработал программу автоматической подачи различных компонентов. Дейв Херст приступил к синтезу необходимых ферментов. Мейсон руководил. Постепенно, недели за две, противоречивые, казалось бы, предложения шестерки сложились в единое целое — проект «Босси».

На пятой неделе началась материализация проекта — в Помещении 106-А появились четыре медных котла, соединенных пластиковыми трубопроводами. Они представляли собой четыре секции желудка коровы. Сэм Брюстер смонтировал насос для постоянной перекачки содержимого котлов. Насос, так же как и котлы, Мейсон получил со склада базы по специальному требованию. Никто не поинтересовался, зачем они ему понадобились.

Проект набирал силу, и вскоре к четырем котлам присоединились пятый, шестой, а затем и седьмой. Работа, естественно, велась только по «вечерам». Никто из создателей механической коровы не забывал о своих прямых обязанностях.

После семи недель стало ясно, что пищеварительный тракт коровы нельзя имитировать, обеспечивая лишь

постоянное движение его содержимого. Постоянно возникали различные неувязки.

Некоторые из синтезированных ферментов реагировали друг с другом, для контроля процесса пищеварения пришлось разработать сложную систему дозированного ввода ферментов. Кислота, образующаяся в одном из котлов-желудков, разъела часть трубопроводов, и потребовалась их срочная замена. Для разделения продуктов пищеварения, которое у коровы обеспечивалось просто гормонами, в схему пришлось ввести дорогую центрифугу, позаимствованную из биохимической лаборатории Моури Робертса.

К девятой неделе появились первые проблески успеха, но одновременно на горизонте проекта появилось небольшое облачко, совершенно неожиданно превратившееся в грозовую тучу.

Первое предупреждение прозвучало за завтраком. В столовую вошел дежурный радист, остановился перед столом Хендерсона, отдал честь и положил перед ним желтый бланк радиogramмы, только что полученной с Земли. Прочитав ее, командор громко выругался. Все разговоры тут же стихли. Хендерсон встал. Его лицо потемнело, лоб прорезали морщины.

— Господа, прошу прощения за то, что мне придется испортить вам аппетит, но я получил плохие новости, которыми и хочу поделиться с вами.— Он пожевал нижнюю губу, сдерживая распирающую его ярость.— Как вы, должно быть, знаете, хотя и не придаете этому особого значения, в Соединенных Штатах в ближайшем будущем пройдут выборы. Через десять месяцев многие сенаторы и конгрессмены рискуют остаться без работы, если им не удастся убедить избирателей, что именно их они должны представлять на следующий срок. И сейчас наступает время, когда все они будут стремиться доказать, что не зря сидят на Капитолийском холме и изо всех сил пекутся о благосостоянии избирателей. Перехожу к делу. Мне только что сообщили, что очередной транспортный корабль, который должен прилететь к нам через двадцать

семь дней, доставит на Луну трех сенаторов и трех конгрессменов. Они будут проверять, насколько разумно расходуются здесь деньги налогоплательщиков.

В тот вечер Эл Мейсон и его друзья собрались в Помещении 106-А в подавленном настроении. Они оказались в положении человека, наклонившегося для того, чтобы погладить котенка, и внезапно обнаружившего, что держит за хвост тигра.

— Да,— протянул Мейсон, оглядывая нагромождение труб, котлов и проводов.— Похоже, нашему везению пришел конец. Сенаторы! Конгрессмены!

— Мерзкие шпики,— пробурчал Сэм Брюстер.

— Они с удовольствием выслушают наши объяснения,— добавил Нат Брайан.— Разве они смогут понять, что мы хотели лишь немного развлечься.

— Развлечься,— фыркнул Моури Робертс.— Конгрессмены полагают, что ученым это ни к чему. Они уверены, что мы начисто лишены чувства юмора и в разговоре пользуемся лишь междометиями, да и то лишь для комментирования формул. Если они пронюхают, что ради развлечения я притащил сюда центрифугу стоимостью в девятьсот долларов...

— И реле, и транзисторов на добрую сотню,— добавил Сэм Брюстер.

— И термостат для вымени,— вздохнул Дейв Херст.

— И котлы, и трубопроводы,— эхом отозвался Лен Гарфильд,— и холодильник...

— И что из этого? — воскликнул Мейсон.— Неужели вы хотите умыть руки?

— Нет, но...

— Что «но»? — оборвал Мейсон Сэма Брюстера.— Неужели ты хочешь все разобрать и разложить по полкам в кладовой? Тогда комиссия никогда не узнает, чем мы тут занимались. А Хендерсону можно сказать, что наша идея не дала практического результата и мы отказались от дальнейшей разработки.

— Но ведь результат есть! — с жаром возразил Дейв Херст. — Еще один месяц, и мы своего добьемся. Нельзя останавливаться на полпути, Эл!

— Полностью с тобой согласен, — кивнул Мейсон. — Что нам конгрессмены? Когда они прилетят, мы временно «ляжем на дно» и понадеемся на то, что нам не придется отвечать на их вопросы. Мы зашли слишком далеко, чтобы все бросить. Ваши предложения?

— Мне кажется, работу надо продолжить, — ответил Нат Брайан.

— И я того же мнения, — поддержал его Дейв Херст. Согласились и остальные. Проект «Босси» двинулся дальше.

Выращенное в питательной среде вымя достигло наконец требуемых размеров, и однажды ночью термостат перенесли в Помещение 106-А и подключили к системе. Шла одиннадцатая неделя. Теперь они могли ввести целлюлозу в приемник механической коровы и пропустить ее через четыре секции желудка, где она разложится на более простые составляющие, превратится в синтетическую кровь, а уж из нее выращенное вымя отфильтрует молоко. Мейсон рассчитал, что для получения кварты молока им потребуется триста кварт синтетической крови. В дальнейшем они надеялись поднять процент выхода.

Затем возникли непредвиденные трудности. Первая порция молока, полученная на двенадцатой неделе, оказалась дурно пахнущей жидкостью, содержащей шестьдесят процентов жира и пятнадцать белка. Она свернулась, едва показавшись из вымени, и с каждым мгновением пахла все хуже. Причину нашли в неудачной системе подачи синтетической крови к вымени, при которой задерживались глюкоза и лактоза и пропускаясь излишек жира.

Они преодолели и это препятствие, разработав новую систему капилляров. Механическая корова росла вширь. Котлы пищеварительного тракта едва просматривались сквозь переплетение труб и проводов, соединяющих в единое целое многочисленные приборы и управляющие меха-

низмы. Вскоре «корова» заполнила практически все Помещение 106-А почти до потолка.

Но тут выявился новый недостаток — они забыли о желчи, выделяемой печенью и играющей важную роль в усвоении жира. Натуральное коровье молоко содержит не больше четырех процентов жира, они же никак не могли получить меньше двадцати пяти. Неделя упорного труда ушла лишь на то, чтобы понять, каких огромных усилий потребует создание механического аналога желчного пузыря.

Проект оказался на грани катастрофы.

Выход нашел Нат Брайан.

— У нас есть настоящее вымя. Почему бы нам не использовать настоящую печень?

Моури Робертс перетряхнул все запасы биохимической лаборатории, но нашел замороженный кусок коровьей печени. На следующий день Робертс задействовал второй термостат с питательной средой. В нем снова начали делиться клетки. На будущей печени буквально зиждилось спасение проекта «Босси».

Клетки делились и делились. Каждые три дня вымя приходилось подрезать, чтобы оно не вылезло из термостата.

Они приближались к успеху.

Но и конгрессмены подлетали к Луне.

Они прибыли точно по расписанию, в девять ноль-ноль двадцать восьмого января. Все шестеро, как и ожидалось. Полная масса законодателей с учетом их багажа составила тысячу триста фунтов, поэтому немалую толику полезного груза пришлось оставить на Земле. Как объяснил командор Хендерсон, на этот раз Третья Лунная могла даже не рассчитывать на новые видеокассеты или пиво. Остался на складе и комптоновский спектрометр, столь необходимый астрономам Первой Лунной. Возмущаться не имело смысла. Законодатели выделяли средства на финан-

сирование лунных поселений, они же и заказывали музыку.

В то утро, придя в столовую, каждый сотрудник обнаружил на тарелке ксерокопию памятной записки командора:

**«ВСЕМУ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ БАЗЫ.
ПО ПРОЧТЕНИИ УНИЧТОЖИТЬ.»**

Сегодня в девять ноль-ноль транспортный корабль доставит шестерых членов Конгресса. Они пробудут на Третьей Лунной десять дней, а затем отправятся инспектировать другие базы. Самым серьезным образом прошу относиться к ним с предельным уважением! Они могут оставить нас без гроша на следующий финансовый год.

Занимайтесь обычными делами. Я не требую организации специальных экспериментов. Но постарайтесь вести себя поскромнее, не используйте материалы и оборудование, объяснить назначение которых довольно сложно. Будьте вежливы, отвечайте на все заданные вопросы и, самое главное, постарайтесь показать, если представится такая возможность, насколько важны ваши исследования для блага рядового налогоплательщика.

Обратите ваше особое внимание на то, чтобы наши гости не хватались руками за провода высокого напряжения, не выходили на поверхность Луны без шлемов и скафандров и вообще не подвергали свою жизнь опасности. Любое происшествие с ними отрицательно скажется на нашем будущем.

И помните — они не собираются остаться здесь навечно. Десять дней — и они уедут!»

Эл Мейсон положил листок на стол и повернулся к соседу, Сэму Брюстеру.

— «Не используйте материалы и оборудование, объяснить назначение которых довольно сложно»,— процитировал он послание командора.— Самое время напомнить об этом. Мне бы не хотелось объяснять, куда пошли все эти реле, термостаты, центрифуги.

— Если командор сунется в 106-А,— заметил Брю-

стер,— от разговора не отвертеться. Придется тебе, Эл, придумать что-нибудь убедительное.

Сенаторов разместили в административном секторе Третьей Лунной, а для членов Палаты представителей освободили один из складов. Самому младшему из гостей давно перевалило за пятьдесят, и меньшая, чем на Земле, сила тяжести пришлась им по душе. Но, едва ступив на территорию базы, они начали оглядываться, выискивая первую жертву, и всем стало ясно, что к памятной записке командора следует отнестись со всей серьезностью.

Шестерка участников проекта «Босси» решила, что в эти десять дней лучше держаться подальше от Помещения 106-А, сведя свою деятельность к минимуму. Никому из них не хотелось встретиться там с членами комиссии. Во-первых, созданная ими махина не могла остаться незамеченной, загляни законодатели в Помещение 106-А. Во-вторых, стоимость использованного оборудования превысила десять тысяч долларов. А какая комиссия могла одобрить действия ученых, без ведома руководства базы потративших столько времени и средств ради такого пустяка, как производство молока, и только потому, что им захотелось поразвлечься.

И Мейсон с друзьями появлялись в Помещении 106-А крайне редко, лишь для того, чтобы проверить, как растет печень. Вымя чувствовало себя прекрасно.

Очень скоро на Третьей Лунной поняли, кто из членов комиссии наиболее опасен. Особым рвением выделялся конгрессмен Клод Мэннерс. По странному совпадению его избирательный округ находился в Нью-Гэмпшире, родном штате Мейсона. Мэннерс встречал в штыки любые государственные расходы. И во всех уголках базы слышался его тонкий, пронзительный голос, задающий один и тот же вопрос: «Понятно, но какая от этого практическая польза?»

Под стать ему был и Альберт Дженнингс, сенатор от штата Алабама. Он, правда, отдавал предпочтение другим вопросам: «Не могли бы мы обойтись без этих исследований?» и «Позвольте узнать, сколько стоит эта установка?»

Проверялся каждый выделенный Конгрессом цент. Третью Лунную трясло как в лихорадке. Эл Мейсон уже клял себя за то, что предложил построить механическую корову. Он не сомневался, что рано или поздно тайное станет явным.

А ведь до полного успеха им оставался лишь один шаг. При последней проверке все системы работали превосходно. А печень даже грозила вылезти из термостата, так что Моури Робертсу пришлось уменьшить температуру питательной среды, чтобы замедлить ее рост. Если бы эти ищейки покинули базу, думал Мейсон, и можно было бы испытать печень в деле...

На четвертый день пребывания законодателей на Третей Лунной Эл Мейсон прибирался в теплице, готовясь к встрече с конгрессменом Мэннерсом, когда зазвонил телефон.

Он снял трубку.

— Отделение гидропоники. Мейсон слушает.

— Эл, это командор Хендерсон. Не мог бы ты заглянуть ко мне на минутку?

— Разумеется, сэр. Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас. Если ты не занят.

Озабоченный тон командора встревожил Мейсона. Он положил трубку, сказал помощнику, что уходит, и полетел к кабинету Хендерсона.

Командор был действительно взволнован. Его лицо осунулось, морщины стали резче. Уж ему-то комиссия доставляла куда больше хлопот, чем остальным.

— Эл, час назад я показывал нашим гостям северное крыло базы. Они захотели осмотреть Помещение 106-А.

«О господи!» — мысленно простонал Мейсон.

— Да, сэр.

Хендерсон выдавил из себя улыбку.

— Вы соорудили там нечто уникальное, Эл.

— Да, довольно сложная установка,— признал Мейсон. Хендерсон кивнул. Уголки его рта дрогнули.

— Э... наших гостей она очень заинтересовала. Они захотели узнать, для чего она предназначена. Конгрессмен

Мэннерс так и спросил: «В чем заключается ее практическая польза?»

— Польза, сэр? — тупо повторил Мейсон.

— Да, польза.— Командор тяжело вздохнул — Я... э... сказал им, что установка используется для биологических исследований. Они, однако, потребовали более конкретного ответа. Я выкручивался как мог, но в конце концов признал, что понятия не имею, для чего предназначена эта чертова штукавина. И теперь я попал в довольно щекотливое положение, Эл. Почему-то они считали, что командор должен знать обо всех научных исследованиях, которые проводятся на вверенной ему базе.

Мейсон облизнул губы и промолчал.

— Возможно, нам повезет и мы выкрутимся без особых хлопот,— продолжал Хендерсон,— но все может кончиться весьма плачевно. Скажи, пожалуйста, Эл, на случай, если они вновь насыдут на меня, что именно вы соорудили в 106-А?

— Это корова, сэр,— едва слышно промямлил Мейсон.

Командор удивительно быстро пришел в себя. Лишь на мгновение его взгляд затуманился.

— Как-как?

— Это... э-э... устройство для преобразования целлюлозы в пищевые продукты, сэр. В молоко, если говорить точнее. Хендерсон медленно кивнул.

— Корова. Понятно, Эл. Вы построили машину, которая дает молоко.

— Да, сэр. Правда, она еще не доведена.

— Скажи мне, Эл, чем вызвана необходимость создания такой машины?

— Ну... э-э... мы хотели немного поразвлечься, сэр. Видите ли, сэр, мы не ожидали, что потребуются так много...— Под взглядом командора Мейсон замолк на полуслове.

— Хорошо, Эл,— чувствовалось, что Хендерсон с трудом сдерживает себя.— Вы построили ее для развлечения. Ты знаешь, у меня доброе сердце. Я не стану сердиться. Выметайся отсюда, иди в теплицу и приступай к работе. Если

кто-то тебя спросит, скажи, что в Помещении 106-А установлен биологический конвертор. Придумай что-нибудь помудренее. Говори что угодно, но конгрессмены не должны знать, что вы угрохали столько средств ради того, чтобы поразвлечься. И о том, что эта громадина предназначена для производства молока, молчи. Иначе... Я даже представить не могу, что произойдет, если они об этом пронюхают.

— Да, сэр.

— Вот так-то. А теперь убирайся.

И Мейсон выскочил из кабинета.

В коридоре он едва не столкнулся с Моури Робертсом.

— Я бегу в 106-А, Эл,— заторопился биохимик.— Брайан заглянул туда и сказал мне по телефону, что печень растет как бешеная. Я хочу обрезать ее и уничтожить излишки, а потом... Эл, что-нибудь случилось?

— Да.

— Ты ужасно выглядишь.

— Если б ты знал, что у меня на душе.— Мейсон махнул рукой в сторону кабинета Хендерсона.— Старик вызывал меня на ковер. Сегодня утром наши гости сунули нос в Помещение 106-А и пожелали узнать, для чего предназначена такая прорва оборудования.

— Нет!

— Да. Командор, разумеется, не мог сказать ничего определенного и понес какую-то чушь. Но он не уверен, что его ответ их устроил.

— Эл, это кошмар! Что же теперь будет?

Мейсон пожал плечами.

— Хендерсон, скорее всего, выкрутится, но после отъезда комиссии нам не поздоровится. Наша идея ему по вкусу не пришлась.

— Так что же нам делать?

— Ничего,— ответил Мейсон.— Представление продолжается. Ты пойдешь в 106-А и обрежешь печень. А мне пора в теплицу.

Робертс затрусил к Помещению 106-А, Мейсон побрел

к теплице. Затем остановился, поднял голову и сквозь прозрачный купол долго смотрел на далекую Землю.

Кому нужны эти сенаторы, спрашивал он себя.

Ищейки, скупердяи. Сейчас трудности только у командора, но комиссия уедет, и вот тогда они хлебнут лиха. Свобода творчества — это одно, а разбазаривание государственных средств на такие пустяки, как механическая корова, — совсем другое. Если же об этом станет известно в Вашингтоне...

По телу Мейсона пробежала дрожь. Он не мог не признать, что «корова» отбилась от рук. Они и не подозревали, что задача окажется такой сложной.

Тут Мейсон нахмурился. Что там сказал Робертс? Печень росла как бешеная. Он собирался обрезать ее и уничтожить излишки... Стоп! Стоп!

Моури Робертс хотел подрезать вполне съедобное мясо. А если их «корова» могла давать мясо и молоко... Черт, подумал Мейсон, а вдруг мы старались не зря? Почему мы должны прятаться? Наша выдумка придется весьма кстати. Но...

Внезапный окрик прервал его размышления.

— Эл! Иди сюда!

Мейсон повернулся. В дверях столовой стоял Ролли Файрстоун, повар первого класса.

— В чем дело, Ролли? — пробурчал Мейсон.

— Я приготовил тебе сюрприз. Тебе понравится, Эл. Пожав плечами, Мейсон направился к повару. Тот провел его на кухню.

— Подожди здесь.— Файрстоун загадочно подмигнул.

Мейсон нетерпеливо переминался с ноги на ногу, но ждать пришлось недолго. Файрстоун вернулся со стаканом белой жидкости.

— Ты постоянно клянeshь порошковое молоко, вот я и решил удивить тебя. Только никому об этом не говори.

Мейсон взял стакан. Понюхал. Пахло молоком. И внешне белая жидкость ничем не отличалась от молока.

— Чего ты ждешь,— торопил его Файрстоун,— пей.

Мейсон пригубил раз, другой, а затем одним глотком отхлебнул полстакана. Молоко! Натуральное молоко! Вкусное и ароматное!

— Где ты его достал? — спросил Мейсон. Их корова еще не давала молока, да и Файрстоун понятия не имел о проекте «Босси». Откуда, недоумевал Мейсон, могло взяться на Луне натуральное молоко?

— Личные запасы конгрессмена Мэннерса,— ответил повар.— Я подумал, что от него не убудет, если ты выпьешь один стаканчик. Он привез с Земли литров двадцать, а может, и сорок.

У Мейсона отвисла челюсть.

— Он... привез... двадцать или сорок... литров... молока?

Файрстоун радостно кивнул.

— Я знаю, что ты любишь молоко, и решил побаловать тебя.

— Но зачем... почему он привез с собой молоко?

— У него язва. Он на молочной диете. Пьет только молоко и почти ничего не ест. С ним у меня никаких хлопот. Залез в холодильник да налил стакан, вот и все дела. А уж с остальными просто беда. Если б ты слышал, что они говорят о сублимированных продуктах.

Мейсон хмыкнул:

— Они сами в этом виноваты. Мы едим эрзац, потому что выделенных ими денег не хватает ни на что другое.

— Да,— кивнул Файрстоун.— Вот и попробуй сказать им об этом.

— Я? — Мейсон широко улыбнулся и допил молоко.— Я тут работаю, Ролли. Зачем мне нарываться на неприятности? Спасибо за молоко, старик.

— Только никому не рассказывай.

— Я буду нем как рыба,— пообещал Мейсон.

Два следующих дня прошли без происшествий. Мейсон и его друзья по-прежнему заглядывали в Помещение 106-А лишь в случае крайней необходимости. Излишки печени теперь не уничтожали, но аккуратно складывали в холодиль-

ник. Да и кто в здравом уме мог выкинуть натуральное мясо? После отъезда комиссии они намеревались отдать печень Файрстоуну и закатить пир. Бифштексы из сушеных водорослей порядком всем надоели, и вряд ли кто отказался бы от жареной печеночки.

Перед обедом шестого дня пребывания конгрессменов на Третьей Лунной Мейсон шел к себе, чтобы переодеться, когда его остановил Ролли Файрстоун.

— Эл, мне надо с тобой поговорить,— прошептал повар.

— Слушаю тебя. Что случилось?

— Помнишь стакан молока, который я дал тебе пару дней назад? Молоко конгрессмена Мэннерса?

— Да,— кивнул Мейсон.— А что?

Файрстоун дрожал от страха.

— Ты никому не рассказывал об этом?

— Конечно нет. Неужели ты думал, что я могу подвести тебя?

— Если кто-нибудь узнает, что я дал тебе молоко Мэннерса,— пролепетал Файрстоун,— командор четвертует меня.

— Да? А почему?

— Потому что я только что заглянул в молочный контейнер Мэннерса. Он практически пуст. Молока ему хватит на сегодняшний вечер, а утром он закатит нам концерт.

— Но ты ведь говорил, что он привез с Земли сорок литров молока. Как оно могло кончиться?

— Он же не считал каждый стакан,— ответил Файрстоун.— И кто я такой, чтобы указывать ему, сколько он должен пить молока. Да и я сам не обратил внимания на то, что оно подходит к концу. А Мэннерс требовал молока, как только у него свербило в животе, пять, шесть, семь раз на день, а то и чаще.

Мэйсон рассмеялся.

— Мне это нравится. Конгрессмен, так ревностно урезающий ассигнования на нужды других, не может рассчитать свои потребности в молоке.

— Это не смешно, Эл. Мэннерс будет рвать и метать, но,

держу пари, никогда не признается, что сам во всем виноват.

— Ты сказал Хендерсону?

— Нет. Я зайду к нему после обеда. Но помни, ни слова о том стакане, иначе мне конец! Мэннерс скажет, что я поил молоком всех подряд.

— Не волнуйся, Ролли, я не скажу ни слова.— Мейсон вновь улыбнулся. Судя по всему, ситуация менялась к лучшему. Если только они успеют все закончить.

Впервые после прибытия вашингтонских гостей в Помещении 106-А закипела работа. Всю ночь участники проекта «Босси» устраняли последние недоделки.

Ближе к утру они смогли облегченно вздохнуть, с гордостью оглядывая свое детище, целиком заполнившее Помещение 106-А. Стопка листов бумаги, единственного, за неимением травы, источника целлюлозы, лежала у входного лючка. Приемник молока находился у противоположной стены. А между ними извивались трубы и провода, громоздились котлы, расходомеры, центрифуги и два термостата — с выменем и печенью.

— Ну что ж,— сказал Мейсон.— Проверим «корову» в деле.

Моури Робертс и Нат Брайан открыли люк и сунули туда кипу бумаги. Сэм Брюстер нажал несколько клавиш на пульте компьютера, управляющего процессом пищеварения. «Корова» загудела. Бумага медленно вползала в челюсти ножиц. Оттуда, измельченная, двинулась в первый желудок и, обильно смоченная водой, продолжила свой долгий путь, по ходу распадаясь на более простые составляющие. В точно заданное время в пищеварительный тракт поступали синтезированные ферменты. Щелкалы переключатели, на пульте загорались и гасли разноцветные лампочки.

По расчетам Мейсона, на получение молока из бумаги требовалось не меньше трех часов. Без двадцати шесть из вымени показались первые капли. В половине седьмого, после быстрого анализа, проведенного Моури Робертсом, участники проекта «Босси» чокнулись стаканами с молоком,

практически натуральным коровьим молоком!

Затем пятеро из них отправились по своим комнатам, чтобы немного отдохнуть перед завтраком, а Эл Мейсон поспешил к командору Хендерсону.

В тот день Хендерсон поднялся рано, а может, и вообще не ложился спать. Во всяком случае, и в приемной и в кабинете горел свет. Открыв дверь, Мейсон оказался лицом к лицу с майором Чалмерсом, адъютантом командора.

— Доброе утро, майор,— поздоровался Мейсон.

— Доброе утро,— ответил тот.

— Командор занят? Мне нужно с ним поговорить.

— К сожалению, он занят,— покачал головой Чалмерс.— Будет лучше, если ты зайдешь попозже, что-нибудь к обеду.

Из кабинета донесся громкий голос командора:

— Говорю тебе, Донова, мне необходимо молоко для Мэннерса. Через полчаса он узнает, что контейнер пуст, и его вопли будут слышны на Марсе. Разумеется, он сам виноват в том, что пил молоко слишком часто, но попробуй сказать ему об этом. Да он и слушать не станет.

Мейсон улыбнулся майору Чалмерсу:

— О чем идет речь?

— У конгрессмена Мэннерса язва, и он на молочной диете,— сухо ответил Чалмерс.— Он привез молоко с Земли, но, как видно, мало, потому что вчера вечером Ролли Файрстоун обнаружил, что запас подошел к концу. Мэннерс ничего не ест, от порошкового молока он отказался, и командор всю ночь уговаривает Землю послать сюда специальную ракету с молоком для Мэннерса.

— Но ракета долетит до нас только через четыре дня,— удивился Мейсон.

— Значит, ты понимаешь, в каком мы тяжелом положении. Поэтому, будь добр, уйди отсюда и не появляйся до тех пор, пока...

— Нет,— покачал головой Мейсон.— Послушайте, сэр, мне нужно немедленно поговорить с командором.

— Это невозможно. Я же объясняю, он на связи с Землей.

— Ну и что? Скажите ему, что я могу достать молоко. Натуральное молоко.

— Ты... что? Знаешь, Мейсон, нам не до шуток.

— Я и не шучу. Но могу достать молоко. МО-ЛО-КО.

— Ты что, принимаешь нас за дураков? — рассердился Чалмерс.

Мейсон выругался, отстранил адъютанта и прошел в кабинет. Хендерсон склонился над микрофоном.

— Убирайся отсюда, — рявкнул он, подняв голову и увидев входящего Мейсона. — Я говорю с Землей.

— Я знаю, сэр. Можете с ними попрощаться. Мне известно, какие у вас трудности. Я только хотел сказать, что синтезатор действует. У нас есть молоко для Мэннерса.

— Что? — У Хендерсона изумленно округлились глаза. Он пробурчал в микрофон что-то невнятное и отключил связь. — Ты хочешь сказать, что это чудовище в 106-А дает молоко? Вам удалось реализовать вашу идиотскую идею?

— Да, сэр. Кроме того, мы получили и печень. Сегодня ночью мы довели нашу «корову» до ума. — Мейсон с трудом подавил зевоту. — Если нужно, сэр, вы можете взять молоко для конгрессмена Мэннерса.

В положенный день февраля комиссия Конгресса вылетела на Землю. Прошел месяц, и на Третью Лунную прибыл очередной транспортный корабль.

После окончания разгрузки командор послал за Мейсоном.

На его столе лежало несколько распечаток микрофильма.

— Это выдержки из «Конгрешенл рекорд», — пояснил Хендерсон. — Вот что говорил конгрессмен Мэннерс: «...глубокое впечатление произвели на меня мастерство и изобретательность ученых Третьей Лунной Базы. Вынужденные питаться сублимированной пищей, они смогли выкроить время и средства, чтобы создать полноценные аналоги некоторых земных продуктов. Спустя несколько дней после прибытия на Луну мои коллеги и я были приятно удивлены, получив на завтрак молоко и мясо, по вкусу и составу ничем

не отличающиеся от натуральных, но полученные, как мы потом узнали, с помощью удивительного технологического процесса, названного биохимической трансмутацией. Молоко и мясо из макулатуры! С потрясающе низкими затратами! Триумфальная победа нашей науки открывает...»

Хендерсон замолчал и посмотрел на Мейсона.

— Стиль Мэннерса излишне высокопарен, поэтому я не стану читать дальше.

— Полагаю, наши достижения произвели на них впечатление, сэр.

— Несомненно. Молоко к тому же спасло Мэннерса от позора. А печень их просто потрясла. Наши ассигнования на следующий финансовый год увеличены на десять миллионов.

— Рад это слышать, сэр.

Хендерсон улыбнулся:

— Я еще не извинился за то, что не так давно накричал на тебя,— помнишь, ты рассказывал о сущности вашего проекта.

— Извинений и не требовалось, сэр.

— Наоборот, Эл,— покачал головой Хендерсон.— Вы немного развлеклись, и я взгрел вас за это, хотя мне следовало знать, что ваши развлечения тоже приносят пользу. Как бы походя вы решили главную проблему нашего существования на Луне. И теперь у нас есть синтезатор молока и мяса. Он, возможно, слишком громоздкий и...

— Я как раз хотел поговорить об этом, сэр. Мы... э... разработали новую модель. Гораздо меньших размеров с увеличенным процентом выхода. Но нужно специальное оборудование, требующее дополнительных расходов. Поэтому...

Все еще улыбаясь, Хендерсон написал что-то на листке бумаги и протянул его Мейсону:

— Возьми, Эл. Я разрешаю заказывать все, что вам нужно. Продолжайте ваши развлечения. И постройте нам самую лучшую «корову».

Роберт Шерман Таунс

Задача для Эмми

Эмми жила — мы все говорили именно «жила» — в большом помещении, служившем когда-то оружейным складом при университетской кафедре военной подготовки. Стены заново покрасили в бледно-серый цвет, поставили несколько фанерных и стеклянных перегородок, но общий вид и обширные размеры старого арсенала остались неизменными. Эмми занимала в ширину почти целую стену, возвышаясь на добрых пять метров и выступая внутрь Зала, на край тяжелого ковра, более чем на шесть метров.

Случайному наблюдателю Эмми казалась всего лишь скопищем огромных, покрытых серой эмалью стальных ящиков с рядами маленьких мигающих огоньков, несколькими выключателями и большой красной лампой. В часы, когда Эмми молчала, нелегко было объяснить постороннему человеку ту благоговейную тишину, в которой трудились обслуживавшие ее день и ночь люди в белых халатах.

Полное имя Эмми было намного длиннее: Электронный Быстродействующий Калькулятор системы Маннденкера — Голмахера, модель М-7. Но те, кто работал на ней и на кого работала она, сократили длинный титул, назвав ее просто Эмми. Причем сделали это не просто потому, что так короче, но и благодаря мощным флюидам яркой индивидуальности, которые наполняли пространство, непосредственно окружавшее огромный механизм.

Большинство из нас, работавших в Зале, привыкли думать об Эмми как о личности — умной, здравомыслящей, привлекательной личности. Мы беседовали с ней, одобрительно похлопывая ее «по плечу» после того, как ей удавалось решить особенно запутанную задачу, пропустив ее через километры своих проводов и тысячи трубок. Порой мы даже вовсе замолкали в присутствии Эмми, прислушиваясь к ее тихому жужжанию.

Главой университетского отдела кибернетики был коренастый, с пышной шевелюрой ученый муж, доктор Адам Голмахер. С первых же дней работы, начатой его предшественником Маннденкером, он упорно расширял и совершенствовал структуру Эмми, пока та не получила всеобщее признание как самый лучший и крупнейший компьютер в стране. Эмми стала, что называется, суперзвездой.

Но то преклонение, которое я, ассистент Голмахера, испытывал перед Эмми, было неведомо старому ученому. Для него Эмми являла собой просто гигантское устройство с хорошо известными составляющими — миллион двести пятьдесят тысяч элементов мертвой материи, собранных в единое целое под его управлением и вызванных к жизни городской электросетью, чтобы выполнять математические операции, недоступные для ограниченной по времени человеческой жизни. Именно это и ничего более. Доктор Голмахер знал Эмми изнутри слишком хорошо, чтобы дружить с ней.

Но я-то не участвовал в создании Эмми. Когда я присоединился к работавшим в Зале, она была уже вполне завершенной машиной, безупречной по всем параметрам, великолепно снаряженной и внушительной в своем гладком стальном одеянии. Стены вокруг Эмми снабдили остроумной системой звукоизоляции, что создавало ей превосходную рабочую обстановку.

Мне всегда нравилось это помещение, громадное и чистое, как океанский лайнер. Жалованье было невысоким, но Адам Голмахер относился к категории людей, которые вдохновляют уже одним своим присутствием. Все единодушно соглашались, что он разбирается в этой запутанной и утонченной науке лучше, чем кто-либо из всех живущих людей, и у меня имелись серьезные основания верить этому.

В своей смехотворно крошечной каморке, пустой, как обезьянья клетка, но с огромной фотографией Эйнштейна на голой стене доктор Голмахер выносил окончательное заключение по проблемам, предназначенным Эмми для решения. Многие промышленные и научные организации обращались к нам с почтительными просьбами о помощи. Доктор Гол-

махер, запустив одну большую пятерню, похожую на львиную лапу, в непроходимые джунгли своей седой шевелюры, другой рылся в груде заявок, отбрасывая большинство из них в сторону — на пол,— сопровождая это презрительными репликами вроде: «Что за вздор, дефективный ребенок мог бы решить такую задачку на кубиках за какой-нибудь час». После чего отвергнутые заявки отсылались обратно с резолюцией, напечатанной в безапелляционной форме, как это делают редакторы во всем мире на бланках с отказом.

Но время от времени живые, как у юноши, черные глаза старого ученого жадно впивались в одну из заявок. Пробираясь сквозь дебри предварительных условий, он находил следы некой неуловимой проблемы, возбуждавшей его научное любопытство. В этих случаях он обычно шел навстречу просьбе. После того как клиент платил обусловленный гонорар в размере пятисот долларов за каждый час работы Эмми и не собирался (из ложной скромности, как мне казалось) в дальнейшем оспаривать предъявленный счет, доктор Голмахер назначал дополнительную плату в качестве контрибуции для развития науки. Таким образом, многие фабриканты и игроки в бридж, сами того не подозревая, помогали зажигать новые звезды на небесах.

Когда наконец задача бывала отобрана, она попадала к Математикам — с большой буквы. В храмовой тишине Зала, где мы заботливо прислуживали Эмми, эти двенадцать человек поистине священнодействовали. Сидя в два ряда за шестью белыми столами, склонившись над маленькими счетными машинами и океаном бумаг, одетые в белоснежные костюмы (никто в точности не знал, почему все мы носили белое), они что-то невнятно бормотали про себя, напоминая жрецов нового, логарифмического культа. У каждого из них была своя домашняя жизнь, свои родственники, и свои проблемы, и свое прошлое, индивидуальные мечты и страстные желания. Но в величественном пространстве Зала (они сидели в самом дальнем от Эмми конце), залитые солнечным светом, падавшим сквозь широкие окна, они были неразличимо похожи, словно приборы или механизмы. Они и были ме-

ханизмами, приводившими в действие безграничные в своей мощи мыслительные способности Эмми.

В их функции входил перевод задач на доступный для Эмми язык. Это была наиболее трудоемкая и длительная операция в каждой задаче, но благодаря постоянным усовершенствованиям доктора Голмахера она становилась все менее и менее трудной и более того — практически ненужной. Математики, разумеется, знали об этом, и нередко можно было наблюдать по злобному взгляду или крепкому словцу их неукротимую ненависть к гигантской машине, которая день за днем пожирала их время, делая их жизни совершенно бессмысленными.

Доктор Голмахер не одобрял такое очеловечивание машины, считая, что это оскорбительно как по отношению к нему, так и к творению его рук. Персонафикация Эмми напоминала ему дешевые сенсации в воскресных газетах. Он был твердо убежден, что все репортеры — лжецы. Никто из студентов-физиков старших курсов, с восторженными глазами желавших написать о нас от имени каких-либо издательств, не был мною пропущен.

Мы держали целый штат из двух десятков человек, единственной обязанностью которых была чистка и ремонт машины. В своих белоснежных с головы до пят одеяниях они были похожи на бранящихся кроликов. А Эмми давала немало поводов для брани, хоть сама и была безгласной. Мириады ее элементов требовали постоянного наблюдения, но все равно непредвиденные поломки случались. Были и необъяснимые: все казалось нормальным и в механике, и в электронике, и все же под тихое щелканье механизма и мигание огоньков выдавались результаты ошибочные, бессмысленные или вовсе ложные.

Программисты тогда говорили, что наша старая дева хандрит. Доктор Голмахер ревел: «Посторонитесь, бездельники!» — засучивал рукава и вперял неистовый взор в какой-нибудь вполне осязаемый, но свихнувшийся блок. А через день или два снова приводил Эмми в образцовое рабочее состояние.

В то чудесное апрельское утро, сверкавшее серебром после прошедшего дождя, Эмми выглядела особенно хорошо, да и вела себя прилично. Я щелкнул выключателями, подавая компьютеру питание. Черные цилиндры, служившие Эмми оперативной памятью, мерно зажужжали; большая энциклопедия ее общего запоминающего устройства, записанная на пластмассовых дисках, пришла в боевую готовность. Я не спеша ввел в машину информацию по комплексной проблеме для Среднезападного авиационного завода. Эмми должна была рассмотреть несколько вариантов решений, взвесить их и выбрать наилучший — то есть наиболее дешевый и эффективный. Окончательный ответ Эмми печатала синими буквами. Затем этот ответ, переведенный на язык практических терминов, отправлялся авиазаводчику в пакете — этокое послание от оракула, принимаемое заказчиком с чувством священного трепета.

Но я в то утро трепета испытывать не мог. Слишком много апреля было в воздухе. Возвышаясь, как на насесте, на своем высоком стуле, я вводил многочисленные данные в колоссальную систему связей компьютера, так похожую на мои собственные, богом данные десять миллиардов нейронов. Внутри жужжащей машины электронные синапсы, лишенные всякой таинственности, переваривали горы информации в доли секунды. Я и глазом не успевал моргнуть, как Эмми складывала и вычитала, интегрировала и возводила в степень груды цифр. Бесконечные ряды крохотных белых и красных огоньков на панели являли собой как бы зримую модель самой госпожи Математики. Словно великий Бах играл на пульте управления, как на органе.

За широкими окнами распускались почки на деревьях университетского городка. Дурашливый старшекурсник распялся перед пышногрудой студенткой; судя по ее жестам и той благосклонности, с которой она принимала его восторженные излияния, апрель всюю играл в крови молодых людей. Тут и там среди черных сучьев и веток вспыхивали зеленые пятнышки молодой листвы. В такой день жалко было торчать возле компьютера.

Вопреки строгому приказу доктора Голмахера не шуметь в Зале я мурлыкал какую-то старую колыбельную песенку (мне всегда были не по душе веселенькие шлягеры, что слышишь повсюду). Неожиданно раздался резкий звонок — сигнал об ошибке. Большая красная лампа возбужденно замигала. Ошибка! Ошибка! Я насторожился, хотя твердо знал, что информация, введенная в Эмми, не содержит никаких изъянов. И все же режущий слух звонок сигнализировал о серьезной ошибке, которую машина не могла перевернуть.

Я кинулся к распределительному щитку, чтобы вырубить ток. Когда моя рука была уже на выключателе первой секции, я случайно взглянул на панель. В первый момент я не поверил своим глазам. Но даже когда я осознал увиденное, здравый смысл и опыт восстали. Я покрылся испариной. Эмми вовсе не задачу решала! Почти все огоньки не горели, а немногие оставшиеся пульсировали в ритме мотивчика, который я напевал незадолго перед тем: «Лондонский мост свалился в реку».

Пока я с глупым видом глазел на панель, одна Математичка, искренне считавшая себя юной девушкой, подошла к Эмми, мгновенно уловила мелодию в мерцающих огоньках и пронзила меня взглядом.

— Весьма забавно. Но что скажет доктор Голмахер? — Затем с крохотным проблеском женского любопытства спросила: — Каким образом вы это делаете?

— Я ничего не делаю! Она сама это делает! — Я почти завопил.

Математичка раскрыла от изумления рот, чопорно выпрямилась в своей накрахмаленной блузке и решительным шагом двинулась к Голмахеру.

Я повернулся к Эмми. Не отдавая себе отчета, я пробормотал: «Видишь, что ты натворила!» — и дал ей сильного пинка. Металлический ящик больно ударил меня по лодыжке. Огоньки моментально погасли.

Когда прибыл доктор Голмахер, не осталось никаких следов того, что Эмми занималась посторонним делом. Гол-

махер не утруждал себя недоверием. Меня он еще мог подзрывать в мистификации («Вы не сдерживаете свое воображение, Дихтер, вы расточаете его на призрачные грезы»), но он хорошо знал своих Математиков.

— Вы позволили себе напевать, Дихтер,— сказал он нахмурясь.— Машина, естественно, восприняла приятные вибрации...— и так далее.

На том дело и кончилось. Снова было нормальное апрельское утро, и авиационная задача дальше могла решаться без помех.

Эмми получала новые задания, с каждым разом все более трудные. Доктор Голмахер, бурно ликуюя, упивался ими тем азартнее, чем неразрешимее они казались. Благодаря его колдовским действиям сенсорное восприятие Эмми все более приближалось к человеческому. Элементы и блоки, чувствительные к цвету, свету, теплу, реагирующие на голос, музыку и невидимый мир волн, пронизывающих Вселенную, были добавлены и подсоединены к тысячам километров ее проводов, к тоннам стали и стекла. Доктор Голмахер собирался даже всерьез заняться волновым излучением мозга, его биотоками, чтобы использовать этот вид энергии в работе с Эмми.

Машина по-прежнему стояла в Зале, постепенно обрастая новыми секциями. И хотя у нее не было своего «я», мы бродили вокруг нее, словно сомнамбулы — тихие, молчаливые и замкнутые, как бы приобщенные к великому таинству. «Чистильщики» протирали Эмми суконками и моющими средствами, наводя ей красоту с необычайным искусством, а ремонтники действовали своими инструментами, как хирурги скальпелем.

Когда Эмми получила задание от обсерватории в Паломаре, где находится гигантский телескоп, нас стала осаждать пресса. Голмахер заперся в своей конуре, и мне пришлось участвовать в бесконечном развлекательном шоу под названием «Доктор Дихтер», ставшем моим проклятием с тех пор, как я получил свою первую ученую степень. У газетчиков,

как и у деятелей науки, весьма примитивное чувство юмора. Но Эмми стала для них настоящей сенсацией.

Получив кипу материалов, собранных в обсерватории, Эмми проглотила их в один присест, а потом «ткнула пальцем» в глубокий космос и безошибочно указала на громаду погасшей звезды, которая бродила, как слепая, среди горящих подруг-солнц. Раз или два Эмми вовсе слетела с катушек, пытаясь сунуть нос в дальние закоулки Вселенной и определить наше место в разбегающейся галактике. Тогда доктор Голмахер принимался нянчиться и возиться с огромным механизмом, прописывая свои «лекарства» и снова приводя Эмми в норму. И опять она возвращалась к своей работе, балансируя, как на лезвии бритвы, на краю четвертого измерения.

Но всякий раз мы должны были детально разжевать вопрос, прежде чем положить его ей в рот. Она могла лишь давать ответ или не давать ответа. Все ее элементы, вместе взятые, не могли состязаться с миллиардами нейронов и молниеносными синапсами человеческого мозга. Эмми была настолько же умнее нас, насколько и глупее.

Осень пришла в университетский городок, облетели деревья, исчезли те молодые люди, что появлялись здесь каждую весну. Для Эмми сентябрь был заполнен сложным заданием, полученным от фабрики красок. Математики и несколько физиков — специалистов по цвету — закодировали проблему на перфокарте. Я ввел данные в машину, предложив ей для окончательного выбора несколько вариантов ответа.

Снаружи за окном буйная зелень мужественно сражалась с осенью, неохотно уступая поле битвы багряным и золотым тонам. Кто-то — может быть, я — оставил открытым чувствительный к цвету блок компьютера, обращенный фасадом к распахнутому окну. Неожиданно раздался тревожный сигнал и одновременно зажглась красная лампа: «Ошибка!»

Я в страхе посмотрел на панель. На этот раз в миганье огней не было никакой мелодии. Гораздо хуже! Эмми вовсе не думала решать порученную ей задачу. Все ее огни еле-еле

пульсировали, и было в этом что-то мягкое, ленивое, расслабленное, я бы сказал — бездумное. Словно лепет малыша. Повинуясь мгновенному импульсу, я набросил покрывало на обращенный к окну цветочувствительный блок. Томно-младенческое пульсирование сразу прекратилось, и компьютер снова занялся проблемой производства красок. На этот раз я не стал посылать за доктором Голмахером.

Но он все равно догадался, что с машиной что-то неладно. То ли я был слишком робок и почтителен с Эмми, то ли Голмахер, наблюдая за мной однажды во время работы, заметил в моих глазах отблеск тайны. Его наблюдательность не уступала его гениальности. В той необычной заботливости, с которой он по утрам справлялся о моем здоровье, я чувствовал скорей заинтересованность физика, чем просто внимание коллеги. Я знал, что должен вернуться в нормальное состояние, если не хочу получить унижительное предложение о годичном отпуске «для лечения нервов».

Как-то раз я был свидетелем капитального ремонта компьютера. Увидев воочию детали и элементы Эмми, вынутые из ее электронного чрева и замененные другими, такими же, взятыми из самого прозаического ящика с запчастями, я снова ощутил себя Человеком — Оператором машины. Я вновь обрел уверенность в себе. Все эти кусочки металла и стекла были собраны вместе по замыслу высшего творца — Человека-Конструктора, и то, что они совершали, запрограммировал он от начала до конца. Они обладали волшебной силой, только будучи спаяны в единое целое, а это уже — дело рук человека, и только человека.

Так я обрел душевный покой. И все шло хорошо вплоть до конца декабря. После этого я больше не возвращался к своей работе.

За неделю до рождества мы с доктором Голмахером стали готовить Эмми к зимним каникулам. В университетском городке царило затишье, студенты разъехались на праздники домой. Наши Математики покинули свои закутки. Остались лишь несколько ответственных сотрудников — главные ко-

зыри в колоде. Была пятница, хлопья снега падали в тусклом полуденном свете.

В холодном и пустом пространстве Зала, в бледных лучах усталого солнца Эмми выглядела уже не внушительной, а какой-то сиротливой и озябшей. Доктор Голмахер ходил вдоль машины, щелкая выключателями и проверяя циферблаты, кнопки и тумблеры.

Внезапно Эмми проснулась и протяжно заворчала. Несколько разрозненных огоньков зажглось на панели. Голмахер не насторожился, он лишь хрипло рассмеялся и сказал с напускным безразличием:

— Ерунда. Ничего особенного. Просто я в белом халате прошел мимо блока с фотоэлементом. Вот и все.

Мы вернулись к работе, и я ощутил в голосе старика необычные для него товарищеские нотки. Возможно, тут сыграла роль гнетущая пустота огромного Зала.

Наконец проверка закончилась. В недрах машины все замерло в неподвижности. Жизнь теплилась только в сверкающих обогревательных трубках, предохранявших Эмми от замерзания. Мы окинули компьютер последним взглядом, еще раз проверяя, все ли в порядке. Я протянул руку к распределительному щитку, как вдруг...

Невозможно! Мы явственно услышали мерное жужжание — характерный звук работающего компьютера, хотя питание было полностью отключено.

Доктор Голмахер действовал, как всегда, быстро и решительно. Неисправность в проводах, утечка электроэнергии из постороннего источника? Он был возбужден. Но тут он увидел огоньки на панели.

Адам Голмахер не был мечтателем, но он создал большую часть Эмми. А такая работа, конечно, не для черствой души и узкого мышления. Математики привыкли общаться с Вечностью. И каждый зодчий еще долго продолжает ощущать кончиками пальцев свое творение. Вперив взор в моргающие лампочки, доктор Голмахер, всегда избегавший личных контактов, крепко сжал мою руку.

Ледяная тишина в Зале стала зловещей. Крохотные огонь-

ки то вспыхивали, то гасли в медленном и неуверенном ритме, словно нащупывали какой-то результат, казавшийся мне совершенно бессмысленным. С наигранной шутливостью я сказал — слишком громко, пожалуй, потому что слова громыхнули в пустой комнате, как жесты:

— Что ж, по крайней мере мы должны быть благодарны ей за то, что она больше не поет колыбельные песни. Я никогда...

— Помолчите, Дихтер, и взгляните сюда.

На этот раз я не мог ошибиться, глядя на узор огоньков: может быть, я догадался и раньше, но подсознательно хотел выиграть время. Хотя времени уже не осталось. В мигающем узоре я увидел что-то очень простое, даже слишком простое:

Один плюс один = два

Два плюс два = четыре

Три плюс три = шесть

Маленькие суммы появлялись одна за другой еле-еле, как бы прихрамывая, — словно ребенок отсчитывал их на детских счетах. Но ведь Эмми умела составлять «суммы», находящиеся за пределами возможностей любого человеческого мозга! Эмми умела делать все... *чему ее обучали.*

Широкое лицо доктора Голмахера казалось усталым, сморщенным, глаза были полны печали. Он понял все раньше меня. Маленькие огоньки перешли между тем к таблице умножения. На «семью девять» Эмми запнулась на миг, затем выдала результат — «шестьдесят один». Красная лампа слабо засветилась, чуть слышно зазвенел сигнал тревоги. Очень осторожно Эмми исправила произведение на «шестьдесят три» и продолжала считать дальше.

— Я тоже всю жизнь спотыкался на этом месте, — пробормотал старик. Но я не заметил на его лице улыбки. Мы стояли с ним бок о бок возле машины; казалось, это было нам необходимо — находиться рядом.

Эмми закончила таблицу умножения — простую таблицу умножения! И наступила пауза. Ничего больше не происходило. Огоньки погасли, но где-то глубоко внутри, питаюсь

«нелегальной» энергией, шла напряженная подспудная работа мысли.

Доктор Голмахер ждал с таким видом, словно точно знал, чего ждет. Никогда ранее я не замечал, как он стар, — прежде это не было так заметно. Снаружи, в густом свете заснеженного солнца, голые деревья стояли, похожие на железные конструкции.

Машина снова зажужжала на высоких, совершенно незнакомых тонах. Ни один из огоньков на панели не горел. Но клавиши пишущей машинки — печатающее устройство находилось как раз возле наших локтей — задрожали, завибрировали. Они подпрыгивали вверх, опускались, снова слегка подскакивали, опускались и снова поднимались, будто прицеливались. Наконец начали появляться слова — медленно, потом быстрее, потом еще быстрее. Белая лента выползла из-под стеклянного футляра и легла на пол, прямо к нашим ногам. Сперва я заметил боль и сострадание в глазах Адама Голмахера. Затем прочитал слова на ленте. Снова и снова, снова и снова, так хорошо знакомыми нам синими буквами, Эмми настойчиво спрашивала:

КТО Я КТО Я КТО Я КТО Я...

Джон Уиндем

Исчезнувший робот

— Отец, отец, иди скорее сюда! — раздался из коридора крик Джоан.

Услышав испуганный голос дочери, профессор Фолкнер замер, не дописав строки.

— Отец!

— Иду, иду! Что случилось? — Профессор поспешно поднялся с кресла. — Пожалуйста, со мной в лабораторию, — сказал он, обращаясь к двум своим коллегам.

Джоан стояла в дверях лаборатории.

— Он исчез,— сказала она.

— Кто исчез? — промолвил профессор, протискиваясь мимо нее в лабораторию.— Ты хочешь сказать, он убежал?

— Нет.— Джоан так энергично тряхнула головой, что черные локоны упали ей на лицо.— Посмотри вон туда,— указала она пальцем.

Профессор посмотрел в дальний угол лаборатории, где на полу медленно растекалось большое темное пятно. Посередине его еще возвышался небольшой холмик удлинённой формы. Ошеломленный профессор смотрел, как он буквально тает на глазах, растворяясь в луже темноватой жидкости. Вот он растаял совсем, и на полу теперь поблескивало нечто вроде ртутного озера.

Профессор буквально окаменел, лишившись на мгновение дара речи.

— Это... это был он? — наконец странно охрипшим голосом промолвил он.

Джоан утвердительно кивнула головой.

— Когда я вошла, его еще можно было узнать. Он еще не совсем... растаял...

— Как это случилось? — вдруг разъярился профессор.— Кто это сделал?

— Не знаю, отец,— обиженно сказала Джоан.— Когда я вернулась домой, то первым делом заглянула сюда, проверить, все ли в порядке. Его не было на обычном месте в углу, и я стала его искать. А потом увидела... это... Он таял на глазах. Я сразу же позвала тебя.

— Следовательно, это и есть та машина, которую вы хотели нам показать, коллега? — спросил один из гостей профессора, носком ботинка указывая на колышущуюся, как желе, лужу в углу лаборатории. Он не скрывал своей иронии.

— Да,— удрученно произнес профессор,— это и есть, вернее... была та самая машина...

— И теперь вы ничем не можете подтвердить все то, что вы только что нам рассказывали?

— У нас есть магнитофонные записи,— робко пролепетала Джоан.— Там столько интересного...

— Разумеется, разумеется,— бесцеремонно прервал девушку второй из гостей.— Я не раз видел киноленты, показывающие Нью-Йорк через сто лет. Но едва ли кому придет в голову предположить, что съемки делались с натуры, не так ли, милая девушка? С помощью техники можно добиться чего угодно, и все будет выглядеть вполне правдоподобным.

Джоан вспыхнула, но сдержала себя. А профессор, казалось, не слышал язвительных замечаний своих коллег. Гнев его погас, и он лишь горестно и растерянно смотрел на то, что осталось от его «машины».

— Кто, кто посмел сделать это? — продолжал повторять он.

— Может быть, это несчастный случай, отец? — робко заметила Джоан.

— Может быть, может быть,— рассеянно пробормотал профессор.

— Я не то хотела сказать, отец,— поправилась Джоан.— Видишь ли, мне кажется, он последнее время... тосковал...— Она произнесла эти слова почти скороговоркой, но в голосе ее прозвучал вызов.

Воцарилось молчание.

— Вы что-нибудь понимаете в этой чертовщине? — вдруг произнес один из гостей, обращаясь к другому.— Робот тосковал! Представляете? Не собираетесь ли вы утверждать, мисс, что машина покончила жизнь самоубийством? Что ж, я ничуть не удивлюсь после всего того, что нам изволил рассказать ваш отец.— Круто повернувшись, он бросил через плечо своему спутнику: — Думаю, нам здесь больше нечего делать. И если завтра газеты объявят, что в этом доме живет сумасшедший, для меня это не будет неожиданностью. Лучше вовремя уйти.

Рассмеявшись, коллеги профессора вышли из комнаты, оставив негодующих, расстроенных хозяев.

Наконец, немного придя в себя, Джоан оторвала взгляд от зловещего пятна на полу. И тут же ее внимание привлекла стопка бумаг на скамье. Она не помнила, чтобы отец остав-

лял здесь свои рукописи, да и она ничего здесь не оставляла. Джоан взяла в руки исписанные листки. Ее удивленное восклицание, последовавшее за этим, вывело профессора из оцепенения.

— Отец, посмотри! — В голосе девушки было неподдельное волнение.

— Что, что это у тебя? — Профессор испуганно смотрел на листки бумаги в руках дочери. Подойдя поближе, он увидел, что они испещрены странными знаками. — Что это?.. — снова спросил он, но нетерпеливая Джоан не дала ему закончить.

— О господи, как ты не понимаешь? — взволнованно воскликнула она. — Это он нам оставил! Это он написал...

Лицо профессора на мгновение прояснилось, но затем глубокая печаль снова окутала его.

— Как это ему удалось, бедняге?

— Он был не так уж глуп. Должно быть, он успел достаточно хорошо изучить наш язык и составить ключ к этим знакам. Бедняжка так и не научился писать по-английски. Посмотри, это, должно быть, и есть ключ.

Джоан понадобилось несколько недель, чтобы расшифровать странное послание. Но вот наконец она положила отцу на стол готовую рукопись. Профессор взял ее и уединился в своем кабинете. Он не выходил из него, пока не прочел всю рукопись до конца...

«... По мере того как мы медленно шли на снижение, Бануф нервничал все больше.

— Смотри,— наконец подозвал он меня.— Это и есть Третья планета.— Я пересек кабину и стал с ним рядом. Нашим глазам открылось, пожалуй, самое удивительное зрелище, которое доводилось видеть обитателям Четвертой планеты. Хотя мы находились еще довольно далеко, но то, что увидели, буквально ошеломило нас. Привыкшие к приглушенным красноватым тонам пейзажа нашей родины, столь бедной растительностью, мы были потрясены буйством ярких красок. Новая планета была изумрудно-зеленой, словно

никогда не знала недостатка во влаге. На нашей планете, которую жители Земли именуют Марсом, растительность встречается лишь по краям каналов, а здесь зеленело все. Блеснула причудливо изогнутая лента воды — символ чужого загадочного мира. Мы приближались.

Вдруг внимание наше привлекли разбросанные среди зелени серые камни, а затем целые нагромождения камней. Над многими из них курился дымок.

— Должно быть, расплавленная сердцевина планеты находится совсем близко от поверхности,— заметил Бануф, с опаской глядя на дым.— Видишь, сколько здесь скважин, и из каждой идет дым. Не думаю, чтобы эту планету населяли разумные существа,— она слишком раскалена. Боюсь, нам не удастся выйти наружу, во всяком случае, мне.

Он произнес это с искренним сожалением. Мне стало даже жаль его. Человек состоит из изъянов и слабостей, неведомых нам, машинам. Я знал, как Бануф жаждет самолично исследовать незнакомую планету.

Мы еще довольно долго молча вглядывались в приближающийся странный зеленый мир. Наконец Бануф нарушил молчание.

— Я думаю, нам лучше всего сесть здесь, Зет,— и он указал на какую-то открытую площадку.

— А вдруг там поверхность жидкая? Очень уж подозрительно это — место слишком ровное,— сказал я.

— Нет,— успокоил меня Бануф.— Скорее всего, эта местность просто покрыта густой низкой растительностью.

Одного прикосновения к рычагу было достаточно, чтобы аппарат быстро пошел на снижение. Мы устремились к зеленому квадрату, облюбованному Бануфом. Он был так четко и аккуратно очерчен, словно создан каким-то разумным существом. В одном из углов его лежал серый камень весь в отверстиях, извергавших дым. С трех сторон квадрат обрамляла густая колышемая ветром растительность.

— Надо полагать, здесь большая плотность атмосферы, раз возможны такие колебания,— заметил Бануф.

— Камень подозрительно правильной формы, да и отвер-

ствия расположены на одинаковом расстоянии друг от друга. Не кажется ли вам...— Мягкий толчок от посадки помешал мне закончить фразу.

— Приготовься, Зет,— отдал команду Бануф.

Но я давно уже был готов. Открыв люк, я вышел в шлюзовую камеру. Бануф останется в ракете, пока я не удостоверюсь, что атмосфера новой планеты не опасна для него. Хотя люди куда более сложны и оригинальны по своей конструкции, чем мы, машины, и приспособляются к новой обстановке быстрее любых других живых существ, возможности их, увы, очень ограничены. В тех условиях, когда Бануфу не обойтись без сложной и громоздкой аппаратуры, мне, машине, не нужно ничего.

Так было и здесь. Плотность атмосферы разве чуть-чуть замедляла движения. Что касается различий в температуре, то их я вообще не ощущал.

— Притяжение здесь намного сильнее,— предупредил меня Бануф.— Не забывай, что эта планета значительно больше нашей.

Что ж, мне для этого надо просто выпустить лишнюю пару конечностей, вот и все.

Выйдя из шлюзовой камеры наружу, я только обрадовался, что они у меня есть,— незнакомая планета притягивала как магнит.

Мне понадобилось не более минуты на акклиматизацию, а затем я обошел корабль и приблизился к иллюминатору, из которого глядел на меня Бануф. Я дал ему возможность проверить показания приборов — атмосферное давление, силу притяжения, содержание газов и прочее. Наконец Бануф грустно покачал головой. Возможно, со временем он акклиматизируется, но о том, чтобы выйти сейчас, не могло быть и речи.

У нас заранее было договорено, что в этом случае все исследования и сбор данных произведу я, а он будет вести наблюдения из кабины корабля.

Он дал мне знак начинать, и я быстро зашагал в сторону той густой растительности, что окружала место нашей посад-

ки. Оглянувшись назад, я увидел, как наш серебристый корабль медленно отрывается от поверхности и поднимается в воздух.

Вдруг воздух потряс взрыв такой оглушительной силы, что тугая воздушная волна чуть не разнесла вдребезги диафрагмы моего слухового аппарата. Причина катастрофы навсегда останется для меня тайной. Знаю только одно: когда я снова посмотрел вверх, нашего корабля уже не было; с неба на меня дождем сыпались обломки.

Со стороны странного нагромождения камней послышались возбужденные крики, и откуда-то снизу из щелей выкатились маленькие фигурки людей. Они устремились к рухнувшему телу корабля. Но я опередил их. Не успели они пробежать и полпути, как я уже был там. Я заметил, как они в страхе остановились, когда я пронесся мимо.

— Господи, ты видел? Что это? — испуганно воскликнул один из них.

— Что это еще за чертовщина такая? — спросил другой.

— Какой-то гроб на ножках,— заметил третий.— Но бегают-то как!

Бегство

Бануф лежал среди обломков. Выпростав передние рычаги, я осторожно приподнял его. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что помочь ему уже невозможно: совершенно изуродованный, он попытался улыбнуться мне, но тут же потерял сознание. Мне искренне было его жаль. Хотя Бануф и не робот, все же существо из одного со мною мира, и за время нашего длительного путешествия я успел хорошо его узнать и привязаться к нему. Жаль, что люди столь несовершенны. Стоит сломаться какой-нибудь детали, и они полностью выходят из строя. Если бы он был таким, как я, мне ничего не стоило бы заменить сломанные части — стал бы как новенький. А сейчас я ничем не мог ему помочь.

Размышляя над всем этим, я вдруг обнаружил, что окружен жителями незнакомой планеты. Здесь были мужчины

и женщины, и тут я впервые остро ощутил свою неспособность общаться с ними.

Я читал их мысли, ибо мои улавливающие устройства были настроены на соответствующую волну, но они меня не понимали. Помочь им я не мог. Их воспринимающие устройства были, очевидно, столь несовершенны, что они не улавливали импульсов, которые я им посылал.

Чем теснее смыкалось их кольцо, тем с большим удивлением я убеждался, что они все меня боятся.

Человек боится машины! Это невероятно! Почему они меня боятся? Ведь человек и машина призваны помогать друг другу. На мгновение мне показалось, что я ошибся и просто неправильно прочел их мысли. Возможно, на этой планете все не так и мои приборы просто шалят? Но вскоре я понял, что ошибки нет: они действительно меня боялись.

Это могло произойти только по двум причинам: они никогда прежде не видели робота, или же роботы на Третьей планете были совсем иных конструкций и не похожи на меня.

Я повернулся к ним, протягивая им неподвижное тело Бануфа, а потом неуверенно шагнул навстречу настороженной толпе. Я положил перед ними Бануфа, а сам отступил немного назад, по опыту зная, что люди предпочитают сами оказывать помощь себе подобным. Кто-то вышел вперед и стал внимательно разглядывать Бануфа, но большинство не двинулось с места. Они все продолжали смотреть на меня.

Даже темный цвет кожи Бануфа ничуть не удивил их, хотя их собственная кожа была бледной, очевидно, из-за недостатка ультрафиолетовых лучей.

— Мертв? — спросил кто-то.

— Как пить дать, — ответил другой. — Станный вид у этого парня. Не могу понять, какой он расы или национальности. Посмотрите на его череп. Какие огромные уши! Да и вся голова чересчур велика.

— Да что на него время тратить, — заметил еще кто-то. — Никуда он не денется. Меня больше интересует вот эта штукавина, — и он указал прямо на меня. — Что это за сооружение, черт побери?

И все они снова уставились на меня. А я стоял не двигаясь, давая им возможность получше меня разглядеть.

«Метра два в длину,— прочел я мысли одного из них,— полметра в ширину, полметра в высоту, металл белый, должно быть...— Остальное ничего мне не говорило.— Четыре ноги, расположены по краям квадратного корпуса, чуть выше нижнего края, сочленения, как у краба, спереди какое-то подобие рук, тоже из белого металла. Интересно, какие это приборы у него спереди и что это за линзы... Впрочем, какой бы энергией они ни питались, она, должно быть, уже иссякла...»

Человек сделал нерешительный шаг вперед.

Чтобы поощрить его, я произнес несколько слов. Все настороженно замерли.

— Вы слышали? — раздался испуганный шепот.— Оно что-то сказало.

— Громкоговоритель,— успокоил тот, кто интересовался моим устройством. Вдруг лицо его прояснилось.— Понял! — вскричал он.— Дистанционное управление, телефонная и телевизионная связь...

Итак, эти люди ничего не понимали в роботах. Догадки этого человека никуда не годились, но мне почему-то стало легче, и я сделал еще шаг вперед.

Вдруг раздался грохот, и что-то, задев меня, со свистом пронеслось мимо. Я увидел, как кто-то из толпы направил на меня кусок непонятной трубы, и понял, что сейчас снова последует взрыв. Если первый не причинил мне вреда, то кто знает, что наделает второй. Он может, например, повредить глазные линзы. Я повернулся и побежал в сторону зеленых зарослей. Посланные вдогонку два или три выстрела, к счастью, не причинили мне вреда. Оружие было весьма несовершенным и, должно быть, чаще всего било мимо цели.

Разочарование

Весь день и всю ночь я прятался в густых зарослях.

Я впервые был предоставлен самому себе и не подчинялся

приказам человека. Мне казалось, что теперь мое существование лишено всякого смысла. Человеком движет непонятная сила, которую он называет *стремлением к цели*. Она движет всеми людьми и через них передается нам. Сами по себе мы лишены этих импульсов. Возможно, со временем они появятся и у нас. Ведь то, что заставило меня убежать от толпы и человека с оружием, уже было похоже на инстинкт самосохранения. Это же чувство заставляет меня теперь прятаться в чужой и опасной местности. И тем не менее собственной цели у меня нет. Я могу двигаться и действовать только по воле человека.

Однако я отметил, что способен делать кое-какие самостоятельные наблюдения. Местность, по которой я осторожно продвигался, время от времени пересекали полосы с твердым покрытием. Их назначение я пока не мог определить. Мое недоумение также вызывали бесконечные линии тонких проводов, натянутых над землей, уходящие вдаль. Сначала я решил, что таким образом здесь огораживают поля, но потом понял, что это слишком ненадежная защита.

Вскоре я также убедился, что постоянно встречающиеся нагромождения камней созданы самим человеком и, видимо, служат ему жилищем. Дым, валивший оттуда, был свидетельством того неэкономного способа, которым эти жилища обогревались. На нашей Четвертой планете давно от него отказались. Открытый огонь у нас вообще можно видеть только во время пожаров, да и те давно канули в прошлое.

Лишь на второй день странствий мне повстречалась первая машина. Она стояла у края той самой твердой полосы, которая в первый же день привлекла мое внимание. Мои линзы внезапно уловили блеск полированной поверхности машины, и я тут же поднялся из зарослей. Трудно передать, как я обрадовался. Наконец-то мне встретился тот, кто сможет меня понять. Волнение мое было столь велико, что, не удержавшись, я издал приветственный крик.

За машиной кто-то зашевелился, и я увидел человека, удивленно уставившегося на меня. Я сразу понял, что это женщина, несмотря на неуклюжие одеяния, которые

носят жители Третьей планеты. Женщина глядела на меня, и в ее мыслях удивление постепенно сменялось откровенным страхом. Гаечный ключ с грохотом вывалился у нее из рук, и в одно мгновение женщина очутилась в машине. Дверца захлопнулась, раздался треск и урчание мотора, когда она нажала на какой-то рычаг. Однако машина не тронулась с места. Чем ближе я подходил, тем большая паника охватывала женщину. Мне же совсем не хотелось ее пугать. Было бы лучше, если бы ее нервные импульсы не бомбардировали бы столь беспорядочно мои воспринимающие устройства. Ведь меня интересовала не она, а машина. Я выбрался из кустов и наконец смог как следует разглядеть машину. Какое горькое разочарование! Передо мною была самая примитивная машина — *на колесах*! Просто невероятно, но она способна была передвигаться по специально сделанным для этих колес дорогам. Позднее я убедился, что большинство механизмов на Третьей планете передвигалось именно так. Моя первая встреча с машиной обернулась тяжелым разочарованием. Этот варварски сработанный механизм огорчил меня больше, чем все последующие неприятности.

Разочарованный и опечаленный, я попробовал заговорить с машиной. Она молчала. Она неподвижно стояла на своих нелепых колесах на твердой полосе, словно намертво приросла к ней и стала ее частью.

Подойдя совсем близко, я брезгливо осмотрел ее примитивно собранные внутренности и снова с горестью ощутил свое полное одиночество. До этой встречи меня не покидала надежда все же встретить здесь родственный мне механизм. Но теперь я понимал, что это едва ли возможно, раз здесь все еще в ходу такие допотопные монстры.

Своей механической рукой я неловко царапнул поверхность машины и услышал испуганный вскрик. Лицо женщины было прижато к стеклу, она с ужасом глядела на меня, но в ее мыслях царил такой хаос, что мне не удавалось прочесть их. Чего она хочет? Чтобы я ушел? Нет, ей хочется поскорее привести в действие свою машину. Она гадает, что я за диковинное животное да и существую ли я в действи-

тельности или просто ей померещился. Последняя мысль, кажется, напугала ее больше всего. Наконец я понял, что, видимо, в машине что-то разладилось, и занялся поисками поломки.

Копаясь в примитивных машинных внутренностях, я понемногу начал понимать, почему внушаю такой ужас жителям этой планеты. Имея столь грубые и несовершенные механизмы, они не могут им доверять, опасаются их. Разве можно положиться на машину, которая в случае поломки не в состоянии сама себя починить? Мне казалось, что теперь я нашел разгадку странного поведения обитателей Третьей планеты.

Тем временем женщина немного успокоилась и наблюдала за моими действиями даже с интересом. Но я по-прежнему казался ей фантастическим видением.

«Должно быть, я брежу», — то и дело повторяла она, и каждый раз эта мысль повергала ее в ужас, хотя потом она все же брала себя в руки.

— Ничего не понимаю, — громко сказала она. Это как будто немного успокоило ее, и она решила ждать, что будет дальше.

Наконец я закончил починку мотора. Кое-как соскоблив с механических рук вязкое смазочное масло, я подал женщине знак, что все готово. Она нажала на стартер, и мотор ровно загудел. Несмотря на этот шум, мое воспринимающее устройство зафиксировало сигналы благодарности — моя новая знакомая, забыв о страхе, благодарила меня.

А затем машина тронулась. Я смотрел, как неуклюже катит она по твердой полосе. Потом она превратилась в маленькую точку и исчезла совсем.

Я решил вернуться в заросли и продолжить свой путь. С грустью вспоминал я родную далекую планету, теперь окончательно поняв, как одинок здесь.

Хищники

Они атаковали меня, когда я пересекал ровную зеленую площадку, которых здесь так много.

Мое думающее устройство было окончательно сбито с толку тем, что творилось во мне самом. На Четвертой планете все было ясно: меня что-то интересовало или же не интересовало совсем, я или настраивался на определенные действия, или же нет. А здесь... Я вдруг обнаружил, что во мне зародился целый ряд *эмоций*, роботам несвойственных и присущих только человеку. Например, чувство одиночества: я тосковал по своим товарищам-роботам. Или очень странное чувство — тревоги, сменявшейся порой чем-то похожим на безразличие, апатию. Ничего себе: робот, страдающий апатией. Может, виноват этот проклятый инстинкт самосохранения? Или же чужая среда так действует на мои химические элементы?

Размышляя над этим, я чуть было не прозевал их приближение. Поначалу это был гул, толчками отозвавшийся в диафрагме моего слухового устройства, а затем — настоящий грохот, сотрясший землю. Обернувшись, я увидел, что они мчатся прямо на меня.

Это были чудовища, обросшие шерстью, с острыми пиками на голове. На моей планете они вымерли, как я знал, миллион лет назад. Четвероногие представители века варварства с каким-то непонятым остервенением топтали конечностями зеленую лужайку. Поскольку впереди меня вдруг некстати оказался канал, которых здесь тоже непонятное множество, мне ничего не оставалось, как убрать вовнутрь рычаги, защитить линзы и диафрагму слухового устройства и ждать, что будет дальше.

Увидев меня, чудовища замедлили бег и вскоре перешли на шаг. Ко мне они приблизились уже с опаской, подозрительно приюхиваясь. Наконец, осмелев, одно из них попыталось поддеть меня своей рогатой головой, другое же ударило твердым концом конечности. Я вытерпел все это, поняв, что опасность не так уж велика. Столь примитивные существа не

способны долго проявлять интерес к чему-либо. Скоро я им наскучу и они оставят меня в покое.

Однако они не уходили и продолжали обнюхивать меня и бить конечностями. Я решил попробовать отогнать их и выпростал один из верхних рычагов. Но, увы, результат оказался иным, чем я ожидал. Вместо того чтобы разбежаться, они сбились в кучу и, издавая протяжные звуки, стали бить конечностями землю. Но на меня они, однако, не набросились, лишь несильно толкнули пару раз своими пиками и все продолжали обнюхивать.

Вдруг я услышал голос. Это был голос человека. Через прикрытое слуховое устройство я хоть и с трудом, но все же уловил слова:

— Что это стадо взбесилось, а, Билл?

— Кто его знает? — ответил другой голос.— Пойдем поглядим.

При приближении человека мои мучители наконец разбежались. Я слышал, как они удаляются, однако не рискнул открыть линзы.

— Что за дьявольщина! Откуда это взялось? Эй, Билл? — услышал я голос совсем рядом.

— А я почему знаю? Полчаса назад здесь ничего не было. А что это такое?

— Сам не знаю. Давай-ка перевернем и посмотрим, что это за штуковина.

Я решил, что самое время подать признаки жизни, пока они не успели нанести мне повреждений. Мой балансир может сразу не сработать, и, если они перевернут меня на спину, я окажусь совсем беспомощным. Я решил выдвинуть рычаг.

Раздался удивленный возглас, а затем испуганный шепот:

— Ты видел, Билл? Оно шевельнулось?

— Брось молот ерунду. Как может такая штука шевельнуться? Скажешь еще...

Но тут я выпростал нижние рычаги и повернулся к ним. Они остолбенели от ужаса, но только на мгновение. Через секунду они опрометью мчались к видневшимся вдали стро-

ениям. Я встал и медленно последовал за ними. Мне было уже все равно.

Строения (я их уже различал) не все были из камня и располагались квадратом. Бежавшие исчезли в одном из них. Я услышал их взволнованные крики, доносившиеся изнутри, и шум голосов. Обогнув угол крайнего строения, я увидел возбужденно лопочущую толпу — человек десять. Как только они заметили меня, то сразу в панике скрылись внутри строения. За исключением одного из них.

Я остановился и стал его разглядывать, а он тоже уставился на меня, слегка покачиваясь. Глаза его недоумевающе моргали.

— Что это? — воскликнул он как-то недовольно, словно спрашивал сам себя.

Я понял, что он здорово сбит с толку, так как мысли его путались и я с трудом мог уследить за ними. Но он меня не боялся, и это было главное. Первый человек на этой планете, который не пришел в ужас от моего вида. Но, похоже, он не очень верил, что я действительно существую.

— Эй вы там, мне это не привиделось? Вы тоже его видите? — громко крикнул он тем, кто спрятался в строении.

Глухие беспорядочные крики заверили его в том, что все это происходит на самом деле.

— Ну тогда все в порядке, — облегченно сказал он и сделал шаг вперед.

Я тоже двинулся навстречу, но очень медленно, чтобы не напугать его. Мы сошлись на середине двора, и он дотронулся своей грубой рукой до моего корпуса, словно искал равновесия, а потом даже похлопал меня пару раз, приговаривая:

— У, хороший, хороший пес. Спокойно, спокойно. Пойдем-ка со мной. — Поглядывая через плечо, следую ли я за ним, он направился к бурому, сделанному из каких-то растений строению, издавая на ходу странные, похожие на свист звуки.

Он открыл дверь строения и, махнув рукой, указал мне на кучу сухого хвороста. Он словно приглашал меня.

— Хорошая псина,— снова повторил он.— Ложись, старик. Вот так.— Несмотря на то что меня, робота, назвали собакой, я не обиделся и принял предложение. Так был рад, что меня наконец не боятся.

Он долго возился с замком, который ему никак не удавалось запереть.

Цирк

Наступил столь часто повторяющийся здесь период темноты и тишины. Как и всякое животное, человек нуждается в частом отдыхе, а поскольку для того, чтобы видеть, он не пользуется, как мы, инфракрасными лучами, он выбирает для отдыха те периоды, когда нет солнечного света и наступает темнота.

Как только взошло солнце, шум и движение за стенами моего обиталища возобновились. Все увещевали какого-то Тома. Должно быть, это и был тот человек, который вчера привел меня сюда и запер.

— Ты что? Собираешься его выпустить? — возбужденно спрашивали его.

— А почему бы нет? — отвечал он.

— Что-то мне эта штукавина не очень нравится. Я бы на твоём месте её не трогал,— заметил чей-то голос.

— А вы все перетрусил небось,— насмешливо сказал Том.

— Ну, перетрусил. Ты бы и сам перетрусил, если бы не был под парами.

— Если он вчера меня не тронул, когда я был пьян, зачем ему трогать меня сейчас? — не сдавался Том.

Говорил он уверенно, но в душе, я чувствовал, он побаивается.

— Ну, парень, пеняй на себя,— сказал кто-то снова.— Не говори потом, что тебя не предупредали.

Я услышал, как люди отошли на достаточно, по их мнению, безопасное расстояние. Том же, сам себя мысленно подбадривая, приближался к сараю.

— А почему бы мне его не выпустить? Больше того, я отвезу его кое-куда, где мне за него неплохо заплатят...

— Ты сдурел, парень!..

— Посмотрим.

Он загремел замком, а потом крикнул, как ему казалось, свирепым голосом, в котором, однако, слышался страх:

— А ну выходи!

Он очень обрадовался и немного удивился, когда я послушался. Правда, когда я поднялся во весь рост, он чуть было не пустился наутек, но поборол страх. Хотя это стоило ему немалых усилий.

Стараясь казаться совершенно спокойным, он направился к одной из машин, которые мне уже встречались на здешних дорогах, открыл заднюю дверцу и, показав рукой, велел мне лезть внутрь. Потом он торжествующе посмотрел на своих друзей, насмешливо помахал им своим головным убором и тоже забрался в машину, сев впереди меня.

Когда мы тронулись, я увидел группу совершенно ошеломленных людей, глядевших нам вслед.

Солнце было еще высоко, когда мы доехали до места назначения. Возможности машины, на которой мы передвигались, были настолько ограничены, что по пути нам пришлось сделать несколько остановок, чтобы заправиться топливом и водой. Наконец мы остановились перед деревянным забором с большими воротами.

За забором виднелась верхушка большого купола из белого холста, украшенная цветными лоскутьями, развевающимися на ветру. К этому времени я уже перестал удивляться местным строениям и не гадал больше, каким целям они служат в этом примитивном мире; я предпочитал ждать, когда все объяснитса само собой.

Из-за забора доносились неприятные, режущие слух звуки, затем показалась голова человека, который громко крикнул, перекрывая разноголосый шум:

— Что нужно? Главный вход с другой стороны.

— Где хозяин? — крикнул Том.— У меня есть кое-что для него.

Ворота открылись.

— Он в конторе,— сказал человек и ткнул пальцем через плечо.

Мы въехали в ворота, и тут я про себя снова отметил пристрастие жителей Третьей планеты к колесам — даже контора была на колесах.

Том исчез в конторе и вскоре появился с каким-то человеком.

— Он здесь, в машине,— промолвил Том, указывая на меня.— Ничего подобного вы не видывали — первый механический зверь в мире. Представляете, какие можно сделать афиши!

Мужчина разглядывал меня без всякого восторга, с большой долей недоверия.

— Этот ящик? — спросил он.

— Хорош ящик! А ну, ты! — крикнул мне Том.

Оба в страхе отступили, когда я поднялся. Незнакомый мужчина с опаской посмотрел на мои механические руки.

— Вы уверены, что эта штука безопасна? — нервно спросил он.

— Конечно! — воскликнул Том.— Совершенно безопасно.— И чтобы доказать это, подошел и похлопал меня по корпусу.— Я предлагаю вам самый сногшибательный номер, какие только возможны в цирке. Он стоит в десять раз больше, чем я прошу. Вот увидите, нигде в мире такого не было и не будет.

— Да, действительно, я ничего подобного не видывал,— ворчливо промолвил мужчина.— Где вы его откопали?

— Сделал сам,— нахально заявил Том.— В свободное время мастерил.

Человек по-прежнему не выказывал особого энтузиазма.

— А на что он способен? — наконец спросил он.

— Он-то? — Том чуть не задохся от негодования.— Да вы только поглядите... А ну принеси дрова,— велел он мне.

Когда я выполнил его приказание, хозяин цирка несколько оживился.

— А что у него внутри? — поинтересовался он.

— Секрет,— коротко ответил Том.

— Никаких секретов, если ты хочешь, чтобы я его купил. Ты думаешь, я совсем уж осёл. Давай посмотрим, что у него внутри.

— Нет, нельзя,— запротестовал Том, с опаской поглядывая на меня.— Берете как есть или не берете совсем.

— Вот, значит, как? Думаешь, нашел идиота, который купит не глядя, а потом окажется, что там внутри сидит еще один, вроде тебя, и проделывает все эти фокусы. Сдается мне, парень, что этим скоро заинтересуется полиция, а?

— Внутри никого нет,— упирался Том.— Просто это механизм с... секретом, вот и все.

— Не поверю, пока сам не увижу.

Том с минуту подумал, прежде чем решиться.

— Ладно,— сказал он с отчаянием,— попробуем снять эту чертову крышку... Эй, ты куда?.. Стой!

Это он мне кричал, но я не обратил на его крики никакого внимания. Одно дело самому наблюдать и изучать эти странные существа, и совсем другое позволить им копать в твоих внутренностях. Таким недотепам, как Том, ничего не стоит повредить блоки.

— Стой! — кричал Том, пытаюсь меня догнать.

Какой-то человек попробовал меня остановить и чем-то ударил, но я отбросил его в сторону. Прямо передо мной выросло сооружение из белого холста.

«Здесь можно спрятаться»,— подумал я.

Но как я ошибся! Все небольшое пространство внутри заполнили четвероногие, правда, совсем не похожие на тех, с которыми я встречался день назад. Они были меньше ростом и без рогов, но такие же примитивные. А вокруг них ярусами до самого верху сидели люди.

Я едва успел взглянуть на все это, потому что звери увидели меня. Что тут началось! С воем и ревом они кинулись во все стороны, а люди в ужасе завопили и повскакали с мест.

Я уже точно не помню, что было дальше, но, несмотря на панику и сумятицу, мне все же удалось отыскать Тома.

Он заводил машину и сначала испугался, когда увидел меня, а потом все же передумал и успокоился.

— Полезай, быстро! — рявкнул он. — Надо убираться отсюда, пока не поздно.

Хотя сам я мог передвигаться куда быстрее, чем эта дурацкая машина, я все же решил не покидать Тома. Все же лучше, чем одному скитаться по незнакомым местам.

Катастрофа

С какой тоской я смотрел в тот вечер на далекую красную звезду!

Там — мир, который я так хорошо знал и понимал, а здесь — хаос, неразбериха, непонятное всеобщее безумие.

Вместе со мной в машине сидели еще трое приятелей Тома, которых он прихватил по дороге. Том вел машину. Я выключил воспринимающее устройство, чтобы мысли этих людей мне не мешали, и погрузился в раздумья по поводу событий минувшего дня.

Как только Том убедился, что мы вне опасности и нас никто не преследует, он сказал:

— По этому поводу не мешает выпить.

Он остановился на краю твердой полосы, по которой мы ехали, у каких-то зияющих пещер. Весь остаток дня он таскал меня через глазающую толпу из одной пещеры в другую, где люди держали в руках стаканы с цветной жидкостью. Это, должно быть, какая-то особая жидкость, ибо, как я заметил, люди здесь не очень-то дорожат водой. Чем больше Том меня показывал, тем больше он верил в то, что сам меня сотворил.

К вечеру, когда садилось солнце, с Томом что-то случилось. Он все больше тяжелел и наваливался на меня, а его слова, так же как и мысли, становилось все труднее понимать.

— А ну, кого подвезти, кому с нами по пути? — все выкрикивал он. Вот таким образом и попали к нам в машину трое попутчиков.

Машина тоже вела себя странно. Утром она катила прямо, а теперь ее болтало и заносило, и казалось, что она вот-вот совсем съедет с твердой полосы и покатит куда глаза глядят. Каждый раз, когда ее относило в сторону, все четверо прекращали монотонное вытье и начинали оглушительно и бессмысленно хохотать.

Как раз когда я пытался разобраться во всем этом безумии, произошла катастрофа.

Впереди показалась машина. По огням судя, она ехала нам навстречу. И странное дело, вместо того чтобы просто разминуться, как это сделали бы всякие разумные машины, две грохочущие неуклюжие массы изо всей силы врезались одна в другую. Вот ужас, подлинно безумная планета!

Раздался треск, чужую машину отбросило в сторону, она ударилась о дерево у края твердой полосы и загорелась.

Четверо моих попугачиков остались невредимы, но никак не могли сообразить, что произошло.

— Неплохой костер,— сказал один из них, выбравшись наконец из нашей изрядно помятой машины.— Здорово полыхает. Интересно, есть там кто внутри?

Нетвердо ступая, он направился к горящей машине, а я, забытый всеми, остался на месте и ждал, что будет дальше. На этой нелепой планете всего можно было ожидать.

— Гляди-ка, там девушка! — удивленно воскликнул тот, что подошел к машине.

— Пожалуй, ты прав,— важно подтвердил другой, еле ворочая языком, но пытаясь сохранить достоинство.

Затем я услышал жалобный женский голос:

— Что же мне теперь делать? Как я доберусь домой?

— Ниш-шег,— успокаивающе прошепелявил Том.— Не бойсь, поедешь со мной. Я малый славный, сама увидишь...

Я вдруг услышал шум борьбы.

— Нет, нет, красотка, сбежать тебе не удастся... Да к тому же с нами тебе будет безопасней. Зачем одной бродить ночью...

Девушка попробовала было закричать, но чья-то рука

зажала ей рот. Тут я не выдержал и посмотрел в их сторону. Девушку я узнал сразу — это была та самая, чью машину я чинил. В ее мыслях я прочел неподдельный ужас.

В одно мгновение я оказался с ними рядом. Мои попутчики в испуге отступили, но не Том. Он считал, что меня бояться нечего и что я его слушаюсь. Решив показать свою власть надо мной, он поднял ногу в тяжелом башмаке, видимо, намереваясь ударить по линзам. Но человек неуклюж и медлителен в движениях. Прежде чем он успел размахнуться как следует, я уже схватил его за ногу и отбросил в сторону. Но теперь, осмелев, на меня полезли его приятели. Не раздумывая, я поднял девушку и поспешил скрыться в темноте.

Отчаяние

Вначале я опять испугал ее, хотя она могла бы уже доверять мне после нашей первой встречи. Пристроив ее поудобнее на крышке своего корпуса и придерживая передними рычагами, я пустился в путь, следуя тому направлению, которое она бессознательно указывала мне в своих мыслях. Она была ранена, и из ее правой руки сочилась кровь.

Я двигался с максимальной скоростью, которую только мне позволяли все мои восемь конечностей. Я опасался, что из-за потери крови мысли ее начнут путаться и я не успею узнать, какова конечная цель пути. Так и случилось. Вскоре посылаемые ею импульсы стали ослабевать и потом прекратились совсем. Но до этого она так неустанно думала о доме, мысленно видела дорогу к нему, что этого мне оказалось достаточно.

Наконец я предстал перед заветной дверью. Я толкнул ее, и она открылась. На пороге стоял ее отец, и я протянул ему обессиленную от потери крови девушку.

— Джоан!.. — только и мог сказать он. Его, казалось, ничуть не удивила встреча со мной — первым инопланетянином, которого он видел. Лишь когда после перевязки

его дочь вновь пришла в себя, он посмотрел в мою сторону...

Мне остается добавить совсем немного. Они были добры ко мне, эти двое людей. Они старались понять меня, хотя им это было нелегко. Профессор даже попытался заглянуть внутрь моего устройства. Я позволил ему это, ибо доверял его знаниям,— но он ничего не понял. Я видел, как он пытается сравнить меня со всеми известными ему электронными устройствами, но все они, как я понял, были пока слишком несовершенны...

Впрочем, как и всё на этой планете. Здесь не могли даже понять, из какого сплава изготовлен мой корпус. Для них я не более чем диковина — и выше их понимания...

Они не прочь понять меня, я читаю это в их мыслях. Им очень бы хотелось самим построить такой механизм, и возможно, со временем они сделают это. Со временем они тоже будут иметь такие машины... Но сейчас я бессилён им помочь, да и не хочу... Слишком трудно быть умной машиной в этом безалаберном мире людей...»

Профессор перевернул последнюю страницу и поднял глаза.

— Итак, он сам растворил себя в кислотах, которые отыскал в моей лаборатории.

Он медленно подошел к окну и посмотрел на далекий Марс, спокойно плывущий среди мириад созвездий.

— Как знать,— прошептал он,— как знать...

Он протянул рукопись дочери.

— Джоан, доченька, мне кажется, лучше сжечь это. Нам не нужны лишние неприятности.

Джоан кивнула:

— Хорошо, отец, раз ты так считаешь.

Страницы затрепетали, вспыхнули, почернели и рассыпались на жарких углях. Но копию рукописи Джоан сохранила...

Герберт В. Франке

Психотерапия

— А теперь ложитесь поудобнее,— сказал врач.— Подушка мягкая?

— Вам столько со мной хлопот,— тихо отозвался больной.

— Что вы! — запротестовал врач.— Мы сделаем все, чтобы вас вылечить!

Успокаивающее, уже принятое больным, явно на него действовало: лицо его смягчилось, веки сомкнулись.

— Расслабьтесь,— сказал врач. Он говорил тихо и монотонно.— Вы засыпаете. В вашем мозгу проплывают любые мысли, какие только можно себе представить... но ничего плохого в этом нет... Вам кажется, будто все это переживает кто-то другой... Однако, когда об этом говоришь вслух, чувствуешь себя лучше... Сразу же становится легче... Так что же вас так сильно потрясло? Вспомним: вы шли с женой, которую до этого очень любили, через цех вашей фабрики. Вертятся колеса, грохочут штампы — вы их слышите? Вы стоите перед прессом, жена рядом с вами, и — что дальше?

Врач и его помощник стояли около кушетки. Они не сводили глаз с лица человека, лежащего перед ними; сейчас лицо это исказила гримаса боли.

Губы больного задвигались:

— Сюзанна... Я взял ее за левую руку — хотел, чтобы она отошла подальше от прессы. Она повернулась, споткнулась, выставила инстинктивно вперед правую руку, чтобы опереться на что-нибудь, и рука оказалась под пресс-формой...

Врач и помощник переглянулись.

— Но ведь с Сюзанной ничего особенного и не случилось? Сбегала к врачу, ей сделали перевязку. Несколько царапин всего-навсего! Что же так потрясло вас?

Больной снова забормотал себе под нос, однако они ясно разбирали каждое его слово:

— В том-то все и дело. Молот ударил ее прямо по руке, а она даже не заметила! И к врачу побежала, только когда увидела мой взгляд. Сюзанна — робот!

— С вашей женой в детстве произошел несчастный случай. На месте предплечья у нее протез. Она не решалась вам об этом сказать. Но ведь вы это ей простите? Или нет?

Голова больного снова утонула в подушке.

— Вам и задолго до этого казалось, будто вас преследуют роботы,— продолжал врач.— Может, у вас связано с роботами какое-нибудь неприятное переживание? Поройтесь в памяти! Подумайте хорошенько! Вам ничего не хочется мне рассказать?

— Я вырос в деревне,— заговорил больной. Глаза его по-прежнему оставались закрытыми.— Зимой мы топили железную печку, в холодные дни так долго, что она раскалялась. В один такой день мать около нее села. К ней спиной. И вдруг, забывшись, прислонилась к раскаленной печке.

— Знаю,— сказал врач.— Вы тогда потеряли мать. Это очень грустно. Но вы были здоровым подростком. Это горе вы уже давно преодолели.

— Вы знаете не все,— возразил больной.— Спина сразу загорелась. Как целлулоид. Я попробовал было загасить огонь платком, но когда попытался отнять его, увидел, что это невозможно, он зацепился за проволочную сетку — вот что оказалось под кожей у моей матери! Она была робот!

— Нет! — сказал врач.— На ней тогда было новое платье из затканной целлюлозой пластмассовой сетки. Целлюлоза сразу вспыхнула, пластмасса же в огне затвердела. Именно это вы и увидели. Но не поняли, что именно произошло. Теперь вам ясно?

— Да, конечно,— шепотом ответил больной.

Врач повернулся к помощнику:

— Пока пусть не встает. Продолжим.

Он снова обратился к больному, бледное лицо которого

смотрело на них с подушки:

— Все это не дает никаких оснований бояться роботов. Человеку ни один робот никогда не делал ничего плохого. Может быть, вы пережили еще что-нибудь, что вас испугало? Вспомните! Было когда-нибудь такое? Может, еще раньше?

Веки больного беспокойно затрепетали. По его лбу, как волны по воде, пробежали морщины. Он заговорил опять:

— Это случилось незадолго до смерти матери. Я играл с Джорджи, соседским мальчиком. Мы долго бегали и возились, и нам очень захотелось пить. На подоконнике у меня дома стоял стакан с соляной кислотой — я использовал ее в своих химических опытах. Джорджи схватил стакан. «Это пить нельзя!» — закричал я и бросился к нему, но он уже успел выпить полстакана. Только тут он осознал, что было в стакане. Схватился рукой за горло, потом наклонился, будто его сейчас вырвет. Выплюнул он, однако, сперва язык, потом несколько зубов, а потом два желтоватых комочка, с которых сходила слоями шелуха. Но я успел увидеть винты, на которых держались зубы. Джорджи был робот!

— Да,— признал врач,— Джорджи был робот. Его отправили в центральное управление и там отремонтировали. Так радуйтесь же! Окажись на его месте человек, тот уж едва ли бы остался в живых. Так что с вашим другом все закончилось наилучшим образом. Вы не можете с этим не согласиться!

Больной молча кивнул.

— Ну вот,— сказал гораздо увереннее врач, теперь он вкладывал в слова всю способность внушать, какой только располагал.— Тогда все в порядке. Ничто больше вас не тяготит. Вы просто устали, и теперь вам нужно уснуть. Когда проснетесь, будете уже здоровы — здоровы!

Последнее слово он произнес с особым нажимом.

Больной слабо шевельнулся несколько раз, потом дыхание его стало глубоким и ровным: он спал.

Помощник вздохнул.

— Что делать,— спросил он,— если мы допустим новый промах?

Раздался щелчок, это помощник поднял закрепленную на шарнирах крышку своего черепа: позитронный мозг нуждался в охлаждении.

Врач не ответил. Но на человека, который, расслабившийся и спокойный, лежал перед ними, он смотрел очень озабоченно.

Х. Харгривс

Если сказали тебе, что ты умер...

Огромная машина-компьютер пела для самой себя какую-то песенку — бесконечную, нежную, едва слышную в тысяче других тихих звуков. Машина занимала колоссальное по площади подземное помещение, над которым раскинулся один из пригородов Рагби, в прошлом небольшой город в штате Северная Дакота. Двести пятьдесят миллионов карточек продвигалось по каналам машины быстро и плавно, словно кровь по сосудам человеческого тела. Одну из них на мгновение выхватывали для того, чтобы внести новые данные; другую — чтобы, наоборот, изъять старые. К примеру, в роддоме города Индианаполис появился на свет ребенок; его поместили под электронный измеритель, который во мгновение ока снял мерку с головы, грудной клетки, запястий и лодыжек младенца. В меньшей машине, чем та, главная, появилась карточка — минутой позже такая же появится в машине города Рагби. На карточке значилось, что население Америки пополнила девочка и ей выдано постоянное удостоверение личности, а проще говоря — УЛ, за номером IN97246IND38452. Отныне, каким бы именем ни нарекли ее родители, как бы ни окликали ее подруги, как бы ни называл будущий муж — машины, заполняющие карточки УЛ, заведующие и всячески манипулирующие де-

мографической статистикой,— все эти шестьдесят пять главных машин страны обозначали ее именно IN97246IN Д38452.

Примерно в это же время в городе Саскатун, штат Саскачеван произошло другое событие: робот-полисмен поднял на улице покойника — взрослого мужчину, пронес мимо толпы зевак к машине и после минутного обыска извлек из кармана его УЛ. Потом передал через электронный информатор сообщение, что такой-то умер. Машина № 58, расположенная в пятидесяти милях к северу от этого города, отправила в боковой канал карточку SA537SAS8442, провела ее через несколько записывающих устройств и, наконец, сбросила в ящик с надписью «Умершие». Впервые за много лет карточка обрела покой. Мгновением позже дубликат карточки за тем же номером направили в боковой канал в машине города Рагби, с тем чтобы сбросить ее в точно такой же ящик. Но тут случилось нечто, не предусмотренное в свое время инженерами и техниками: та самая нелепость, которая происходит, может быть, только один раз в сто лет.

Когда нужную карточку отправляли в боковой канал, едва ощутимая вибрация тока создала подобие эха, и следующая карточка, стоявшая позади, тоже попала в боковой канал. Так случилось, что в ящик «Умершие» упала карточка BE96647CON374699. А вскоре вслед за этим в городе Денбери, штат Коннектикут, ее дубликат сбросили в ящик с такой же мрачной надписью.

Для любого из жителей пригорода Бетель, штат Коннектикут, тот день был таким же точно, как и все предыдущие, в том числе и для некоего Джо Шульца, рабочего фабрики антикварной мебели. После работы Джо решил, что он с большим удовольствием проведет время в кафе-автомате, чем в тишине своей тесной и убогой квартирки. Цены были одинаковы независимо от того, вставишь ли ты свое УЛ в прорезь соответствующего автомата в кафе или дома. Однако — и это было существенно для Джо — в кафе ты видишь ряды тарелок с настоящей едой, а дома — только

цветные слайды. Кроме того, в кафе вокруг тебя — все-таки живые люди, какие ни на есть, хорошие или плохие.

Но главное удовольствие состояло в другом. Предприимчивому парню, каким был Джо, кафе давало свои возможности.

Пробив компостером цены выбранных блюд, он заплатил за них роботу-кассиру и забрал свой поднос. С некоторым беспокойством он заметил, что сумма пробита на синем чеке: это значило, что его средства на исходе, а ведь до полочки еще целая неделя. Ладно, подумал Джо, бывало, к этому времени я не раз и красный чек получал, то есть совсем на мели оказывался. Пару раз даже пришлось пройти через жуткую тяготину с получением кредита, который потом вычитают из зарплаты. И мне еще здорово повезло: выполняю физическую работу, требующую особых навыков, и получаю побольше некоторых. (Уж как он достал это место, лучше не вспоминать. Джо не раз ломал голову, как сводят концы с концами те, кто просто нажимает кнопки на машинах.)

Джо внимательно осмотрел посетителей, и взгляд его остановился на сильно располневшей пожилой даме. Она была за столиком одна, а на подносе ее стояли тарелки с весьма калорийной едой. Ловко лавируя между столиками, Джо остановился возле дамы, сверкнув улыбкой, спросил: «Разрешите?» — после чего решительно уселся напротив.

Первые несколько минут прошли в молчании: Джо уминал довольно жалкое содержимое собственных тарелок, не обращая внимания на музыку, которая играла негромко, но назойливо. По мнению психологов, она заставляла посетителей поглощать свою пищу быстрее и тем самым увеличивала пропускную способность кафе. Потом Джо начал изучать соседку, чтобы разработать тактику и завладеть «объектом». На нее, видимо, музыка не действовала совсем. Не так легко будет ее околпачить, думал Джо. Ну что ж, тем интереснее моя задача.

В качестве первого хода он демонстративно отодвинул

прочь тарелку картошки, плавающей в жире, и при этом сокрушенно вздохнул. Во взгляде женщины мелькнула искра интереса, даже удивления. Задача становилась легче.

— Сплошной холестерин,— сказал он, накалывая на вилку стручок зеленой фасоли. И продолжал, заметив, что лоб женщины пересекла складка — она призадумалась: — Плохо действует на артерии. Покрывает стенки, сужает.

С минуту он молча смотрел на содержимое своей тарелки, однако, когда соседка уже была готова забыть его фразу, добавил, печально улыбнувшись:

— Дружок у меня помер в прошлом году, как раз вот от этого. Даже и вспоминать тяжело. Такой хороший парень был: большой, веселый, здоровый. И выглядел прекрасно до того самого дня, когда сыграл в ящик. Врач сказал: «Закупорка сосудов». Такие вот дела. Сердце не выдержало. А ведь врач предупреждал: «Откажись ты от этих калорий, перестань жирное есть. Это яд. Чистейший яд». Артур не послушался, чужак. А парень был хороший.

Джо умолк, заметив уголком глаза, что губы соседки сжались в прямую, жесткую линию. Пожав плечами, она снова взялась за вилку.

Джо отодвинул свою полупустую тарелку, зажег сигарету и стал читать световую газету: строчки новостей, которые медленно ползли по стене. Вилка застыла в руке женщины. Потом, отправив еду в рот, она медленно положила вилку на стол, вздохнула, отодвинула стул, тяжело встала и вышла из кафе. Только убедившись, что она ушла совсем, Джо переправил ее десерт на свой поднос, не торопясь доел собственную еду и только после этого наслаждался добычей. Не так уж тяжело она досталась, подумал он.

Чувствуя себя куда больше в ладу с миром, чем раньше, Джо решил, что может позволить себе лишнюю чашечку кофе. Все так же довольный своей победой, он пробрался к автоматам с напитками и сунул свое УЛ в прорезь одного из них.

Чашка осталась пустой. Какую-то долю секунды Джо

даже этого не замечал. Потом увидел, что автомат швырнул его карточку назад.

В изумлении Джо смотрел на карточку, автомат и чашку, потом повторил попытку. И снова автомат вышвырнул назад его УЛ. Выбросил на поднос, куда сваливают карточки, в которых что-то неладно. В полной растерянности Джо пытался сообразить, какой непорядок в его УЛ. Он отошел в сторону лишь тогда, когда очередь позади него заволновалась.

Такое с ним случалось раньше всего однажды, когда он вышел из бюджета. Но в тот раз его довольно четко предупредили: чеки пробивали на красной бумаге. Он и правда не хотел брать в долг, пока его счет окончательно не иссякнет. Но сегодняшний скромный ужин не мог его вконец разорить.

Все так же недоумевая, Джо направился в тот конец зала, где стояли автоматы с надписью «Официальные запросы», и подошел к одному из них. С минуту поколебавшись, он сунул свое УЛ в прорезь и стал ждать. Жужжание компьютера уже умолкло, а карточка все не возвращалась. Секунды ожидания обернулись пыткой. Наконец автомат вернул карточку со странным звуком, похожим на икоту. В тот же миг из другой прорези, сбоку, появилась какая-то инструкция. Джо вытащил ее и прочел текст, от которого пришел в полное изумление: *«Просим учесть: УЛ, найденное вами, принадлежит умершему. Просьба опустить его в ближайший ящик для документов, подлежащих сожжению»*. И далее: *«Предупреждаем, что, пользуясь удостоверением личности покойного, вы нарушаете закон. Ваш запрос зарегистрирован. Сохраняя данное УЛ более двух суток, вы становитесь уголовно ответственным»*.

Джо понял, что это какое-то крайнее недоразумение, какая-то дурацкая путаница. Настроение у него испортилось. Однако он быстро убедил себя, что любое недоразумение можно легко разрешить. Он знал, что неприятности бывали время от времени и у других — причем покрупнее, чем эта. Ходила среди его знакомых легенда про

одного парня, который растратил сумму, в сто раз превышавшую его вероятный заработок за всю жизнь. Кажется, припоминал Джо, парня пришлось назначить на какой-то крупный пост, чтобы он смог оплатить долги. Ну да, так и было: его сделали президентом какой-то страны, которой выдали заем, равный долгу президента. Ну что ж, Джо хотя бы знал теперь, что следует предпринять. Нужно найти справочное бюро, где принимают запросы в письменном виде, заполнить нужную форму, и вопрос будет исчерпан.

Задумано — сделано. Джо вышел из кафе-автомата и направился к ближайшему справочному бюро.

Полчаса спустя «покойный» Джо Шульц удалялся от этого здания в состоянии полного морального упадка. Он заполнил там один за другим три разных бланка, потому что ни один не отражал, по его мнению, сути дела. И на каждый машина давала точно такой же ответ, какой он получил в самый первый раз. Наконец в полном отчаянии он запросил информацию по поводу умерших вообще и получил в ответ направление в ближайшую контору следователя, или так называемого «духовного наставника». Сжимая эту бумажку в руках, он медленно побрел домой, изо всех сил пытаясь понять, что же все-таки произошло.

Однако худшее было впереди. Подойдя к своей двери, Джо увидел, что квартира пуста. Два робота тщательно убирали какой-то мусор. Мебель Джо — всего две-три вещи, за которые он расплачивался несколько лет, — и прочие пожитки уже куда-то увезли.

Это его потрясло. В порыве гнева Джо стал вырывать из рук робота тряпку, которой тот протирал пыль. — Ты что делаешь, сукин сын?! — кричал он на механического человека. Робот не ответил, он просто стоял, выжидая. Внутри у него раздавался мерный гул. Другой робот, видимо более сложная модель, повернулся и подошел к Джо. Шупальца-измерители быстро прошлись по его телу вверх и вниз, после чего протянули ему какую-то бумагу, и оба робота вернулись к прерванной работе. Совершенно растерявшись, Джо читал «Инструкцию для наследников», в которой говори-

лось, что вещи покойного Шульца опечатаны и отправлены на государственный склад, где и будут храниться до последующих распоряжений. Та же бумага сообщала, что чья бы то ни было попытка присвоить что-то из имущества или сопротивляться его отправке будет рассматриваться как уголовное преступление. Джо, теперь уже сбитый с толку окончательно и бесповоротно, вышел из дому и потащился по тротуару, пытаясь отыскать выход из положения.

Ах да, контора следователя. Она упоминалась в самой первой из бумаг, которые он сегодня получал. Однако контора уже закрыта, да и, вероятнее всего, в ней тоже распоряжаются роботы. Он смотрел на лица спешащих по улице людей и думал, попадал ли кто-нибудь из них в такую же переделку. Просить у кого-то помощи? Все равно что прыгнуть на забитую машинами автостраду, шум которой доносится снизу. Каждый живет для себя, думал Джо, и чем меньше задаешь вопросов, тем лучше. Остановишь, например, вон того здоровенного парня, попросишь совета, а он подумает, что ты сбежал из психушки, и отправит туда же.

А что? Это может стать решением проблемы. По крайней мере, хоть на время. За свою жизнь он дважды побывал в больницах, и оба раза это было не так плохо. Сплошной отдых, неплохая еда, хорошенькие медсестры — хотя у них и не было времени разговаривать с простыми пациентами. Можно попробовать провести там хоть одну ночь. Конечно, если его отдадут компьютеру-диагностику, то сразу выведут на чистую воду и вышвырнут вон, но — кто знает? В тот, последний раз его не осматривали до самого утра. Джо еще жутко разозлился тогда: так ведь и концы отдашь, пока тебя лечить начнут. А на следующий день ему сказали, что он здоров — просто перебрал накануне. Ну что ж, попробовать стоит. Может, его примут и сегодня, еще не поняв, что он симулянт. Сейчас 19.00, думал Джо, пока я дойду до больницы — на такси у меня все равно не хватит, — будет 19.30. Подожду до 20.00 и попробую прорваться.

Поскольку голова его получила какую-то работу, он чувствовал себя лучше, хотя и сейчас не очень-то знал, что будет делать дальше.

Небольшой парк, разбитый вокруг больницы, выглядел довольно приятно — одна из новых моделей паркового искусства, призванная создавать иллюзию полной изоляции больного от внешнего мира. Кусты, деревья и цветы были синтетическими, но разглядеть это мог только очень острый глаз. А сейчас как раз все должно было расти и цвести, в любую погоду. Джо заметил, что траву сменили недавно: видимо, на фабрике пожалели краски, и трава была чуть-чуть светлее остальной зелени. В общем и целом, это окружение успокаивало; Джо почувствовал, что начинает приходить в себя — впервые за весь этот день, с той минуты, как автомат швырнул назад его УЛ. Уже сгущались сумерки, когда появился робот-сторож и включил освежители воздуха, спрятанные в кустах. Они тихо загудели, и Джо решил попробовать счастья.

Он глубоко вздохнул и, набравшись храбрости, не спеша миновал тамбур и подошел к столу в приемном покое, за которым стройная медсестричка, явно не старшая по должности, деловито сортировала карточки. Хриплым, «больным» голосом Джо назвал имя, фамилию и попросил, чтобы его приняли. Девушка оторвалась от карточек и, глядя ему в глаза, спросила, не может ли он назвать свою болезнь, хотя бы приблизительно. Джо продумал ответ, еще сидя в парке.

— Знаете, мисс, я лучше доктору скажу... Но болит жутко, так болит... — промямлил он, глядя в пол, переступая с ноги на ногу, потом уставившись на стену.— Если нужно, я подожду... — После этих слов он затих, а потом весь передернулся.

— Я направлю вас в отделение неотложной помощи,— сказала сестра,— и попрошу сразу вызвать врача.

— Спасибо,— процедил Джо, словно ему было трудно говорить.— Куда мне идти?

— Прямо через холл и налево,— ответила сестра.— Могли бы вы предъявить ваше УЛ?

— Ясное дело,— ответил Джо. Вытащив из кармана, он держал карточку перед глазами медсестры так, чтобы та смотрела на нее издали. Но не успел он глазом моргнуть, как девушка ловко схватила УЛ и, держа его двумя пальчиками за уголок, засунула в информатор.

Помертвев от страха, Джо ждал любой гадости. Так оно и случилось, и довольно скоро.

Откуда ни возьмись, появились два робота-санитара, окрашенные в светло-зеленый цвет, которые везли перед собой каталку. На глазах у онемевшей от неожиданности сестры они опрокинули Джо на каталку, привязали ремнями и покатали через холл. Куда его везут, он понятия не имел, но было ясно, что не в отделение неотложной помощи. Роботы плавно поставили каталку в грузовой лифт и стали опускаться на какую-то немислимую глубину. Потом так же плавно выкатили из лифта где-то в подвальном этаже.

На какой-то миг они задержались у двери, где светилась надпись «Морг». Джо понял, что с ним будет дальше. Он с ужасом видел, что носилки стоят около одного из аккуратных длинных ящиков; из некоторых таких же ящиков виднелись босые ноги покойников. Один робот открыл свободный гроб, другой деловито отвязал ремни. Не задумываясь, Джо сел прямо, как столб, потом, обогнув одного из «санитаров», помчался к выходу из морга. Оглянувшись назад, он заметил, что оба робота обшаривают пол, водя руками по кругу и тщетно пытаясь найти исчезнувшее тело. Дверь автоматически распахнулась, Джо выскочил в коридор и, задыхаясь, прислонился к стене.

Собравшись с силами, он снова двинулся к лифту, нажал кнопку вызова и стал лихорадочно изучать указатель отделений. «Приемная для ходячих больных» значилось против 35-го этажа. Именно эту кнопку и нажал Джо, войдя в кабину лифта. Стараясь дышать глубже, чтобы унять волнение, он проделал вверх тот самый путь, по которому его везли вниз. Потом пересек обратно тот самый холл. Еще

издали увидел медсестру: с лицом, белым, как ее халат, она пыталась что-то объяснить сестре, старшей по чину, размахивая для убедительности карточкой Джо. Разогнавшись, он с ходу выхватил свое УЛ и перестал бежать только тогда, когда рухнул на скамью в парке. Теперь можно было и отдохнуть после всех этих приключений.

Робот-сторож уже дважды прошел мимо него и теперь как-то ненавязчиво выжидал в тени маньчжурского вяза в конце тропинки. Джо пытался собраться с мыслями: что делать дальше? Больницы отпадают, это ясно. Контора прокурора закрыта. Осталась последняя надежда: прикрепленный к нему «духовный наставник». Найти его, однако, не так просто: Джо не был даже отдаленно знаком ни с одним «духовным наставником», хотя и знал теоретически, что таких целая армия.

Ломая голову над тем, как это называется официально, Джо снова пересек улицу, вошел в больницу, спустился на скоростном лифте к подъезду для посетителей, после чего на цыпочках пересек холл и подобрался к будке видеотелефона. Нажимая алфавитные кнопки видеосправочника, он ждал до тех пор, пока на экране не заплескала буква «Д», потом нажал среднюю скорость, буквы поползли медленнее, и вот уже появилось «дух...». По экрану заскользил список «Духовного христианского союза», и, нажав еще несколько кнопок, Джо быстро нашел адрес «духовного наставника», живущего довольно близко.

Джо приготовился было набрать номер «наставника», но вовремя вспомнил, что для этого тоже нужно УЛ. Он просто запомнил адрес и отправился пешком.

Минут через пятнадцать Джо стоял у двери в квартиру некоего Бенджамена Скрупа, после фамилии которого тянулся длинный список ученых степеней и званий.

Уже в первые минуты знакомства Джо понял, что Скруп уделяет гораздо больше внимания потребностям духа, чем потребностям тела. Ростом он превышал два метра, а весил, видимо, не менее полутора центнеров. В его огромных карих глазах затаилась неизбывная тоска. Глаза

«наставника» напоминали две шоколадные конфеты, плавающие в блюде с молоком. Проявив готовность немедленно помочь Джо, он пригласил его войти и изложить свое дело. Втиснувшись на жесткий диванчик у края складного стола, Джо думал: сколько же народу вмещает эта крохотная квартирка, построенная по проекту «экономии жилой площади»? Он читал что-то о таких домах, но воочию видел впервые. Две комнаты плюс ванная-туалет занимали меньше квадратных метров, чем холостяцкая квартирка Джо. Между комнатой, где он сидел, и спальней не было двери, и Джо видел трехъярусные нары, на которых спали по ночам; сейчас они были сложены и прижаты к стенам. Спросив, как бы между прочим, сколько в семье детей, Джо услышал:

— Семеро. Да, семеро детей, и мы с женой. Дети весь день проводят в домовом клубе, жена работает, так что мы мешаем друг другу редко: только за завтраком, за ужином и ночью.

Растерявшись, Джо сказал глупость: при таком положении вещей, мол, «духовному наставнику» и контора в городе не нужна. Хотя про себя отметил, что в этой квартире достичь душевного комфорта явно легче, чем физического.

Однако пора было переходить к собственным проблемам, потому что семья «наставника» вот-вот должна была нагреться домой. Вкратце описав положение, в которое он попал, Джо был вынужден добавить и подробности, потому что «наставник» оказался довольно дотошным.

Однако, выслушав его, Скруп признался, что во всех делах, которые он решал вместе с прокурором, ему больше приходилось иметь дело с ошибками совсем другого рода, чем та, которая выпала на долю Джо. Всего два месяца назад, например, к нему обратились родственники покойного, которого кремировали, хотя он верил в загробную жизнь. В тот же день упокоили в земле другого, который завещал, чтобы его кремировали. В таких делах, добавил Скруп, работы гораздо точнее и исполнительнее, чем живые чиновники, которые, собственно, и поставляют машинам

неправильные данные. Что касается Главного прокурора, то, по мнению Скрупа, это тоже не человек, а робот, потому что решения его часто взяты с потолка, навлекают всяческие неприятности на живых и подвергают поруганию мертвых. Кроме того, Главный и сидит-то где-то в Большом Денбери, а не в их предместье.

Понимая, что помощи не последует, Джо все же снова спросил, что ему делать.

Ничего пригодного для применения на практике Скруп не придумал. Так они и сидели, отбрасывая один вариант за другим, пока все семейство младших Скрупов не ввалилось в дом, а вслед за детьми пришла и жена. Поскольку младшие попросили перед сном молока, заодно сварили чашку кофе и для Джо. Вежливо отказываясь, он вспомнил, что с чашки кофе все и началось. Это было часов пять тому назад, а казалось — прошла целая вечность.

Общаясь с семьей «духовного наставника», Джо понял, что семья эта тоже живет в долг. Ему стало стыдно за выпитый кофе.

— Не волнуйтесь,— сказал Скруп,— мы с женой все равно кормимся за счет детей.

Будучи закоренелым холостяком, Джо ничего не знал о пособиях, которые получают многодетные семьи от государства. Скруп объяснил, что сам зарабатывает примерно половину того, что получает каждый ребенок.

— Дети, дай им бог здоровья, считают, что я приношу своим трудом пользу,— сказал он,— и отдают свои пособия в общий котел. В наше время не часто видишь такое отношение к родителям.

Джо был вынужден согласиться. Во времена его детства так вести себя было не принято, но он и сейчас не был уверен, что стал бы отдавать свои деньги отцу с матерью.

Когда супруга и дети Скрупа улеглись спать, мужчины еще немного поболтали, но Джо уже понял, что толку от этих разговоров не будет. Скруп обещал достать новые типы бланков для запросов компьютеру, которые отражали бы положение Джо Шульца как можно полнее. Он даже

предложил Джо остаться ночевать, а утром позавтракать, но Джо видел сам, что это невозможно.

— Если я потороплюсь,— сказал он,— то еще успею к своему другу Макс, пока тот не улегся. А то он страсть как не любит, когда его будят среди ночи.

Крепко пожал руку Скрупа — и получив взгляд его шоколадных глаз, полный сочувствия,— Джо снова оказался на улице. Он направлялся к несуществующему Макс, который жил, видимо, где-то под скамейкой больничного парка.

И вот снова этот райский уголок. Стрелка часов приближалась к зловещей цифре 12. Джо долго выбирал себе «постель», пока не нашел подходящий клочок земли под сенью английского дуба, окруженного кустарником. Только теперь, сунув пиджак под голову и вытянувшись во весь рост, он понял, как дьявольски устал за этот день. Джо заснул почти мгновенно, несмотря на сумятицу в мыслях, которые все еще искали выхода. Джо снилось, что он бежит по каким-то длинным, извилистым коридорам, а стены этих коридоров почему-то колышутся, грозя соединиться и раздавить его. И все время, по какому бы коридору ни бежал, он видел какую-то черную пропасть в конце пути. Но вот сквозь сон он стал различать какой-то бесстрастный, настойчивый голос и, открыв глаза, увидел прямо перед собой робота-сторожа. Джо приподнялся и сел.

— Запрещено,— повторял тот упрямо,— запрещено оставаться в парке после наступления темноты.

Джо не мог двинуть ни рукой, ни ногой, он чувствовал себя не просто усталым, а напрочь лишенным сил и воли. Он продолжал лежать не шевелясь.

— Я вызову полицию,— занудно гудел робот,— если вы не уйдете.

Ну и ладно, подумал Джо, рано или поздно это должно случиться. А почему бы мне не отправиться в тюрьму, в самом деле? По крайней мере, выплыву спокойно, а потом, может, кто-то и разберется в моем деле, раз уж оно всплывет на поверхность. Было тут и одно «но»: бродяжничество

считалось мелким преступлением, значит, им опять займутся только компьютеры. Ну что ж, в самом худшем случае отсижу срок, подумал Джо. Он положил руки под голову и стал ждать.

Прошло не более трех минут, и перед ним вырос робот-полисмен. Второй, такой же точно, остался у машины.

Джо предупредительно выложил на грудь свое УЛ и не двинулся с места.

Бросив на него молниеносный взгляд, робот протянул руку-клешню, схватил УЛ и сунул его в компьютер, передающий информацию куда следует. Снова положил УЛ ему на грудь и стал спокойно чего-то ждать. Потом, откуда ни возьмись, на лужайке появился черный «катафалк». Два робота-служителя вытащили из машины носилки на колесах, уложили Джо, запеленав в простыню, закатали в «катафалк» и тронулись в путь.

Ситуация была очень похожа на предыдущую, но на сей раз Джо привезли в районный морг. Не успели роботы раскрутить саван, как Джо спрыгнул с носилок и бросился к выходу. Оглянувшись на мгновение, он увидел, что роботы делают совершенно такие же беспомощные движения руками, какие делали их собратья.

Это его даже немного развеселило. Джо не спеша шел по коридору, почти не заботясь о том, куда он в конце концов попадет. Было очень приятно находиться в этом теплом, полуосвещенном лабиринте, хотелось свернуться калачиком где-нибудь в углу и проспать остаток ночи. Но это не выход из положения, а выход необходимо найти срочно, да и выход из морга тоже, хотя бы для того, чтобы поесть.

Мысль о еде вызвала страшный приступ голода. Джо уже и не помнил, когда ел в последний раз. Часы над дверью, через которую ему удалось наконец выбраться из морга, показывали 5.30 утра. Есть хотелось не только из-за нервного напряжения — было достаточно и физического.

Придется добывать завтрак любым способом, даже самым отчаянным. Да ведь и положение отчаянное. Умирать с голоду Джо совершенно не собирался, даже если Главная

машина решила сделать его покойником ради порядка в отчетности.

С этими мыслями он двинулся на поиски какого-нибудь кафе-автомата, пока еще плохо представляя себе, что он там предпримет. На такое кафе он вскоре наткнулся в том же квартале; люди, встающие рано, уже сновали туда-сюда у его входа. Воспользоваться служебным входом, не говоря уж о главном, Джо не решился. А выступать в роли грабителя при всем честном народе не очень хотелось.

А что, если поискать еще какой-нибудь вход? Через несколько минут Джо действительно увидел дверь неброского серого цвета, она поддалась. Войдя внутрь, Джо увидел комнату, в которую выходило три других двери (прямо как в детском телефильме, подумал он): «Бухгалтерия», «Техобслуживание», «Посторонним вход воспрещен». Вот это-то мне и нужно, подумал Джо и вошел в третью дверь.

Компьютер-пропускник, стоящий по левую руку, назойливо подмигивал, требуя, чтобы Джо предъявил свое УЛ. Однако нашему герою это было ни к чему. Да и не до того: как замороженный, он смотрел на целую выставку еды, оказавшуюся перед ним. Из дальнего угла зала выползал конвейер со стопками тарелок; другие конвейеры, поменьше, подавали эти стопки к ячейкам, откуда их брали посетители. Глотая слюнки, Джо разглядывал поджаренный хлеб с джемом, вареные яйца, яичницу с ветчиной, яичницу с корейкой, блинчики, оладьи, свежие булочки. Все это двигалось по конвейеру потоком, и еды хватило бы на целую армию. Тряхнув головой, чтобы прогнать оцепенение, Джо поставил себе на поднос блинчики, ветчину и кофе. Перегнувшись через конвейер, он достал с противоположной стороны нож и вилку и, усевшись на горку чистых подносов, начал заглатывать еду как удав.

Робот-полисмен появился, когда Джо допивал кофе. Он встал и стоял почти смиренно, всего лишь слизывая повидло с пальцев. Робот не спеша сдвинулся к двери, чтобы отрезать Джо путь к отступлению.

— Стоять,— сказал он,— не двигаться. Или я применю силу.

Не отвечая, Джо протянул руку за чашкой, но робот моментально поставил его в позу «руки по швам». Одним из своих щупальцев он вывернул карманы Джо, нашел в них УЛ и сунул в компьютер. В то же время другим щупальцем он потрогал голову, грудную клетку, запястья и лодыжки Джо — процедура, слишком хорошо тому знакомая. Прodelывая все это, робот тихонько гудел, но время шло, и Джо начал подозревать, что что-то не срабатывает. Видеодатчики, служащие роботу глазами, запылали ярче, чем обычно, гудение внутри усилилось, щупальца, сжимающие Джо, вцепились в него еще крепче. Потом он почувствовал запах гари — тлела какая-то изоляция — и увидел дым, проникающий сквозь тончайшие щели в железном теле полисмена.

И наконец — о ужас! — из тела робота вырвалась целая туча дыма. Издав звук, похожий на пьяную отрыжку, робот бросил карточку Джо, отцепил от него свои щупальца и рухнул наземь.

С изумлением и страхом Джо смотрел на эту смерть машины, умевшей думать: почти то же самое, что наблюдать смерть настоящего человека. Он поднял свое УЛ с пола, все еще опасаясь, что робот придет в себя и схватит его. Тот не шевельнулся. Прихватив огромный кусок яблочного пирога, Джо не спеша двинулся к выходу, презрительно поглядывая на распростертого полисмена. И лишь оказавшись за дверью, он бросился бежать со всех ног.

Когда часы показывали ровно десять утра по местному времени, Джо Шульц уже лежал в роскошной постели одного из самых фешенебельных отелей Большого Денбери. Как он туда попал? Незаметно достав самый крайний ключ за стойкой портье. Проверка документов в отелях бывает в 14.00 по европейскому времени — это Джо знал. А это значило, что в его распоряжении по крайней мере

семь часов спокойного сна. Ну а если его и побеспокоят? Тоже не страшно.

Джо нашел выход из положения. Собственно говоря, этот выход маячил перед ним все время, он не желал замечать его потому, что был порядочным человеком, уважающим закон и порядок.

Разгадка пришла в тот момент, когда робот-полисмен, этот тоже порядочный, преданный служака, рухнул под тяжестью противоречивой информации. Она-то его и доконала.

Увидев живого, движущегося нарушителя, робот схватил его и сравнил с удостоверением. Оно было на имя Джо Шульца. Джо Шульц недавно умер. Да, но нарушитель все же не кто иной, как... Джо Шульц. А Джо Шульц уже умер. Но нарушитель жив!!! Фь-ю-ю-ть! «Мозг» робота сгорел, не выдержав такой перегрузки. Джо не очень-то был знаком с устройством компьютера такого типа, но сейчас, лежа в роскошной постели, он не без удовольствия думал о том, что произошло. Если бы я тогда не пошевелился, думал он, меня бы похоронили. Поежившись от этой мысли, он улегся поудобнее и стал думать о том, как будет жить отныне. Уже засыпая, он представлял себе, какие костюмы будет выбирать в магазинах, какие деликатесы будет есть, в каких роскошных отелях будет спать. Умерев для мира компьютеров, да и для всего мира вообще, Джо Шульц был жив и наслаждался истинной, неподдельной свободой.

Чеслав Хрущевский

Ничего нового под солнцем

Эти и Те говорят: «Нет ничего нового под солнцем». Они обманывают и нас и себя, это ясно. Нет ничего нового под нашим солнцем, но ученые-мудрецы при помощи зор-

ких оптических приборов добрались до самых удаленных миров, открыли много новых и сверхновых звезд. Неужели и там, под незнакомыми солнцами тоже ничего нового нет? Во Вселенной столько неразгаданного. Взять хотя бы вон ту яркую звездочку, что несется через Млечный Путь, становясь все ближе, все ярче. Космическая искра? Солнечные брызги? Золотистый шар торопится на свидание с вами, оставляя за собой розовую косу. Ай! С грохотом упал он на Землю, подняв в воздух стаю ворон и вспугнув двух юных влюбленных. Девушка от неожиданности вскрикнула, юноша рассмеялся.

— Не пугайся, это метеорит.

— Он упал с неба?

— Конечно, с неба.

— Еще чуть-чуть, и он бы попал прямо в нас... Посмотри, он шевелится!

— Оптический обман. Камни неподвижны.

— Шевелится!

— Он просто сползает по склону горы.

— Он сползает почему-то в нашу сторону.

— Метеорит или не метеорит?

— Он скрипит.

— Скорее, хрустит.

— Мне холодно. Пойдем домой.

— Не говори глупостей. Надо выяснить, что это такое.

— Я не хочу выяснять! Я хочу домой,— крикнула девушка.— Посмотри, какой он большой. Как стог сена.

— Он шипит и краснеет.

— Ты думаешь, что это метеорит?

— Думаю, что метеорит, но металлический.

— Почему он шипит?

— Потому что трава влажная.

— Он опять закрипел.

— Как будто кто-то хочет открыть дверь.

— Метеорит с дверями? — удивилась девушка.

— Это не метеорит,— сказал юноша.— Спрячься за меня.

- Ну что?
- Ничего. Они, видимо, ждут, когда он совсем остынет.
- О ком ты говоришь? Кто ждет?
- Астронавты. На наше поле опустился контейнер с астронавтами.
- Ты говоришь — опустился? Ухнул так, что земля еле выдержала.
- Посмотри, изнутри выезжает какая-то машина.
- А ведь людей в ней нет.
- Никого. Уже две машины выехали, три, четыре.
- Пять, шесть, семь, восемь машин.
- Восемь машин с дистанционным управлением. Наверняка это проверка автоматического лунного транспорта,— глубокомысленно заключил юноша.— Они так сконструированы, что при их помощи можно увидеть лунные горы и долины, исследовать все, что необходимо.
- Но сейчас-то они на Земле.
- Ну и что? Я же объяснил тебе, что это обычные испытания.
- Они... Они окружают нас.
- Да, четыре машины с одной стороны, четыре с другой. Это становится забавным.
- Я не хотела уходить далеко от дома, все ты! Пойдем, пойдем, побегаем по росе, на заре приятнее всего.
- Ты прекрасно знаешь, что я думал не о росе. Я думал о тебе.
- Ты хотел поцеловать меня?
- Да, но ты защищалась так, будто я страшный преступник.
- Я стеснялась.
- А старики еще говорят, что нынешняя молодежь очень испорчена.
- Ужасно испорчена.
- Девушке уже исполнилось семнадцать лет, а она все еще боится поцелуя.
- Ты тоже стеснялся.
- Я — совсем другое дело. Я принадлежу к числу

застенчивых мужчин. Но ты придаешь мне смелости.

— Скажешь тоже, мужчина. Всего на год старше меня.

— На полтора.

— Говори, говори,— шепнула девушка.— Когда ты умолкаешь, они снова начинают двигаться. Когда говоришь, останавливаются и как будто прислушиваются.

— Пожалуй, ты права. Мы должны говорить без перерыва и заодно думать, как выбраться из этой ловушки. Не знаю, чем все это может кончиться.

— Как ты думаешь, они нас не обидят, а?

— Не волнуйся, в конце концов я ведь с тобой.

— Пожалуй, они посильнее тебя будут.

— Да, они выглядят массивными, но двигаются слишком медленно и неуклюже. Их маленькие колесики не приспособлены для такого грунта. Я в этом уверен.

— Ты разбираешься в машинах?

— Я хорошо знаком с трактором, а это тоже какие-то машины и вряд ли более сложные, чем трактор. Не вижу причин их бояться. Если это действительно пробные испытания лунных автоматов, то они не причинят нам никакого вреда — только осмотрят, запишут наши голоса и вернутся обратно.

— А если у них другие намерения?

— Какие, например?

— Я не знаю.

— Я где-то читал, что в космосе могут существовать и другие разумные существа, кроме нас,— сказал юноша и глубоко вздохнул.

— Такие же люди, как мы?

— Этого никто не знает. Но ученые предполагают, что они тоже исследуют космическое пространство и высылают зонды.

— Я слышу странные звуки, похожие на тихий рокот,— прошептала девушка.

— Это у меня в животе бурчит.

— Слава богу, а то я перепугалась. Так ты говоришь, другие разумные существа высылают на Землю зонды?

— Но еще никто и нигде на нашей планете не встретил ни малейшего следа инопланетян,— важно сказал юноша.

— И должно же было угораздить именно нас их встретить,— с досадой сказала девушка.— Почему ты ничего не говоришь?

— Между машинами еще пока есть проходы, видишь? Мы еще можем попытаться проскользнуть в них, пока машины не сомкнули цепь. Выждем и в подходящий момент сделаем попытку прорваться.

— Они уже закрепились.

— Тогда остаемся на месте. Нам они явно ничего не сделают.

— Они на нас смотрят.

— Мне тоже так кажется.

— Смотрят и слушают. Говори, говори, не останавливайся!

— Я уже не знаю, о чем говорить.— Молодой человек сжал кулаки. Он был готов вступить с машинами в сражение.— У меня с собой сумка с инструментом,— закричал он.— Сейчас я разберу все эти ваши тележки по винтику! Смотрите, вот у меня французский ключ!

— Зачем ты кричишь?

— Чтобы они услышали меня. Я механик. Механик! Понимаете!

— Я боюсь, что они не понимают.

— Ими управляют мыслящие существа.

— Тогда скажи им, чтобы они убрали свои ужасные машины.

— Эй, вы! Сделайте так, чтобы машины повернули назад! Слышите, пусть убираются туда, откуда появились! Машины замигали зелеными лампочками.

— Они пытаются получше рассмотреть нас,— сказал юноша-механик.

— Они высовывают какие-то странные провода и шарики.

— Это антенны и микрофоны.

— Они, наверное, хотят получше нас слышать.

— Мы люди — живые, мыслящие существа. Знаете ли вы, кто такой человек?

— Человек,— неожиданно зарокотала одна из машин,— это наше главное затруднение. Его физическое и психическое существование не поддается сомнению; мыслит, следовательно, существует. А если не мыслит? В космосе постоянно говорят о человеке, его силе, доброте и мудрости, о том, что он обладает необычным чувством юмора, которое выделяет его из всех других существ, населяющих миры белые, миры зеленые, миры красные, миры черные. Эти слухи передаются от планеты к планете, но еще ни разу за время космического путешествия мы не встретили человека. Уже давно мы пытаемся напасть на его следы во Вселенной, ведь в любой сказке должно быть зерно истины, но это зерно не прорастает.

— А мы?.. Она?.. Я...— закричал юноша.

— Что вы?

— Он человек,— подтвердила девушка,— я даю вам честное слово. Каждое утро он уходит на работу. Мы живем в этой деревне за лесом. Он ездит поездом до города. А сегодня он встал раньше, постучал ко мне в окно, и я выбежала из дома. Он хотел поцеловать меня, но не посмел. Он человек, хороший человек.

— И она тоже человек. Мы оба люди.

— Каждый может сказать так,— протарахтела машина.

— Они опять приближаются! Они раздавят нас?

— Ну вот еще! Этого я им не позволю... У меня с собой французский ключ.

— Они выпускают какие-то железные захваты.

— Это искусственные руки.

— Боже мой, они куда-то несут нас!

— Пустите! Оставьте нас в покое!

— Ну вот, теперь кладут на какую-то платформу.

— Что у тебя там? — спросила машина, потрясая сумкой механика.

— Инструменты.

— Какие?

— Ключи, отвертки, напильники, масленка.

— Масленка? — заскрипели машины.

— Пустите меня, вы мне так руки выломаете. Да, я сказал — масленка. Она доверху наполнена прекрасным густым маслом.

— Маслом? Наконец-то! Мы давно ищем масло... Смажьте нас вашим маслом! Вот здесь и здесь. Полцарства за каплю масла!

— Но я не могу даже шевельнуть рукой.

Девушку и юношу поставили на землю.

— Масла, умоляем вас, каплю масла,— жалобно заскрипели машины.

— Одной капли недостаточно,— сказал механик.— Надо как следует смазать ваши колеса и шестеренки.

— Надо... надо... Чего вы ждете?

— Этого масла мало для всех. Его может хватить только на одну, самое большее две машины.

— На одну? Самое большее две? — повторили машины.

Они были заметно обеспокоены. Теперь механик почувствовал себя хозяином положения. Он достал из сумки масленку и бросил ее между стальными черепахами. Машины заискрились и заскрежетали.

— Они дерутся! — закричала девушка.

— Они борются за масленку,— подтвердил юноша.

— Они налетают друг на друга со страшной силой.

— Это битва, настоящая битва!

— Они уничтожают друг друга!

— Для этого я и бросил им масленку.

— Ты очень сообразительный.

— Я обычный механик, но я знаю толк в машинах.

— Что мы будем делать с этим железным ломом?

— Я приеду сюда с трактором и заберу его в мастерские. Там лом пригодится. Из него можно будет сделать мотоцикл или мотороллер.

— И тогда мы сможем поехать на прогулку на мотоцикле. На озеро.

— На озеро лучше ехать ночью. В нем плавает много

звезд, потому что небо висит над водой, и не надо за-
дирать голову.

— Ты поймаешь для меня одну звезду?

— Конечно, поймаю. Одну, две, сто. Сколько ты за-
хочешь.

— И что мы с ними сделаем?

— Мы повесим их на елки.

Они быстро шли по направлению к станции, время от
времени оглядываясь назад. Обломки машин чернели на
фоне розового неба. Звездолет из другой солнечной систе-
мы кружил над Землей, компьютеры анализировали ин-
формацию о встрече с могучими титанами, сокрушившими
восемь машин.

«Это безжалостные и бессердечные существа,— сделал
вывод руководитель космической экспедиции.— К тому же
несокруσιμο могучие. Нам угрожает смертельная опас-
ность. Бежать! Бежать!»

Даина Чавиано

Опять этот робот!

Гавана, 19 февраля 2157 года

Дорогой Рени!

Лидия летит на Ганимед, и я пользуюсь случаем отпра-
вить тебе несколько строк. Едва узнав о том, что мы рас-
стались, и о том, как опечалена я твоим отъездом, она
сразу предложила захватить для тебя письмо, поэтому оно
должно попасть к тебе очень скоро. Лидия сказала мне,
что на Деймосе пробудет недолго, но все равно успеет
оставить письмо на местной почте.

Твою прощальную записку Роби мне передал. Ты пред-
ставить себе не можешь, как я расстроилась! Я столько раз
перечитывала ее, что буквально зачитала до дыр.

Любимый, неужели ты не понимаешь: нельзя, чтобы из-за ерунды разрушился наш брак! Это было бы просто глупо. Все произошло из-за Роби, но ведь он, бедняжка, руководствовался самыми лучшими намерениями. Если бы ты его сейчас видел — он такой грустный! Он робот очень впечатлительный и теперь ничего не делает, только лязгает суставами и горюет.

И уж если говорить честно, давай признаем, любимый: ты виноват не меньше, а то и больше, чем он. Если бы не эти противные стеклянные конденсаторы, ничего бы не случилось. Ведь не зря, наверное, пишут на этикетке: «Берегите от роботов». О чем ты думал, когда оставил их на полке в кухне? Наверняка о своих ужасных сатурнианских круках. Не понимаю, чем эта гадость так тебя приворожила?..

Но возвратимся к Роби: если бы ты не оставил стеклянные конденсаторы на виду, Роби их не схватил бы и не поменял на свои. А ведь ты знаешь сам, как эти конденсаторы влияют на внутреннее, такое тонкое, устройство любого робота: Роби впал в эйфорию, и когда ты попросил у него лунное средство для укрепления волос, он, не разглядев этикетку на пузырьке, дал тебе пятновыводитель.

Повторяю: опять виноват только ты. Кому бы другому могло прийти в голову поставить пятновыводитель рядом с лунным средством для укрепления волос?

Легко могу представить себе, что ты сейчас думаешь: если бы я внушала Роби, что брать чужое нельзя, он бы не поменял конденсаторы. Ты прав, дорогой, но только наполовину: Роби еще очень мал и слова «нет» не знает. Завод, отправляя роботов на рынок, наклеивает на каждого этикетку с надписью: «Хороший робот, может делать все», и любому ребенку известно, сколько приходится потратить сил, чтобы устранить такое представление о собственных возможностях из маленького металлического мозга.

Лучше будет, если историю с пятновыводителем ты выкинешь из головы. Наберись мужества и признай: виноват был не только он. К тому же лысым ты был немногим более

полугода. И как быстро у тебя потом выросли волосы, и какие замечательные!

Да, да, знаю, о чем ты думаешь: о случае в лаборатории. В этой мерзкой лаборатории! Но до чего же я рада, если бы ты только знал, что Роби хоть на какое-то время покончил с твоими ужасными экспериментами.

«Опять этот робот!» — зарычал ты тогда свирепо. Это были первые твои слова на следующее утро после того, что ты называешь «катастрофой», и ты даже не подумал о том, что бедный Роби стоит рядом и для его схемы то, что он услышал, может иметь роковые последствия!

Но кому, кроме тебя, любовь моя, придет в голову, что маленький робот может отличить сатурнианского крука от ящерицы? Хотя тебе очень хотелось спать, ты ни в коем случае не должен был допускать, чтобы Роби самостоятельно наводил в лаборатории чистоту, пусть намерения у него были при этом самые хорошие. И уж давно не следовало тебе поручать ему выбрасывать мертвых ящериц в мусоропровод.

Что Роби по ошибке выбросил не мертвых ящериц, а живых круков, не так уж важно. Но никогда не позволю я тебе взваливать на него твою собственную вину за то, что случилось позже.

Если обожаемым тобой крукам взбрело в голову вылезти из мусоропровода, вернуться в лабораторию, разбить два пузырька несмываемых чернил, съесть подопытных крыс и разбросать по лаборатории твои неудобочитаемые записи, то уж Роби, извини, абсолютно здесь ни при чем. Он только выполнял приказ выбросить мертвых ящериц. И, коли на то пошло, раз уж твои мерзкие круки съели крыс, их-то, круков, ты и должен был использовать как подопытных животных, а не вопить истошно в присутствии малыша Роби.

Но понимания и чуткости от тебя ждать не приходится. В голове у тебя одни круки, и ты не придумал ничего лучшего, чем подобрать их, заговорить с ними как с детьми, а потом бережно и любовно посадить их назад в клетку.

Просто стыд! Что сказали бы знакомые, если бы увидели,

как ты стоишь перед клеткой и любишь этими омерзительными тварями, которые только и знают, что строить рожи и показывать язык.

Нет, даже в голове не укладывается! Убеждена, любовь моя, что тебе следовало бы показаться психиатру. Я всегда подозревала, что работа на Деймосе твою нервную систему вовсе не укрепляет; а сейчас я голову дам на отсечение, что работа эта тебе просто вредна.

Но оставим эту неприятную историю и поговорим о нас с тобой.

Если решишь вернуться на Землю, мы могли бы на несколько дней поехать отдохнуть. Уверена, что на Базе выражать не станут.

Я уже думала об отеле «Селена» в Варадеро — идеальное место для нового медового месяца. Говорят, в баре «Космос» чудесно, и к тому же это единственный бар на Кубе, где можно послушать настоящую «космическую» музыку.

Сейчас Роби стоит около меня. Смотрит из-за моего плеча, как я пишу, и когда я уверила его, что ты скоро приедешь, глазенки его радостно заморгали. В том, что ты приедешь, убеждена, и не только потому, что ты меня любишь, но и потому, что, кроме меня, никто на Земле не вынесет твоих противных-препротивных круков, без которых ты жить не можешь.

Жду космограммы, в которой ты сообщишь, что возвращаешься.

С безграничной любовью

Ана

P. S. Роби просит, чтобы ты, если можно, что-нибудь ему привез. По-моему, лучше всего — стеклянные конденсаторы.

Содержание

- 5 *Е. Ванслова. Границы могущества*
- 16 *Джон Браннер. Отчет № 2 Всегалактического Объединения Потребителей: двухламповый автоматический исполнитель желаний.
Перевод с английского Р. Рыбкина*
- 31 *«Бессердечный безумец».
Перевод с английского М. Загота*
- 50 *Гордон Р. Диксон. Незванный гость.
Перевод с английского М. Гилинского*
- 62 *Любен Дилов. Очередной номер.
Перевод с болгарского Ф. Гримберг*
- 75 *Томмазо Ландольфи. Университетский компьютер.
Перевод с итальянского Е. Молочковской*
- 80 *Мюррей Лейнстер. Логический компьютер по имени Джо.
Перевод с английского Ф. Мендельсона*
- 102 *Дж. Т. Макинтош. Дело рук компьютера.
Перевод с английского М. Гилинского*
- 117 *Хосе Гарсиа Мартинес. Роб-ерт и Роб-ерта.
Перевод с испанского Р. Рыбкина*
- 120 *Уолтер М. Миллер-младший. Я сотворил тебя.
Перевод с английского В. Ковалевского*

- 133 *Ондржей Нефф*. Спецвыпуск теленовостей.
Перевод с чешского Т. Осадченко
- 138 *Франко Оссола*. «Дерби» и компьютер.
Перевод с итальянского Л. Вершинина
- 142 *Эрно Паасилинна*. На бирже труда.
Перевод с финского Т. Джафаровой
- 145 *Роберт Сильверберг*. Кредитная лавка Компании.
Перевод с английского Ю. Эстрина
- 164 Тру-ру-ру.
Перевод с английского В. Вебера
- 190 *Роберт Шерман Таунс*. Задача для Эмми.
Перевод с английского В. Волина
- 201 *Джон Уиндем*. Исчезнувший робот.
Перевод с английского Татьяны Шинкарь
- 224 *Герберт В. Франке*. Психотерапия.
Перевод с немецкого Р. Рыбкина
- 227 *Х. Харгривс*. Если сказали тебе, что ты умер...
Перевод с английского Э. Башиловой
- 243 *Чеслав Хрущевский*. Ничего нового под солнцем.
Перевод с польского Н. Стаценко
- 250 *Даина Чавиано*. Опять этот робот!
Перевод с испанского Р. Рыбкина

Д 29 Дело рук компьютера: Сб. зарубеж. фантаст.: Рассказы/Предисл. Е. Вансловой. Сост. Ростислава Рыбкина.— М.: Известия, 1988.— 256 с. (Библиотека журнала «Иностранная литература»)

В рассказах сборника поднята злободневная тема — отношения человека и компьютера в современном обществе, — решенная большинством авторов в психологическом аспекте.

Д $\frac{470300000-020}{074(02)-88}$ 64-88 ББК 84. (0) 6
Сбз

ДЕЛО РУК КОМПЬЮТЕРА

Ответственный за выпуск *В. Перехватов*

Редактор *И. Тогова*

Художественный редактор *С. Мухин*

Технический редактор *Г. Голосовская*

Корректор *Л. Шмелева*

ИБ № 1202

Сдано в набор 21.08.87. Подписано в печать 8.02.88. Формат 70×100/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,4. Усл. кр.-отт. 21,1. Уч.-изд. л. 11,98. Тираж 50 000 экз. Зак. № 969. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР». 103791, Москва, Пушкинская пл., 5.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Общая тема — Человек и Компьютер — объединяет рассказы этого сборника. Тема не только злободневная, ведь компьютеры используются сейчас уже практически во всех сферах, но и позволяющая сделать некоторые прогнозы: какие "думающие" машины нужны человеку в будущем и как сложатся отношения — да, да, именно отношения! — человека и компьютера. Ведь от того, станет ли машина орудием и помощником человека, или человек превратится в ее придаток, в подчиненное компьютерам существо, во многом зависит наше будущее.

В книге собраны рассказы писателей Болгарии, Великобритании, Италии, Испании, Канады, Кубы, Польши, США, Финляндии, ФРГ, СССР.

